

Федеральное государственное бюджетное образовательное учреждение
высшего образования
«Астраханский государственный университет имени В.Н. Татищева»

На правах рукописи



Холова Любовь Александровна

**ТРАНСФОРМАЦИЯ ОБРАЗА ЧУЖОГО В СОЦИАЛЬНОЙ РЕАЛЬНОСТИ
ПОСТСОВЕТСКОГО ПРОСТРАНСТВА**

Специальность 5.7.7. Социальная и политическая философия

Диссертация
на соискание ученой степени
кандидата философских наук

Научный руководитель –
доктор философских наук,
профессор Романова А.П.

Астрахань – 2022

ОГЛАВЛЕНИЕ

ВВЕДЕНИЕ.....	3
ГЛАВА 1. ПРОБЛЕМА ОТНОШЕНИЯ СВОЙ – ЧУЖОЙ В СИСТЕМЕ СОЦИАЛЬНО-ФИЛОСОФСКОГО ЗНАНИЯ: ТЕОРЕТИКО- МЕТОДОЛОГИЧЕСКИЙ АНАЛИЗ.....	13
1.1. Основные подходы к пониманию образов Своего, Другого и Чужого в научном дискурсе.....	13
1.2. Советская и постсоветская социальная реальность как поле для исследования образа Чужого: концептуализация понятий	35
1.3. Образ Чужого в советской социальной реальности	50
ГЛАВА 2. ДИНАМИКА ИЗМЕНЕНИЙ ОБРАЗА ЧУЖОГО В СОВРЕМЕННОЙ РОССИИ.....	65
2.1. Амбивалентное культурное поле постсоветского социума.....	65
2.2. Основные характеристики образов постсоветского Чужого.....	77
2.3. Динамика трансформации образов Своего, Чужого в межкультурной коммуникации Каспийского социума	97
ЗАКЛЮЧЕНИЕ	116
СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ.....	122
ПРИЛОЖЕНИЯ.....	145

ВВЕДЕНИЕ

Актуальность темы исследования. Информационное пространство в последнее время заполнено обсуждением проблем взаимоотношений прошлого и настоящего, трудностей межкультурной коммуникации и межличностных отношений, а также культурных конфликтов в текущей политической обстановке в стране и мире. Интерес к событиям прошлого и поиск своих корней становится общемировой тенденцией, так как современный мир всё более нестабилен и изменчив. Для современного российского общества одной из определяющих исторических вех явился распад СССР, повлёкший за собой кардинальные трансформации в социокультурной и политической сферах, приведший к возникновению постсоветского пространства и к масштабному кризису идентичности в бывших советских республиках.

Бывшие союзные республики, ранее участвовавшие в построении новой исторической общности – «советский народ», активно формируют свою государственность на основе конструирования новой национальной идентичности, построенной с учетом этнических и конфессиональных факторов и переосмысленной региональной истории. Данные процессы влекут за собой изменение вектора восприятия Чужого, трансформацию его образов, а как известно, образ Чужого всегда являлся лакмусовой бумагой, позволяющей определить состояние общества. Даже сам характер изменения образов, появление новых и исчезновение прошлых, смена ведущих маркеров «чужести» позволяют выявить основные векторы и проследить траекторию трансформации. Использование бинарной оппозиции Свой – Чужой всегда являлось одним из способов конструирования социальной реальности.

Необходимо учесть, что молодёжь так называемого постсоветского пространства вырастает уже в совершенно иной социальной реальности. Подрастающее поколение, рождённое в постсоветский период, не имеет

эмоционального отношения и индивидуального опыта существования в советской действительности. Советское общество является для них прошлым, репрезентированным посредством массмедиа или воспоминаний родственников. Процесс самоидентификации в условиях дигитализации и глобализации происходит с установлением новых идеологических, гражданских, семейных, карьерных ориентаций. Комплекс образов Чужого советской эпохи отличается от образов, появившихся в постсоветском пространстве, причём в отдельных регионах он имеет свою специфику, которая оказывает значительное влияние на построение модели отношений Свой – Чужой.

Степень научной разработанности проблемы.

Для исследования выбранной темы использовались философские, культурно-исторические, социологические, политические, психологические исследования зарубежных и отечественных учёных.

Феномен Свой – Чужой рассматривался в работах Э. Гуссерля¹, М. Бубера², Г. Зиммеля³, Э. Левинаса⁴, Б. Вальденфельса⁵, П. Рикера⁶, Р. Штихве⁷. В концепции Вальденфельса Чужой рассматривается вне условленной оппозиции Свой – Чужой, так как у него есть собственные причины и основания для существования. Ю. М. Лотман⁸ выводил семиотическую модель оппозиции Свой – Чужой. Амбивалентная сущность Чужого выявлена и описана в работах Р. Штихве. Отдельные аспекты оппозиции Свой – Чужой рассмотрены в статьях отечественных исследователей Е. И. Балакиной⁹, Л. И. Казаковой¹⁰,

¹ Гуссерль Э. Картезианские размышления / пер. с нем. Д. В. Складнева. СПб.: Наука: Ювента, 1998. 315 с.

² Бубер М. Я. Я и Ты. М.: Высш. школа, 1993. 175 с.

³ Зиммель Г. Экскурсы о чужаке / Пер. А. Ф. Филиппова // Социологическая теория: история, современность, перспективы. Альманах журнала «Социологическое обозрение». СПб.: Владимир Даль, 2008. С. 7–13.

⁴ Левинас Э. Время и Другой. Гуманизм другого человека. СПб.: Высшая религиозно-философ. шк., 1999. 530 с.

⁵ Вальденфельс Б. Мотив чужого. Минск: ПроPILEI, 1999. 176 с.

⁶ Рикер П. Я сам как Другой. М., 2008. 416 с.

⁷ Штихве Р. Амбивалентность, индифферентность и социология чужого. Пер. с нем. Т. С. Головой // Журнал социологии и социальной антропологии. 1998. Т. 1. № 1. С. 41–53.

⁸ Лотман Ю. М. Внутри мыслящих миров. Человек – текст – семиосфера – история. М., 1996. С. 175–193.

⁹ Балакина Е. И. Диалог как способ превращения «чужого» в «свое» // «Свое» и «чужое» в культуре: сб. ст. и материалов Всеросс. заоч. науч. конф. с междунар. участием «Человек и мир человека». Барнаул; Рубцовск: Изд-во Алт. ун-та, 2011. С. 73–82.

¹⁰ Казакова Л. И. Многоаспектность проблемы «своих» и «чужих» в культурно-историческом процессе // «Наши» и «чужие» в российском историческом сознании: материалы Междунар. науч. конф. СПб., 2001. С. 21–23.

М. Б. Красильниковой¹¹, В. Г. Лысенко¹², В. М. Пивоева¹³, Н. А. Черняк¹⁴, А. К. Якимовича¹⁵ и др. В коллективной монографии А. П. Романовой, Е. В. Хлыщевой, С. Н. Якушенкова и М. С. Топчиева¹⁶ трансформация представлений о Чужом рассматривается через призму угроз культурной безопасности. Авторы монографии вводят новые термины: «постЧужой» и «неоЧужой». Позднее в монографии «Многоликий другой, инвариантность образов Другого/Чужого»¹⁷ они анализируют базовые маркеры чужести. На основе изучения концепций зарубежных и отечественных исследователей можно прийти к выводу, что в большинстве из них оппозиция Свой – Чужой рассматривается как основной фактор существования противоречий и противостояний в социуме и одновременно как основа межкультурных коммуникаций. Следующим шагом в диссертационном исследовании становится обращение к проблематизации советского мира и постсоветского пространства, «советского человека» в его пространственно-временных рамках и социальной реальности. Данные аспекты поднимаются в работах А. Г. Дугина¹⁸, А. В. Малашенко¹⁹, А. Суздальцева²⁰,

¹¹ Красильникова М. Б. «Своё» и «чужое» пространство в картине мира русской культуры при переходе от традиционного к современному периоду // «Своё» и «чужое» в культуре: сб. ст. и материалов всерос. заоч. науч. конф. с междунар. участием «Человек и мир человека». Барнаул; Рубцовск: Изд-во Алт. ун-та, 2011. С. 39–48.

¹² Лысенко В. Г. Познание чужого как способ к самопознанию (попытка ксенологии) // Россия в диалоге культур. М., 2010. С. 90–102.

¹³ Пивоев В. М. «Свой» против «чужих»: (проблема героя в русской культуре) // «Своё» и «чужое» в культуре: сб. науч. ст. Петрозаводск, 2001. Вып. 2. С. 14–20.

¹⁴ Черняк Н. А. Нужно ли преодолевать чужое? // Вестник Омского университета. 2013. № 3. С. 17–19.

¹⁵ Якимович А. К. «Свой-чужой» в системах культуры // Вопросы Философии. 2003. № 4. С. 48–60.

¹⁶ Романова А. П., Хлыщева Е. В., Якушенков С. Н., Топчиев М. С. Чужой и культурная безопасность. М.: Российская политическая энциклопедия (РОСПЕН), 2013. С. 215.

¹⁷ Многоликий Другой. Инвариантность образов Другого/Чужого / А. П. Романова, С. Н. Якушенков, Е. В. Хлыщева [и др.]. Астрахань: Индивидуальный предприниматель Сорокин Роман Васильевич (Издатель: Сорокин Роман Васильевич), 2018. 334 с.

¹⁸ Дугин А. Г. Геополитика постсоветского пространства. Доклад на семинаре Центра консервативных исследований 23 марта 2011 [Электронный ресурс]. URL: <http://www.konservatizm.org> (Дата обращения 20.04.2020).

¹⁹ Малашенко А. В. Заметки о пространстве, именуемом постсоветским, и о том, что там делает Россия // Дружба народов. 2011. № 9. С. 135–152.

²⁰ Суздальцев А. И. Основные политические и социально-экономические проблемы постсоветского пространства // В кн.: Мировая политика / Сост.: И. Н. Тимофеев, Т. Махмутов, Е. Алексеенкова; под общ. ред.: С. В. Кортунов. М.: Издательский дом ГУ-ВШЭ, 2007. С. 396–446.; Суздальцев А. И. Постсоветское пространство: уходящая реальность // В кн.: Мир вокруг России: 2017.; Контуры недалекого будущего / Под общ. ред.: С. А. Караганов. М.: Культурная революция, 2007. С. 122–135.

Л. Б. Брусиловской²¹, П. Вайля и А. Гениса²², В. В. Волкова²³, Л. Д. Гудкова²⁴. Конструирование социальной реальности становится объектом изучения в работах зарубежных исследователей П. Бергера и Т. Лукмана²⁵, Ф. Коркюфа²⁶, Б. Верлена²⁷, А. Хеппа и Н. Коулдри²⁸ и отечественных исследователей Г. М. Никитина²⁹, Е. В. Цветкова³⁰, С. Н. Еланской³¹, С. П. Дуреева и Н. С. Дуреевой³², О. Е. Ионовой³³.

Поскольку исследование затрагивает тему культурной памяти и процесса ностальгирования в постсоветский период, особое значение для диссертации имели работы, связанные с исследованиями в сфере *Memories Studies*, теории поколений и публичной истории советского и постсоветского периодов. Диссертант обращается к работам М. Хальбвакса³⁴, А. Ассман³⁵, П. Нора³⁶, З. Баумана³⁷ и

²¹ Брусиловская Л. Б. Культура повседневности в эпоху «оттепели» (метаморфоза стиля) // *Общественные науки и современность*. 2000. № 1. С. 163–174.

²² Вайль П., Генис А. 60-е: Мир советского человека. М.: Новое литературное обозрение, 1996. 368 с.

²³ Волков В. Советская цивилизация как повседневная практика: возможности и пределы трансформации / В. Волков // *Куда идет Россия? Общее и особенное в современном развитии: материалы Международного симпозиума* / под общ. ред. Т.И. Заславской. М.: Интерцентр. С. 323–333.

²⁴ Гудков Л. Д. Перерождения «советского человека» (об одном исследовательском проекте Левада-центра) // *Одиссей. Человек в истории*. М.: Наука, 2007. С. 398–436.

²⁵ Бергер П., Лукман Т. Социальное конструирование реальности. Трактат по социологии знания. / Пер. Е. Д. Руткевич. М.: Медиум, 1995. 323 с.

²⁶ Коркюф Ф. Новые социологии. М.: Институт экспериментальной социологии; СПб.: Алетейя, 2002. 172 с.

²⁷ Верлен Б. Общество, действие и пространство. Альтернативная социальная география // *Социологическое обозрение*. 2001. Т. 1. № 2. С. 26–47.

²⁸ Couldry N., Hepp A. (2016). *The Mediated Construction of Reality*. Cambridge: Polity Press. 278 pp.

²⁹ Никитин Г. М. Феноменологическая модель познания социальной реальности в неклассической социальной философии // *Дискуссия*. 2012. № 1. С. 20–26

³⁰ Цветков Е. В. Научная фантастика как способ конструирования социальной реальности (социально-философские аспекты): специальность 09.00.11 «Социальная философия»: диссертация на соискание ученой степени кандидата философских наук / Цветков Евгений Викторович. Архангельск, 2009. 203 с.

³¹ Еланская С. Н. Социально-философский анализ советского кинематографа как средства конструирования социальной реальности: специальность 09.00.11 «Социальная философия»: диссертация на соискание ученой степени кандидата философских наук / Еланская Светлана Николаевна. Тверь, 2007. 213 с.

³² Дуреев С. П., Дуреева Н. С. Конструирование социальной реальности в контексте современного мирового развития // *Вестник Челябинского государственного университета*. 2016. № 3 (385). С. 21–25.

³³ ИONOва О. Е. Конструирование социальной реальности в теории координированного управления смыслообразованием // *Вестник МГИМО-Университета*. 2010. № 4 (13). С. 130–135.

³⁴ Хальбвакс М. Коллективная и историческая память // *Неприкосновенный запас*. 2005. № 2–3 (40–41). С. 8–27.

³⁵ Ассман Я. Культурная память: Письмо, память о прошлом и политическая идентичность в высоких культурах древности / Пер. с нем. М. М. Сокольской. М.: Языки славянской культуры, 2004. 368 с; Ассман А. Мемориальная культура и историческая политика. М.: Новое литературное обозрение, 2014. 328 с.

³⁶ Нора П. Проблематика мест памяти // *Франция – память* / П. Нора, М. Озуф, Ж. де Пюимеж, М. Винок. СПб.: Изд-во С.-Петерб. ун-та, 1999. С. 17–50.

³⁷ Бауман З. Ретротопия / Пер. с англ. В. Л. Силаевой; под науч. ред. О. А. Оберемко. М.: ВЦИОМ, 2019. 160 с. (Серия «CrossRoads»).

С. Бойм³⁸, а также отечественных ученых и исследователей Ю. Г. Лидерман³⁹, В. С. Дубиной и А. С. Завадского⁴⁰, Е. О. Труфановой⁴¹, В. А. Лекторского⁴², М. М. Федоровой⁴³, А. П. Романовой⁴⁴ и др.

Можно констатировать, что в современных исследованиях феномена Чужого недостаточное внимание уделено проблеме трансформации образа Чужого как процессу, в котором выражаются интенции развития общества, в частности вычленимые в границах постсоветского пространства. Несмотря на то что работ, посвящённых изучению проблемы Чужого, достаточно, вне поля зрения остается существенный аспект данной проблемы – изменение вектора восприятия Своего-Чужого в постсоветской социальной реальности.

Объект исследования – образ Чужого в социальной реальности постсоветского пространства.

Предмет исследования – векторы трансформации образа Чужого в постсоветском социуме.

Цель диссертационного исследования: выявить факторы, определяющие тенденции и векторы процесса трансформации образа Чужого в условиях постсоветской социальной реальности.

Задачи диссертационного исследования:

- рассмотреть основные теоретико-методологические подходы к пониманию образов Свой – Другой – Чужой в научном дискурсе;
- концептуализировать понятия «советской» и «постсоветской» социальной реальности;

³⁸ Бойм С. Будущее ностальгии / Перевод с английского А. Стругач. М.: Новое литературное обозрение, 2019. 680 с. (Серия: Библиотека журнала «Неприкосновенный запас»).

³⁹ Лидерман Ю. Г. В сторону травмы. Как время приобретает качество «пост»? // Пути России. Будущее как культура: прогнозы, репрезентации, сценарии: доклады участников XVII Международного симпозиума, Москва, 29–30 января 2010 года. Москва: Редакция журнала «Новое литературное обозрение», 2011. С. 522-533.

⁴⁰ Все в прошлом: Теория и практика публичной истории / Под. Ред. А. С. Завадского, В. С. Дубиной. М.: Новое издательство, 2021. 448 с.

⁴¹ Труфанова Е. О. Человек и его память в цифровизирующемся мире // Вестник Челябинского государственного университета. Сер.: «Философские науки». 2021. № 8 (454). Вып. 61. С. 30–38.

⁴² Лекторский В. А. Индивидуальная и коллективная память: старые проблемы и новые вызовы // Вопросы философии. 2020. № 6. С. 11–17.

⁴³ Федорова М. М. Поколенческий разрыв и историческая память поколения цифровой эпохи / М. М. Федорова, А. П. Романова // Электронный научно-образовательный журнал «История». 2020. Т. 11. № 9 (95). С. 23.

⁴⁴ Романова А. П. «Советская ностальгия» несветского цифрового поколения / А. П. Романова, М. М. Федорова // Южно-российский журнал социальных наук. 2021. Т. 22. № 1. С. 6-18.

- выявить основные образы Чужого в советской культуре и их маркеры;
- охарактеризовать амбивалентность конфликтного социокультурного поля постсоветского пространства;
- выявить основные образы и маркеры Чужого в культуре постсоветского пространства;
- определить динамику изменений образов Своего и Чужого в межкультурной коммуникации на постсоветском пространстве Каспийского макрорегиона.

Теоретические и методологические основы исследования. Сложность объекта изучения, обусловленная пониманием важности интеграции целого ряда научных подходов к исследуемой проблеме, для получения максимально объективных результатов предполагает применение комплексного подхода в исследовании. Учитывая тот факт, что проблема образов Своего, Другого и Чужого анализировалась в рамках многих теорий и дисциплин, будет использован комплексный подход к анализу трансформации образа Чужого на постсоветском пространстве.

В основе методологии диссертационного исследования лежит междисциплинарный подход, позволяющий вычленив феномен Чужого в сечениях политических, культурных и социальных процессов. Взаимосвязь этих процессов, отражающая комплексный и системный характер трансформации образа Чужого в постсоветском социуме, выявляется посредством обращения к инструментарию феноменологии. Феноменологическая рефлексия, осуществляемая как деконструкция сформировавшихся в советское и постсоветское время образов Чужого, позволяет вычленив как результат системной трансформации, так и сам процесс. С этой целью феноменологический метод используется как метод исследования процессов и явлений «жизненного мира», реализуемый в рамках подхода Э. Гуссерля.

Для определения трансформации и факторов формирования отношения к Чужому на постсоветском пространстве используются методы социально-философского анализа и метод фокус-группового исследования.

Содержательно логика и структура диссертационного исследования строится следующим образом: от описания основных способов концептуализации образов Своего и Чужого в советскую эпоху до перехода к анализу сущности образа Чужого в постсоветском социуме как репрезентации новых социальных реалий.

В диссертации используются эмпирические данные, собранные в рамках исследовательского проекта при поддержке РФФИ конкурса «Аспиранты», №19-311-90034 «Трансформация образа Чужого в культуре постсоветского пространства Каспийского макрорегиона».

Научная новизна исследования состоит в следующем:

— репрезентированные в научной литературе концепции Чужого рассмотрены как основа для комплексного социально-философского анализа образа Чужого;

— концептуально выявлена взаимосвязь понятий «советская социальная реальность» и «постсоветская социальная реальность», отражающая динамику общественных процессов.

— предложена репрезентативная в отношении трансформации типология образов внутреннего и внешнего Чужого в советском и постсоветском социуме;

— выявлены амбивалентные характеристики культурного поля постсоветского пространства;

— показаны основные векторы трансформации образов Чужого в постсоветском социуме;

— обоснована специфика образов Своего и Чужого в межкультурной коммуникации на постсоветском пространстве Каспийского макрорегиона.

Положения диссертации, выносимые на защиту.

1. Репрезентируя процессы формирования образа Чужого и трансформации этого образа, дискурс Свой – Чужой становится маркером социального изменения, а траектория трансформаций образа Чужого – зеркалом проблем в социальной сфере жизни общества в ее коммуникативном срезе, в аспекте восприятия Другого.

2. Понятие «постсоветский», не являясь частью бинарной оппозиции, тем не менее не может быть концептуализировано в отрыве от понятия «советский», поскольку постсоветская социальная реальность до сих пор включает в себя бэкграунд элементов советской культуры. Под постсоветской социальной реальностью мы понимаем социокультурное поле, сформированное общей коллективной памятью советской эпохи.

3. Символический образ «советский человек» как генерализированный Свой есть основа для типологии, разделяющей образы Чужого на внутренние и внешние. К внешним относятся «буржуй» «капиталист», «иностранец» и т.д., к внутренним - «враг народа», «поп», «интеллигент», «тунеядец», «стиляга» и.д., акцентуированные вестиментарными, алиментарными, конфессиональными и иными маркерами.

4. Социум постсоветского пространства не является гомогенным, поскольку факторы его формирования изначально поливариантны, в настоящий момент он является синтезом «советского» и основных трендов современности. Советское прошлое и культурные паттерны эпохи СССР определяются как Другое в силу взаимной зависимости «советского» и «постсоветского», преемственности между советским прошлым и российским настоящим.

5. В постсоветском пространстве векторы трансформации образа Чужого обусловлены диахронными характеристиками. До 2000 г. это преимущественно внутренний Чужой: «коммуняка», «новый русский», «кидала», «мажор», – как реакция на политический и экономический хаос в стране. После 2000 г. акцент смещается на внешнего Чужого: «террористы», «гастарбайтеры», «санкционеры», – как реакция на внешние вызовы социуму. Образ советского человека и его положение в категориальной цепочке Свой – Другой – Чужой – Враг – Монстр находится в промежуточной позиции между Свой и Другой. Социальные и политические события последних трех лет (пандемия коронавирусной инфекции, январские события 2022 г. в Казахстане, специальная военная операция на Украине) породили новые, ситуативные маркеры и образы Чужого.

6. В силу неоднородности постсоветского пространства отношения Свой – Чужой в разных географических точках неодинаковы. Каспийский макрорегион наиболее репрезентативен, поскольку на его территории сосредоточена значительная часть новых государственных образований с общим советским прошлым. Модель отношений здесь наиболее амбивалентна, поскольку, с одной стороны, бывшие Свои становятся статусно Чужими, с другой стороны, коллективная память и этнические взаимосвязи внутри региона позволяют воспринимать его если и не как Своего, то как Иного, Другого. Однако с появлением цифрового поколения факторы вариативности отношений меняются под влиянием виртуального пространства, религиозный и этнический компоненты замещаются личностными.

Теоретическая значимость работы заключается в концептуализации особенностей трансформации образа Чужого в постсоветской социальной реальности, что позволяет определить дальнейшие направления изучения специфики межкультурной коммуникации и формируемой культурной памяти у молодого постсоветского поколения.

Практическая значимость работы связана с тем, что выводы, сделанные в диссертации, значимы для государственных структур, ответственных за проведение образовательной и молодёжной политики в стране и Прикаспийском регионе. Результаты данной работы могут быть использованы в общих курсах по социальной философии и философии культуры, антропологии и социологии культуры, а также для разработки курсов по семиотике культуры, визуальной культуре, теории межкультурных коммуникаций. Систематизированный материал, а также полученные в ходе анализа выводы могут стать базой для дальнейшей научно-исследовательской работы. Исследование новых вариаций образа Чужого привнесет новые перспективы в концепцию социетальной безопасности.

Апробация полученных результатов исследования.

Основные положения проведенного исследования отражены в 12 научных публикациях, в том числе в 4 статьях, опубликованных в изданиях, входящих в перечень ВАК, 2 публикации – в журналах, индексируемых в международной базе

данных Web of Science, также в 12 докладах на всероссийских и международных конференциях, конгрессах: Международный научный форум «Каспий 2022: пути устойчивого развития» (Астрахань, 2022 год), Лекторий лидеров Совета молодых ученых и специалистов АГУ (Астрахань, 2022 год), International Winter School «Debating Points of International and Regional Security» (Краснодар, 2022 год), Конгресс молодых ученых (Сочи, 2021 год), Всероссийская мастерская молодых ученых ReThink (Москва, 2021 год), Erasmus Days: Челлендж-Конкурс «Устойчивое развитие и безопасность в прикаспийском регионе» (Астрахань, 2021 год), Международная научно-практическая конференция «Проблемы комплексной безопасности Каспийского макрорегиона» (Астрахань, 2021 год), Всероссийская научная конференция с международным участием «Политика развития в условиях цифровизации общества» (Краснодар, 2020 год), Всероссийская научная конференция с международным участием «Астраханские Петровские чтения» (Астрахань, 2019 год), Всероссийская (национальная) научная конференция «Актуальные проблемы современного общества» (Орел, 2019 год), Молодёжный научно-просветительский проект «Мир Кавказу» и молодёжный научно-просветительский форум «Кавказ в орбите международных отношений» (Ростов-на-Дону, 2018-2019 гг.), Международный конгресс «Элиты и лидеры: стратегии формирования в современном университете» (Астрахань, 2017 год).

Структура диссертации определяется целью и поставленными задачами и включает введение, 2 главы, заключение, список литературы и приложения.

ГЛАВА 1. ПРОБЛЕМА ОТНОШЕНИЯ СВОЙ – ЧУЖОЙ В СИСТЕМЕ СОЦИАЛЬНО-ФИЛОСОФСКОГО ЗНАНИЯ: ТЕОРЕТИКО-МЕТОДОЛОГИЧЕСКИЙ АНАЛИЗ

1.1. Основные подходы к пониманию образов Своего, Другого и Чужого в научном дискурсе

На современном этапе развития общества процессы интеграции и глобализации нивелируют различия и особенности культур, тем самым стирая границы между Своим и Чужим. Наблюдается и обратный процесс актуализации значимости антинормы Свой – Другой – Чужой.

Для современного человека Чужой враждебен, так как поведение его непонятно и удивительно. Человек, проецируя на представителя чужой культуры свои страхи, домыслы и стереотипные установки, оправдывает тем самым свое негативное к нему отношение. В большинстве своем категоричность такого резко отрицательного мнения основывается на незнании и неосведомленности человека об истинной сущности феномена. Стереотипы, последствия информационных войн и манипулятивных воздействий, влияя на сознание человека, изменяют окружающий мир и самого человека, где процесс демонизации может привести к замыканию и отчуждению человека даже в рамках Своих.

Оппозиция Свой – Чужой складывается на разных уровнях. В обыденной жизни она возникает на основе коммуникативных критериев, подразумевающих возможность установления общения (языка, внешности, одежды, манер поведения) и восприятия внешних форм другой культуры. Но более глубокие контакты непосредственно затрагивают присущие каждой культуре ценности, картину мира, мировоззренческие установки: «В условиях развитого межнационального обмена преобладает система дифференцированных оценок, когда одни черты собственной этнической группы и ее культуры оцениваются положительно, а другие –

отрицательно... люди в принципе способны критически отнестись к своей национальной культуре и положительно оценить что-то чужое»⁴⁵.

Вопрос восприятия другой культуры, межкультурная коммуникация, проблема Своего и Чужого в системе культуры всегда занимали важное место в исследованиях отечественных и зарубежных культурологов, социологов, политологов и философов.

Оппозиция Свой – Чужой возникла еще в культуре первобытного общества, существует в культурах народов уже много тысячелетий, и на данный момент в современном мультикультурном обществе остро стоит вопрос о самоопределении человека. Определение границ Своего осуществляется через осознание границ Чужого и наоборот. Люди неизбежно воспринимают и оценивают чужие обычаи, традиции, формы поведения прежде всего сквозь призму своих собственных обычаев и традиций, знакомых им с детства. В народной культуре отношение к представителям других этносов, как правило, этноцентрично. Для обывателя Чужой представляет опасность, так как покушается на пространство и социальную реальность. Однако общество пытается время от времени нейтрализовать свое отношение к Чужому. К примеру, многое «чужое» расположено в «собственном», оно адаптируется и с течением времени присваивается, так как со временем начинает нести пользу для Своих. Когда нечто, что было ранее для нас неизвестным, становится понятным, это кажется нам более безопасным и комфортным.

В зависимости от контекста и эмоциональной составляющей Чужого могут назвать «иным», «чужеземцем» и в категоричной, негативной форме «врагом», «монстром». В английском и французских языках термин «stranger» и «étranger» носят негативный характер и переводятся как «незнакомый», «посторонний», «инородный» и «чужой». В русском языке слово «чужой» синонимично к следующим слова: чуждый, чужеземный, чужестранный, иноземный, иностранный, заграничный, заморский, закордонный, зарубежный, внешний,

⁴⁵ Кон И. С. Социологическая психология. Воронеж, 1999. С. 304–324.

экзотический; непричастный, (по)сторонний, побочный, придаточный, навязанный; пришлый, привходящий, пригульный, приезжий, залетный, наносный, вводный⁴⁶.

Античный философ Платон в своем диалоге «Софист» пишет о необходимости определения образа Чужого или Другого⁴⁷. В античности соотношение Свой – Чужой выражается в оппозиции «эллина – варвары», где греческая культура противопоставляется «некультурному» миру.

Основное противостояние выражалось в отношениях «грек – варвар», «римлянин – варвар», плавно переходящее в противопоставление «цивилизация – варварство». С течением времени данная форма отношений развилась, порождая стереотипные восприятия. Образ варвара, как один из первых образов, получивший характеристику чужести, выражался в языковом дистанцировании, так как варваром назывался тот, кто не владел языком и определенными знаниями.

В Средние века фокус определения чужести с лингвистического сместился в религиозный. Отношения Свой – Чужой начинают выражаться в оппозиции «язычество – христианство», где Чужим становится язычник. Позднее, уже в эпоху Возрождения, проблема восприятия Другого и Чужого концентрируется вокруг вопросов иной телесности, и в эпоху Просвещения формируется в подход, представленный Рене Декартом, Джоном Локком, Готфридом Лейбницем, Вольтером и Шарлем Луи де Монтескье, считавшими, что просвещение и обучение может изменить Другого, сделав его Своим.

В XIX в. проблема отношения Я – Другой рассматривается преимущественно в социально-политическом контексте, выражаясь в понятии «отчуждение». К примеру, немецкий философ и экономист Карл Маркс понимал под «отчуждением» потерю собственной родовой сущности и, как следствие, отчуждение человека от человека. Упоминается концепция «человека Павла», согласно которой человеческая личность в целом формируется лишь посредством своих отношений

⁴⁶ Абрамов Н. Словарь русских синонимов и сходных по смыслу выражений. Чужой. М.: Русские словари, 1999. С. 424.

⁴⁷ Платон. Софист. Сочинения: в 3 т. М., 1970. Т. 2. С. 321–399.

к другим людям. «Лишь относясь к человеку Павлу как к себе подобному, человек Петр начинает относиться к самому себе как к человеку. Вместе с тем и Павел как таковой, во всей его павловской телесности, становится для него формой проявления рода «человек»⁴⁸. В процессе самопознания и изучения окружающего мира человек сравнивает себя с другими людьми, анализирует отношение других к самому себе и свое собственное отношение к ним. Он дистанцируется от Другого и Чужого, руководствуясь разницей в наборе ценностей, мировоззрении и мировосприятии.

Актуализированная проблема существования феномена Чужого вошла в философский дискурс в XX веке. Философами были определены конфигурации критериев чужести и инаковости Другого, который мог при определенных условиях трансформироваться в Чужого. Философская рефлексия оппозиции Я – Другой осуществлена в работах Э. Гуссерля, Ж. П. Сартра, Э. Левинаса, П. Рикера, Б. Вальденфельса.

Зарубежные исследования XX века определили, что коммуникация и дальнейшее отношение к образам Другого и Чужого являются фактором формирования идентичности, по ним определяется мировоззрение личности и общества. Так, Эдмунд Гуссерль, немецкий философ и основатель феноменологии, указывает на то, Чужой активно творит «меня» для себя, конституирует меня⁴⁹. Определяя «объективный мир» в качестве «рабочего средства» в первичном конструировании Другого, Э. Гуссерль находил в нем противоречие, требовавшее своей разгадки и объяснения. «Бытие (*Dasein*) мира понимает само собой прежде всего Другого – настолько, что никто не может даже подумать о том, чтобы эксплицитно выразить его в каком-либо положении. Ведь мы имеем опыт мира, в котором этот мир как постоянно и несомненно сущий находится перед нами»⁵⁰. Гуссерль предлагает сделать шаг к конструированию объективного мира, ведущего

⁴⁸ Маркс К., Энгельс Ф. Собрание сочинений в 50 томах. М.: Гос. издание политической литературы., 1962. Т. 23. С. 62.

⁴⁹ Гуссерль Э. Идеи к чистой феноменологии и феноменологической философии. М.: ДИК, 1999. Т. 1. С. 86, 103, 305, 293, § 102.

⁵⁰ Гуссерль Э. Парижские доклады // Логос. 1991. № 2. С. 7.

к «Другому его». Им подчеркивается тот факт, что проблематика конструирования может быть связана с тем, что Другой еще не осмыслен как Другое Я, как личность. Согласно Гуссерлю, постижение Другого возможно посредством проекции или перестановки собственного тела на тело Другого⁵¹.

В «Картезианских размышлениях» Гуссерль дает новое прочтение как самому Другому, так и признанию, исследованию опыта Другого, которое должно дать ключ к познанию мира не только собственной культуры, но и мира чужой культуры. Другой начинает рассматриваться из позиции Другого Я. В результате возникает общий для всех интерсубъективный мир. При такой позиции другая личность рассматривается как один из равных акторов конструирования общего мира. В связи с данным положением позднее Гуссерль введет понятие «жизненного мира» (нем. *Lebenswelt*). Гуссерль обращается к сфере обыденного понимания мира, к естественному «жизненному миру», с позиций которого он рассматривал проблему взаимопонимания Я и Другого. Тема Другого, исследуемая Э. Гуссерлем, получает гораздо более радикальное и полное истолкование в философии Жана Поля Сартра и его работе «Бытие и ничто».

Согласно Сартру, Другой ограничивается другим человеком, где существование последнего очевидно. Эмоциональные переживания в виде беспокойства, страха и стыда указывают на присутствие Другого в собственной реальности. Подобные реакции являются следствием наличия в Я-мире кого-то внешнего и отличного от Меня. Сфера, где Другой себя обнаруживает и проявляет – сфера повседневности, где Я является центром, в соотношении с которым выстраивается остальной мир. Когда Другой актуализирует свое нахождение рядом, мир меняется: «Появление другого в мире соответствует, следовательно, фиксированному перемещению всего универсума, смещению центра мира, подрывающего снизу централизацию, которую я в то же самое время провожу. Другой похищает у меня мир; мой мир будто убегает от меня к Другому»⁵². Другой

⁵¹ Прехтль П. Интерсубъективность и опыт иного. Введение в феноменологию Гуссерля. Томск: Водолей, 1999. С. 61.

⁵² Сартр Ж. П. Бытие и ничто: Опыт феноменологической онтологии. М., 2000. С. 279.

трансформируется из объекта в объект, он может быть увиден с позиции Я, так и наоборот, Другой видит Меня: «Быть увиденным Другим является истиной «видеть-Другого»⁵³. Следовательно, в трактовке Сартра отношения Я – Другой – это вопрос отношений, основанных на постоянной смене позиций: субъект становится объектом и наоборот. Сартр подчеркивает влияние Другого в контексте пространственного аспекта, а именно: «Для другого я являюсь расположенным, как эта чернильница расположена на столе; для другого я наклонен к замочной скважине, как это дерево склоняется ветром»⁵⁴. Тем самым важно отметить и то, что Сартр пишет о объективизации Меня через взгляд Другого в пространстве, определении положения Меня во времени, а значит, взгляд Другого позволяет стать объектом «пространственно-временного мира». Свобода Я ограничена рамками свободы Другого.

В отличие от диалектики концепции Сартра, Левинас ищет ответы в этике и проблематике инаковости Другого, представленного в опыте Чужого. Проблема опыта интерсубъективности становится главной в работах последователя Гуссерля. «Во всех философиях общности – социальность (мы) – это самотождественный и рядом с ним – Другой»⁵⁵. Левинас пытается дать непредметное описание Другого, при этом подчеркивая, что познание и сведение Другого к самотождественности приводит к лишению его инаковости⁵⁶. Чужесть, по Левинасу, становится онтологической категорией, а Я присутствует, как Самотождественный: «Я не есмь другой. Я – это я сам. Мое бытие, тот факт, что я существую, – мой акт-существования – представляет собою нечто совершенно непереходное, безынтенциональное, безотносительное. Существа могут обмениваться между собою всем, кроме своего акта-существования. В той мере, в какой я есмь, я есмь монада. Именно благодаря моему акту-существования у меня нет ни окон, ни дверей, а вовсе не потому, что я содержу в себе нечто, что не могу передать»⁵⁷. Согласно

⁵³ Сартр Ж. П. Бытие и ничто: Опыт феноменологической онтологии. М., 2000. С. 280.

⁵⁴ Там же. С. 285.

⁵⁵ Левинас Э. Тотальность и бесконечное. Избранное. Тотальность и Бесконечное. М.; СПб.: Университетская книга, 2000. С. 78.

⁵⁶ Там же. С. 82-84.

⁵⁷ Левинас Э. Время и другой. Гуманизм другого человека. СПб.: Высшая религиозно-философская школа, 1998. С. 27.

концепции Левинаса, человек в своем бытии одинок, даже встречаясь со смертью, которая, по сути, и представляет «кардинальное Другое». Несмотря на то что автор подразумевает Другого как смерть, в условиях текущих мировых процессов концепцию следует перенести и на социокультурное понимание Другого. Язык, как основное средство коммуникации и способ преодоления проблемы отсутствия единого мышления, может способствовать преодолению конфликта между «Я есть я» и Другим. Однако, если Самотождественный встречается с Другим, которого нельзя описать материальными, онтологическими категориями, а процесс идентификации не осуществим, то происходит «разрыв тональности»: «Разрыв тотальности не является делом мышления, производящего обычное различие между понятиями, которые определяются одно через другое или, по меньшей мере, вытекают одно из другого. Пустота в тотальности может существовать вопреки мышлению, с неизбежностью тотализирующему и обобщающему, лишь в том случае, если мышление находится перед лицом Другого, не поддающегося классификации. Тогда, вместо того чтобы образовывать с ним некое целое как с объектом, мышление становится говорением. Мы предлагаем называть религией связь, которая устанавливается между Самотождественным и Другим, не образуя при этом тотальности»⁵⁸. Другой, так же как и Самотождественный, находясь в контакте, будет чувствовать имеющуюся пропасть, которая ликвидируется языком и грамотной коммуникацией.

Особого внимания заслуживает исследование Георга Зиммеля, в котором определяется феномен «чуждости», становясь главным понятием при изучении степеней и установок близости, отчуждения социальных сообществ. По Г. Зиммелю, осознание единства и близости у общности определяются через Другого, где Я осознается через отличие от Другого и наоборот. Важно отметить, что Я является частью Мы, которых Другой дополняет фактом своего присутствия и взаимодействия. Г. Зиммель утверждает, что «Я» без «Другого» не

⁵⁸ Левинас Э. Тотальность и бесконечное. Избранное. Тотальность и Бесконечное. М.; СПб.: Университетская книга, 2000. С. 79.

формируется⁵⁹. Здесь Другой влияет своим взаимодействием на Я и Мы. Собственные ценности и возможности определяются через контрастность характеристик Другого и Чужого. Зиммель пишет, что Чужой является носителем более категоричных и негативных характеристик, в отличие от Другого, который чаще выступает в нейтральной окраске. Понятия Другой и Чужой, которые ранее носили близкую коннотацию, становятся различными по своему наполнению. Образы и Другого и Чужого продолжают относиться к более широкой категории, под которой мы понимаем Иных, – тех, кто не похож на Своих. Однако следует учитывать еще одну важную характеристику: Другой имеет возможность занять близкую позицию к Своим в отличие от Чужого, который не обладает такой возможностью. Зиммель отмечает, что образ Другого воспринимается враждебно, угрожающе безопасности Я и Мы (коллектива). По Зиммелю, общество делит Чужих на две категории: Чужие, появившиеся внутри самого общества (бедняки, люди с девиантным поведением – преступники и другие), и странники, пришедшие в данную среду извне (географический и пространственный маркеры чужести)⁶⁰, т.е. внутренних и внешних чужих. Именно данная типология Зиммеля будет использована нами для дальнейшего анализа.

Согласно исследованиям Джорджа Герберта Мида, процесс общения способствует тому, что человек принимает роль Другого на себя. Социализация и инкультурация понимается в рамках «обретения роли»: «установка, которую он вызывает в самом себе, становится стимулом для него к совершению другого действия»⁶¹. Социальное Я образуется благодаря коммуникации, которое всегда отражает реакции окружения и Другого, где множественность форм Я будет зависеть от количества и многообразия субъектов коммуникации, важности их мнения для Самотождественного: Я зависит от Другого, и следовательно, от Чужого: «индивид вызывает в себе самом тот отклик, который он вызывает в другом, и вследствие этого придает таким откликам больший вес, чем другим

⁵⁹ Зиммель Г. Экскурс о чужаке / Пер. А. Ф. Филиппова // Социологическая теория: история, современность, перспективы. Альманах журнала «Социологическое обозрение». СПб.: Владимир Даль, 2008. С. 7–13.

⁶⁰ Зиммель Г. Человек как враг // Социологический журнал. 1994. № 2. С. 114–119.

⁶¹ Мид Дж. Г. От жеста к символу // Американская социологическая мысль. М.: Изд-во МГУ, 1994. С. 221.

откликам, постепенно выстраивая эти наборы откликов в некое преобладающее целое»⁶². Становление индивидуальности невозможно без принятия и постоянной трансформации собственного Я в корреляции с Другим: «когда появляется Я, оно всегда заключает в себе переживание другого; просто переживания Я, самого по себе, быть не может»⁶³. Концепция Дж. Г. Мида одна из первых рассматривает природу человека, его бытие в русле социальной обусловленности и социального генезиса, став в свою очередь основной для социальной психологии и социального конструктивизма.

Альфред Шютц, австрийский социолог и философ, опирающийся в своих исследованиях на работы Эдмунда Гуссерля, также изучал взаимоотношения между группами Свои – Чужие. По мнению Альфреда Шютца, «Мы» и «Они» – это группы, создающиеся посредством коммуникации. В процессе коммуникации личность использует шкалу измерений и характеристик, которая свойственна группе, которую он считает Своей. Согласно трактовке Шютца, «Мы-группа» возникает условно в противовес «Они-группа», которая вызывает опасение и недоверие у личности и социальной группы в целом. Этот факт также объясняет то, что видение одних и тех же объектов коммуникации в разных социальных группах различается.

В процессе сравнения и сопоставления Своего и Другого вырабатывается социальная самоидентификация индивидов. Социальная самоидентификация формируется стихийно в процессе социализации у каждого человека и впоследствии влияет на выбор жизненных стратегий и моделей, на степень готовности людей к взаимодействию с представителями других социальных групп⁶⁴.

Бернхард Вальденфельс, немецкий философ-феноменолог, продолжает исследование Георга Зиммеля и стремится выявить Чужих из числа Других. Философ отмечает, что «чуждость» и «инаковость» находят источник в

⁶² Мид Дж. Г. От жеста к символу // Американская социологическая мысль. М.: Изд-во МГУ, 1994. С. 216.

⁶³ Мид Дж. Г. Разум, Я и Общество // Реферативный журнал. Серия 11. Социология. 1997. № 4. С. 162–195.

⁶⁴ Шютц А. Формирование понятия и теории в общественных науках. В кн.: Американская социологическая мысль. М.: МГУ, 1994. С. 485, 488.

человеческом опыте, при этом являясь его составной частью. Б. Вальденфельс, характеризуя Я, Другого и Чужого, указывает на одновременность их происхождения. При этом четких различий между Другим и Чужим не существует, так как последний лишь заключительная, негативная и категоричная форма Другого, которая не может смягчиться и перейти в более близкую форму для сообщества, то есть относительно группы Мы. Здесь следует отметить, что Другой и Чужой отдалены от нас целым набором характеристик и маркеров, начиная от гендерных и культурных и заканчивая национальными отличиями. Таким образом, и Г. Зиммель, и Б. Вальденфельс считают, что «чужость» – это разновидность «другости», он также является «иным», однако приобретает более негативную окраску⁶⁵.

С позиции обычного человека, Чужой может быть опасен, поскольку он покушается на наше пространство – как географическое, так и социокультурное. Нельзя не упомянуть о том, что общество пытается время от времени нейтрализовать свое отношение к Чужому. Согласно Бернхарду Вальденфельсу, Чужой является одним из звеньев в пространстве «между». «Между» – это «не просто нового рода феномен, но и нового рода организация или, как сказал бы Гуссерль, нового рода логос феномена»⁶⁶.

Общество и социальные группы самостоятельно маркируют каждого представителя, определяют характерные признаки и набор качеств. Следует учесть и то, что социум неоднороден, так как включает в себя маргинальные группы людей. Такие группы, находящиеся в положении «между», чаще всего принято называть Чужими. Именно в 40-60-е годы XX века понятия Своего, Другого и Чужого уступают термину «маргинальности». Сегодня характеристики маргинала могут колебаться от негативных и враждебных («изгой», «бродяги», «отщепенцы», «люди без корней») до нейтральных и формальных по своей коннотации («мигранты» и «беженцы»).

⁶⁵ Вальденфельс Б. Мотив чужого. Минск, 1999. С. 15, 123–139.

⁶⁶ Там же. С. 5.

В современном мире во время глобализации, диффузии культур попытка понимания других традиций, знакомство с иными обычаями становится первым и необходимым шагом для противодействия последствиям «столкновения цивилизаций», предвиденных Сэмюэлом Хантингтоном⁶⁷. С другой стороны, оппозиция Свои – Чужие, Мы – Они сохраняет свою актуальность. Образ Чужого играет важную роль в создании коллективной национальной идентичности общества.

Западные исследования семантической оппозиции Свой – Чужой выявили существенные признаки выделенного явления: «свое – чужое» был принят как универсальный феномен, организующий все формы человеческого существования. Здесь следует упомянуть работу Поля Рикёра «Я-сам как другой», в которой автор рассуждает о путях к пониманию идентичности человека и его «самости». В фокусе философских размышлений Рикёра всегда располагается бытийный субъект. Бытие мира, по Рикёру, оказывается базовым коррелятом бытия Я: «Нет мира без «Я», которое в нем находится и действует, нет «Я» без мира, где оно так или иначе действует».⁶⁸ Именно в работе «Я-сам как другой» автором впервые исследуются вопросы самоидентичности, самости, самоуважения, проблемы Я и Другого. Рикёр определяет три основных черты герменевтики Я: косвенный подход рефлексии; диалектика самости и тождественности; диалектика самости и инаковости. Рикёр критикует Левинаса за абсолютизацию инаковости другого, так как в таком случае Я теряет собственный центр, инициативу, потому что у Левинаса инициатором является именно Другой. Для описания существования Я в модусе самости Рикёр вводит понятие Я-сам, а также выделяет три аспекта инаковости, характеризующих способ бытия Я: инаковость моего тела, инаковость другого, инаковость совести. По мнению Рикёра, «благодаря обратимости ролей каждый агент действия претерпевает действие со стороны другого. И именно претерпевающая власть над собой, осуществляемую другим, он облекается ответственностью за действие, сразу же подчиняется правилу взаимности, которая преобразует правило

⁶⁷ Хантингтон С. Кто мы? Вызовы американской национальной идентичности. М.: АСТ, 2004. С. 75.

⁶⁸ Рикер П. Я-сам как другой. М., 2008. С. 363.

справедливости в правило равенства»⁶⁹. Между Я и Другим существуют отношения диалогичности, следовательно взгляды Рикёра прямо противоположны концепции Сартра, отрицающего возможность диалога и интерсубъективности, так как все конструируется из позиций «В-себе» и «Для-себя»⁷⁰.

Немецкий социолог Рудольф Штихве придерживается мнения о том, что «оказывается под вопросом принципиальная важность категории «чужой» для описания современного мира»⁷¹. Концепция Штихве интересна тем, что в ней описана амбивалентная сущность Чужого, которая учитывает то, что «в системе современного общества принципиально изменяются социальные опыты чужого и схемы социального взаимодействия»⁷². За термином «Чужой» стоят не только абстрактные образы, но и особая структура социальных отношений и опыта. Другой необходим для формирования коллективной идентичности, так как «общество формирует такого чужого, какой необходим ему для проведения инноваций через их воплощение в этой фигуре. Поэтому удивительность чужого является лишь кажущейся, но эта фикция необходима, чтобы уберечь нормативно-ценностные основы общества от направленной на самое себя амбивалентности и вытеснить амбивалентность к границам общества, в фигуру чужого»⁷³. Другой необходим в любом обществе для определения его потенциала, скрытых возможностей.

Отечественный научный дискурс, касающийся проблематики образов Своего, Другого и Чужого, включает работы известных российских исследователей в области философии, филологии, культурологии и антропологии (Ю. М. Лотман, М. М. Бахтин, Р. О. Якобсон, Н. С. Трубецкой, И. С. Выходцева, Е. В. Морозова, М. Л. Лаптева, А. П. Романова, Е. В. Хлыщева, С. Н. Якушенко, М. С. Топчиев и другие). Основу этого процесса заложили классики отечественной

⁶⁹ Рикер П. Я-сам как другой. М., 2008. С. 385.

⁷⁰ Сартр Ж. П. Бытие и ничто. М., 2004. С. 282.

⁷¹ Штихве Р. Амбивалентность, индифферентность и социология чужого. Пер. с нем. Т. С. Головой // Журнал социологии и социальной антропологии. 1998. Том. 1. № 1. С. 47.

⁷² Там же. С. 47.

⁷³ Там же. С. 41.

гуманитаристики Ю. М. Лотман и М. М. Бахтин своими исследовательскими изысканиями в области трактовки понятия «образ».

На формирование образа любой страны и народа оказывают влияние коммуникации и культурное соприкосновение с другими странами и народами. В итоге создается образ, который не идентичен тому образу, с которым себя соотносят жители этой страны. Образ страны, рассмотренный с позиции западного научного дискурса, будет иным, так как каждый язык по-своему описывает мир и определяет особенности восприятия этого образа. Западный культурологический дискурс рассматривает «образ», связанный с представлениями о чужой культуре, в рамках ималогии. Ималогия (от англ. *Image* – «образ»), как наука, изучающая образы стран и народов, их изменение, а также противопоставления по линии Свой – Чужой в рамках собственной и других культур, черпает материал из множества источников (языка, произведений искусства, литературы, фольклора, этнографии, этнологии, культурологии, истории и др.), стремится к их обобщению и выработке некой общей парадигмы рецепции «чужих» в пространстве того или иного национального сознания⁷⁴.

Следует отметить, что в своих работах Ю. М. Лотман не употребляет понятие «образ», используя скорее понятие «символ». Подобный семиотический подход позволил вывести модель оппозиции Свой – Чужой в контексте анализа художественных текстов. Так, Лотман писал, что при наличии в тексте оппозиции «открытое – замкнутое» пространство «важнейшим топологическим признаком пространства делается граница».⁷⁵ «Граница» делит на внутреннее (свое) пространство и внешнее (их), которые предстают, соответственно, как космос и хаос⁷⁶. То есть разграничение мира изначально бинарно. Пронизанность единого культурного пространства разными границами создает многоуровневую систему, которая в свою очередь создает множественность трактовок и трансформаций.

⁷⁴ Журавлева В. И. Изучение ималогии российско-американских отношений по обе стороны Атлантики: итоги и перспективы // Американский ежегодник, 2008/2009. М., 2010. С. 142–166.

⁷⁵ Лотман Ю. М. Структура художественного текста // Лотман Ю. М. Об искусстве. СПб.: «Искусство-СПБ», 1998. С. 220.

⁷⁶ Лотман Ю. М. Внутри мыслящих миров. СПб.: Азбука, 2016. С. 200.

Структуризация внешнего пространства происходит благодаря языку, а именно «фильтрации внешнего и перевода на свой язык»⁷⁷. При этом следует учесть то, что граница двусторонняя: «варвар» создан цивилизацией и так же нуждается в ней, как она в нем»⁷⁸. Образ «варвара», по Лотману, будет конструироваться в культуре исходя из собственного перевернутого отражения. Существующая граница между внутренним и внешним пространством позволяет сохранить и противопоставить уникальность Своего опыту Чужого. Под влиянием конкретных исторических событий и факторов и с учетом множественности семиотического культурного поля образ Чужого может преобразовываться, меняя свою интерпретацию и нарушая существующую границу, создавая при этом маргинальную позицию образа.

Известный отечественный исследователь М. М. Бахтин, говоря о категории «пространства» в культуре, писал о понятии «хронотопа», где хронотоп – «времяпространство», «существующая взаимосвязь временных и пространственных отношений, художественно освоенных в литературе»⁷⁹. Основные черты определенного времени, со свойственным ему многообразием связей и параметров, находятся именно в хронотопе. Говоря о смысле культуры, М. М. Бахтин придерживался позиции, что смысл культуры раскрывается в контакте с миром чужой, иной культуры, границы между которыми проницаемы и изменчивы. Человек, выходя за границу собственного пространства, в среде между двумя точками Я и Другой может преодолеть коммуникативные стереотипы.

В последние десятилетия к анализу проблематики чужести обратилась отечественная лингвистика. Основу заложили Р. О. Jakobson и Н. С. Трубецкой⁸⁰, изучавшие фонетические и морфологические оппозиции, идею которых в дальнейшем развивали их последователи: В. В. Иванов, В. Н. Топоров⁸¹,

⁷⁷ Лотман Ю. М. Внутри мыслящих миров. СПб.: Азбука, 2016. С. 216.

⁷⁸ Там же. С. 219.

⁷⁹ Бахтин М. М. Формы времени и хронотопа в романе. Очерки по исторической поэтике // Вопросы литературы и эстетики. М.: Художественная литература, 1975. С. 234–407.

⁸⁰ Трубецкой Н. С. Основы фонологии. Логическая классификация смысловозначительных оппозиций. [Электронный ресурс]. URL: http://genhis.philol.msu.ru/printer_130.html (Дата обращения: 15.04.2020).

⁸¹ Иванов В. В., Топоров В. Н. Исследования в области славянских древностей. М.: Наука, 1974. 334 с.

А. Н. Серебренникова⁸². И. С. Выходцева в своем исследовании рассматривает концепт Свой – Чужой в советской словесной культуре в период 20-30-х гг., выделяя два базовых основания (ключевых слова): товарищ и враг⁸³.

Стоит отдельно отметить работу астраханского исследователя М. Л. Лаптевой.⁸⁴ В центре исследования М. Л. Лаптевой находятся фразеологические инновации, которые, по мнению автора, отражают взгляд носителей языка на «чужое» культурное пространство. В результате межкультурного взаимодействия, аккультурации мигрантов, в словарный состав языка входят новые лексемы. Продолжается «взаимовлияние языков и культур в едином номинативном поле, где процессу объективации подвергаются актуальные современные реалии, отражающие социальные, политические и межличностные связи»⁸⁵. Процесс ускоряется и доступен для изучения благодаря интернет-коммуникации и популярности электронных средств массовой информации.

Особый интерес представляют работы, имеющие междисциплинарный характер, в данном случае использующие филологические и политические методы исследования. Так М. Ю. Сейранян в работе «Оппозиция «Свой – Чужой» как конфликтоген в политическом дискурсе» рассматривает оппозицию как основу политической коммуникации⁸⁶, где в качестве аргументации приводит характеристику оппозиции образов известного советского и российского лингвиста Ю. С. Степанова: «Это противопоставление в разных видах пронизывает всю культуру и является одним из главных концептов всякого коллективного,

⁸² Серебренникова А. Н. Диалектное слово с семантикой «свойственности» – «чуждости» коммуникации: дис. ... канд. филол. наук: 10.02.01 / Анна Николаевна Серебренникова. Томск, 2004. 213 с.

⁸³ Выходцева И. С. Концепт «свой – чужой» в советской словесной культуре (20-30-е гг.): дис. ... канд. филол. наук: 10.02.01 / Ирина Сергеевна Выходцева. Саратов, 2006. 187 с.

⁸⁴ Лаптева М. Л. «Свое» и «Чужое» в когнитивно-дискурсивном пространстве русской фраземики: специальность 10.02.01 «Русский язык»: диссертация на соискание ученой степени кандидата филологических наук / Лаптева Мария Леонидовна. Астрахань, 2013. 383 с.; Лаптева М. Л. «Своё» и «чужое» национальной культуры во фразеологическом зеркале русского языка. // Языковая политика и вопросы гуманитарного образования: Сборник научных статей III Международной научно-практической конференции, Пенза, 25–27 октября 2018 года / Под редакцией Г. И. Канакиной, М. Г. Лунновой. Пенза: Пензенский государственный университет, 2018. С. 63–68.; Лаптева М. Л. Новое «чужое» в русском фразеологическом пространстве // Гуманитарные исследования. 2021. № 3 (79). С. 28-32.

⁸⁵ Лаптева М. Л. Новое «чужое» в русском фразеологическом пространстве // Гуманитарные исследования. 2021. № 3 (79). С. 32.

⁸⁶ Сейранян М. Ю. Оппозиция «Свой-чужой» как конфликтоген в политическом дискурсе // Преподаватель XXI век. 2012. № 2. С. 310.

массового, народного, национального мироощущения»⁸⁷. Сейранян отмечает, что в политической коммуникации манипулирование направлено одновременно и на оппонента, и на аудиторию: «Категории «свой» и «чужой» (как эксплицитно, так и имплицитно) находят свое выражение в жанровом пространстве политического дискурса и обуславливают его составляющие компоненты. <...> Характерным в ряде случаев является манипулирование, одновременно направленное на оппонента и на «его» («чужую») аудиторию»⁸⁸. При этом политик манифестирует собственную позицию через образ Чужого и максимальную адаптацию под образ Своего – обычного человека. Конфликтная тональность общения подчинена политическим целям, преследуемым политиком или политической группой. В данном случае поднимается вечная проблема противостояния «варварам» как непосредственной угрозе безопасности Своих. По Н. Н. Крадину, «ксенократический» характер собственной культуры ориентирован на дистантную эксплуатацию чужого общества⁸⁹.

Проблему политического Чужого затрагивает и отечественный политолог Е. В. Морозова. Она рассматривает образ Другого в процессах конструирования региональной и национальной идентичностей, изучая также влияние межпоколенческих конфликтов, сетевой политики и пандемии на восприятие Другого⁹⁰. Политолог отмечает, что позиция Другого в субъективном пространстве политики может быть дифференцирована <...> и может быть наполнен (образ) разным содержанием: это может быть внутривнутриполитический Другой (если речь идет о политической идентичности), а также внешнеполитический (геополитический)

⁸⁷ Степанов Ю. С. Константы: словарь русской культуры. М.: Академический проект, 2004. С. 124.

⁸⁸ Сейранян М. Ю. Оппозиция «Свой-чужой» как конфликтоген в политическом дискурсе // Преподаватель XXI век. 2012. № 2. С. 312.

⁸⁹ Крадин Н. Н. Империя хунну. 2-е изд. М., 2002. С. 103.

⁹⁰ Морозова Е. В. Образ другого в конструировании региональной идентичности (на примере регионов стран Южной Европы) // Время больших перемен: политика и политики: материалы Всероссийской научной конференции РАПН, Москва, 24–25 ноября 2017 года, Российский университет дружбы народов; Под редакцией О. В. Гаман-Голутвиной, Л. В. Сморгунова, Л. Н. Тимофеевой. Москва: Российский университет дружбы народов (РУДН), 2017. С. 249–251.; Морозова Е. В. Образ Другого во внутривнутриполитическом дискурсе (на примере Страны Басков) // Каспийский регион: политика, экономика, культура. 2017. № 4 (53). С. 74–80.; Морозова Е. В. Образ другого/чужого в формировании внешнеполитической идентичности (обзор литературы) // Историческая и социально-образовательная мысль. 2016. Т. 8. № 6-2. С. 183-186.

Другой, если речь идет о национально-государственной идентичности или внешнеполитической идентичности»⁹¹.

Нельзя не отметить работу в области изучения проблем Чужого астраханской исследовательской школы, представленной А. П. Романовой, С. Н. Якушенковым, Е. В. Хлыщевой, О. С. Якушенковой, М. С. Топчиевым и Р. Т. Алиевым. Результаты своих исследований ученые опубликовали в серии статей и двух коллективных монографиях⁹². В основе их исследований лежит положение о том, что «отношение к Чужому – это лакмусовая бумага общественного развития, определяющего гуманитарную составляющую общественного дискурса»⁹³. Ни одно общество не может функционировать, не соприкасаясь с Чужим. Образ народа создают как Свои, так и Чужие. Как правило, Свои стремятся создать положительный и позитивный образ страны, который внедряется в сознание жителей не только своей страны, но и жителей внешнего мира, то есть Чужих. Все, что находится вне и за границей мира, есть Чужое.

Следует отметить, что данное взаимодействие Своего и Чужого может проходить как напрямую, так и опосредованно. Благодаря формированию и опознаванию собственной инаковости, общество может развиваться либо в сторону, направленную к Чужому, либо против него. Таким образом, в данной концепции Чужой является неким онтологическим, эпистемологическим и аксиологическим феноменом, который формирует окружающую нас действительность. Онтологический уровень анализируется в рамках феноменологического подхода и в соответствии с современной европейской критической теорией. «Эпистемологический уровень (от греч. *Episteme* – знание)

⁹¹ Многоликий Другой. Инвариантность образов Другого/Чужого / А. П. Романова, С. Н. Якушенков, Е. В. Хлыщева [и др.]. Астрахань: Индивидуальный предприниматель Сорокин Роман Васильевич (Издатель: Сорокин Роман Васильевич), 2018. С. 211.

⁹² Романова А. П., Хлыщева Е. В., Якушенков С. Н., Топчиев М. С. Чужой и культурная безопасность. М.: РОССПЭН, 215 с.; Романова А. П., Якушенков С. Н., Лебедева И. В., Топчиев М. С. Феноменология чужого в системе культурной безопасности // Человек, сообщество, управление. 2011. № 1. С. 44–56.; Романова А. П., Якушенков С. Н. Чужой как объективная реальность, данная нам в ощущениях и размышлениях // Вопросы философии. 2013. № 2. С. 49–55.; Романова А. П. Амбивалентность образа монстра в современной культуре: дихотомия «свой-чужой» // Евразийский союз учёных, Москва. 2015. № 3. С. 52–54.; Романова А. П. Образ «Чужого» на постсоветском пространстве // Каспийский регион: политика, экономика, культура. 2016. № 4. С. 159–166.

⁹³ Романова А. П., Хлыщева Е. В., Якушенков С. Н., Топчиев М. С. Чужой и культурная безопасность. М.: РОССПЭН, 2013. С. 4.

помогает обществу выработать определенные «нормы», самоидентифицироваться и идентифицировать других и одновременно дифференцировать. Аксиологический аспект феномена Чужого кроется в постоянном стремлении его оценить, принять или отвергнуть»⁹⁴.

А. П. Романова и другие астраханские исследователи построили свою концепцию на пролонгированной линейке образов Свой – Другой – Чужой – Враг – Монстр⁹⁵, что позволило обозначить комплексную проблему выявления векторов трансформации образов в меняющемся мире с учетом глобализации и динамики изменения социума. Исследователи проанализировали факторы трансформации его полярности (Чужого в Своего и наоборот («*visa versa*»)) для выделения базовых маркеров образов Другого/Чужого, максимально отражающей вариации, которые принимают эти образы в реальной и виртуальной сферах.

Практически все государства на современном этапе встречаются с проблемой взаимодействия с Чужим. Нет ни одного социума на земном шаре, который бы не был вынужден решать эту проблему экзистенциального свойства. При этом параметры взаимодействия с Другим/Чужим выходят за рамки собственно онтологического содержания, будучи сведены нередко к аксиологической или эпистемологической парадигме. Далее исследователи предприняли попытку выстроить определенную систему координат, на которой в общественном дискурсе располагается тот или иной образ Чужого/Другого. При этом аксиологическая бинарность подходов к формированию образов Другого/Чужого служит индикатором социокультурных и социально-экономических процессов. Появление новых образов Другого/Чужого всегда указывало на особый этап в развитии общества – от революционных преобразований до стагнационных периодов. Именно поэтому типологизация и даже простая инвентаризация образов Чужих/Других в социокультурном дискурсе поможет выявить ксеноморфную

⁹⁴ Романова А. П., Хлыщева Е. В., Якушенков С. Н., Топчиев М. С. Чужой и культурная безопасность. М.: РОССПЭН, 2013. С. 5.

⁹⁵ Там же. С. 5.

ориентированность социума в ее самых широких границах: от ксенофобии до ксенофилии.

В рамках исследования С. Н. Якушенковым была предложена серия маркеров Чужого в виде набора алиментарных, вестиментарных, языковых, сексуальных и иных характеристик, которые позволяют производить сравнительный анализ Чужого как в синхронном, так и диахронном аспекте. Исследователи утверждают, что данные, полученные в результате анализа, позволят не только корректировать направления формирования национальной идентичности, но и могут использоваться в рамках социального проектирования. Развитие интернет-пространства и онлайн-коммуникации порождает новые социальные группы, в которых может быть бесчисленная смена аватаров. Параметры определения чуждости меняются и постоянно трансформируются, в силу того что меняется и постоянно трансформируется современный социум. Так, в работах О. С. Якушенковой и Р. Т. Алиева детализирована трансформация алиментарных маркеров этнического Чужого в (пост)ковидный период⁹⁶. Процесс коммуникации в пандемию и постковидный периоды приобретает новые формы, порождая новые и возрождая старые установки и взгляды на Чужого. Актуализация образа Чужого активно происходит в период кризиса, что подтверждает необходимость использования расширенной терминологической цепочки: Свой – Другой – Чужой – Враг – Монстр⁹⁷. Мировосприятие общества, каждого человека в отдельности выстраивается в зависимости от менталитета, стереотипов и распределения образов по данной последовательности. В случае с пандемией рождаются новые образы с новыми маркерами: зараженный, вакцинированный, Другой-китаец⁹⁸.

Таким образом, чтобы «установить, из каких реальных черт возник этот образ (Чужого), насколько он соответствовал этим реальным чертам, до какой степени и

⁹⁶ Алиев Р. Т., Якушенкова О. С. Алиментарные модели этнического чужого в (пост)ковидный период // Журнал фронтальных исследований. 2021. Т. 6. № 3 (23). С. 213–226.

⁹⁷ Многоликий Другой. Инвариантность образов Другого/Чужого / А. П. Романова, С. Н. Якушенков, Е. В. Хлыщева [и др.]. Астрахань: Индивидуальный предприниматель Сорокин Роман Васильевич (Издатель: Сорокин Роман Васильевич), 2018. С. 4.

⁹⁸ Алиев Р. Т., Якушенкова О. С. Образ Чужого в (пост)ковидный период: анализ русскоязычных интернет-запросов // Galactica Media: Journal of Media Studies. 2021. Т. 3. № 4. С. 163–190.

как долго оставались релевантными возникшие представления и оценки, или же они остаются таковыми и поныне»⁹⁹, необходимо реконструировать всесторонне и в мельчайших деталях историю этого образа.

Отношения Свой – Чужой складываются на разных уровнях. В обыденной жизни они возникают на основе коммуникативных критериев, подразумевающих возможность установления общения (языка, внешности, одежды, манер поведения) и восприятия внешних форм другой культуры. Российский социолог И. С. Кон подчеркивает, что более глубокие контакты непосредственно затрагивают присущие каждой культуре ценности, картину мира, мировоззренческие установки: «В условиях развитого межнационального обмена преобладает система дифференцированных оценок, когда одни черты собственной этнической группы и ее культуры оцениваются положительно, а другие – отрицательно»¹⁰⁰.

В памяти индивида формируется три образа: личный образ, то есть видение самого себя; образ своей семейной, этнической и социальной общности и образ Чужого – народа или социума.

Поскольку межгосударственные конфликты, критические ситуации на государственном или общемировом уровне усиливают процесс разделения на Своих и Чужих, идентифицируя их по различным признакам, среди которых наиболее очевидными являются раса, религиозная принадлежность и этнос. Как правило, сформированный негативный образ посредством массмедиа и стереотипных установок распространяется на всех представителей иной национальности, религии, этноса. Также есть и примеры перехода отрицательного образа в положительный, к примеру в том случае, если враг становился союзником. Так, французский лингвист Эмиль Бенвенист указывает, что «чужой враг», как тот, с кем сражаются, под действием соглашения, которое было заключено в соответствии с установленными обрядами и священными положениями,

⁹⁹ Копелев Л. Образ «чужого» в истории и современности // Лев Копелев и его «Вуп-пертальский проект» / Под ред. Я. С. Дабкина. М., 2002. С. 5.

¹⁰⁰ Кон И. С. Социологическая психология. Воронеж, 1999. С. 304–324.

становится временным другом. Такой вид соглашения при условии взаимности могли сформировать «истинно человеческие отношения»¹⁰¹.

Таким образом мы видим, что в современном философском и гуманитарном дискурсе проблема интерпретации и места образов Своего и Чужого в их детализации не только становится все более актуальной, но и является неким зеркалом социальных трансформаций. В современном мире имеется тенденция к закреплению нормы идентичности путем проекции на Другого отвергаемых субъективных качеств, концентрируемых в обобщенном образе Другого как Чужого.

Свойство человеческой психики делить мир на себя и остальных порождает интересное для изучения пространство образов, которые существуют в социальной реальности, влияя на происходящие в повседневности и мировом масштабе события. Следует отметить, что «образ «чужого» складывается задолго до реальной встречи с этим «чужим» в процессе соединения архетипических представлений с впечатлениями повседневной жизни <...>, затем эти впечатления, чаще всего непреодолимые, дополняются и развиваются сведениями, полученными из книг и от других людей». «Встреча с другим», собственный опыт наблюдения и общения считается проверкой этих представлений, но при этом «чаще всего человек считает действительным и верным именно то, что он предполагал заранее и что нашло подтверждение при встрече с реальностью»¹⁰².

Восприятие Другого человека в качестве Своего или Чужого определяет отношения с ним, где система отношений личности влияет на категоризацию Других людей как Своих и Чужих. Свое и Чужое определяются границами друг друга, они взаимосвязаны и не существуют друг без друга. Я предстает системой отождествления со Своим и неотождествления с Чужим.

Восприятие Другого человека в качестве Своего или Чужого определяет отношения с ним; система отношений личности влияет на категоризацию ею Других людей как Своих и Чужих. Свое и Чужое определяются границами друг

¹⁰¹ Бенвенист Э. Общая лингвистика. М.: Едиториал УРСС, 2002. С. 369.

¹⁰² Оболенская С. В. Германия и немцы глазами русских (XIX в.). М., 2000. С. 9.

друга, взаимосвязаны и не существуют друг без друга. Я предстает системой отождествления со Своим и не-отождествления с Чужим. Отношения Своего и Чужого взаимодополняемы. Принятие Чужого обусловлено высокой степенью самоуважения и уверенности в себе, толерантности и принятия многообразия элементов социальной реальности.

Другой человек предстает для личности в качестве Своего – в категориях Ты, Мы, Друга, и Чужого – в категориях Он, Они, Врага, организующих социально-психологическое пространство общения, конструирования, восприятия образа Другого, формирования самосознания личности, конструирования систем его идентичности.

Глобализация и активная дигитализация пространства, влияющие на межкультурную коммуникацию и взаимодействие представителей разных поколений, смещают вектор негативной оценки Чужого на нейтральную, благодаря иллюзии «близости» собеседника из другой страны. Принятие Чужого основывается на факте взаимного понимания, используемого в общении тезауруса, идеологических и мировоззренческих принципов, а не географической дальности, цвета кожи или разницы в традициях. Ускоренное развитие культурного ландшафта и смена трендов скорее приводит к расслоению на Своих – Чужих в рамках одного общества, группы, так как старшее поколения не всегда может оперативно отвечать на вызовы современности. Адаптируясь под условия времени, в котором молодому поколению придется действовать и развиваться, они передадут часть поколенческой ментальности, включая образ Чужого, новому поколению, которое снова все трансформирует.

Историческое содержание бинарных оппозиций Я – Другой, Мы – Они, Свой – Чужой, связанных с процессами конструирования идентичности, имеет фундаментальное значение для раскрытия специфики формирующего их социума. Дискурс Свой – Чужой является маркером социального изменения и развития благодаря тому, что этот дискурс репрезентирует процессы формирования образа Чужого и трансформации этого образа. Процесс формирования данных понятий динамичен и социально обусловлен характеристикой эпохи, социокультурного

пространства и вектором его развития. Новые направления исследования данной проблематики возможны на пересечении различных подходов.

Таким образом, исследование теоретических концептов понятий Свой и Чужой, а также критический анализ зарубежной и отечественной литературы позволяет определить высокую степень интереса зарубежных и отечественных исследователей к бинарным оппозициям Я – Другой, Мы – Они, Свой – Чужой, так как они имеют фундаментальное значение для раскрытия специфики формирующей их культуры и ее самосознания.

Степень отрицательности образа Чужого зависит от остроты межрасовых, межконфессиональных, межэтнических и межгосударственных противоречий. Именно этнические стереотипы, устанавливая жесткие границы между культурными мирами, мешают их взаимопроникновению. Этнические предубеждения ограничивают сферу общения между представителями разных этносов и мешают установлению между ними доброжелательных отношений, ведут к взаимному отчуждению, порождающему новые проблемы.

1.2. Советская и постсоветская социальная реальность как поле для исследования образа Чужого: концептуализация понятий

Отечественная философская традиция стала рассматривать проблему «советскости» и соответственно специфику советского общества как феномен в 90-е годы XX века, после прекращения существования СССР, в отличие от западных исследователей, которые описывали советскую действительность на протяжении всего ее существования и преимущественно критически, в сравнении с тоталитарными режимами других государств. Отечественные исследования прежде всего подчеркивают неоднородность и динамичность феномена

«советского». К примеру, социум и проявления «советского» периода 30-х годов имеет существенные отличия от «советского» более поздних периодов. Обращаясь к достаточно популярному в отечественной исследовательской практике термину «совок», следует отметить, что представители разных сфер являются предполагаемыми авторами термина: музыкант Александр Градский, философ Михаил Эпштейн, культуролог Александр Генис, писатель и журналист Петр Вайль¹⁰³. Термин «совок» в публицистической и художественной литературе наделяется негативными характеристиками¹⁰⁴. В более поздних исследованиях «советское» описывается как динамичный феномен, включающий в себя особую политическую систему и технологию управления, а также особую форму существования человека с уникальной идеологией, ментальностью и культурой повседневности.

Советская действительность и сущность советского человека отражены в работах многих отечественных и зарубежных исследователей: Н. Н. Козловой¹⁰⁵, И. И. Сандомирской¹⁰⁶, К. А. Богданова¹⁰⁷, И. В. Утехина¹⁰⁸, Н. Б. Лебиной¹⁰⁹, Н. Рис¹¹⁰, С. Бойм¹¹¹ и других авторов. Так, С. Бойм описывает «советское» как набор мифов, которые существуют и в постсоветской действительности, сопровождаемые ностальгией по «советскому»¹¹². Концептуализировать «советское» через мифы, порожденные советской повседневной культурой, пыталась американская антрополог Нэнси Рис, отмечая, что исследователь может «вспомнить все то, что мы на протяжении последнего десятилетия для себя самих

¹⁰³ Эпштейн М. К истории и значению слова «совок» // Топос. 2008. [Электронный ресурс]. URL: <http://www.topos.ru/article/6455> (Дата обращения: 12.12.2019).

¹⁰⁴ Зиновьев А. Гомо советикус. М., 1991. 414 с.; Пелевин В. Зомби по-советски // Общественные науки и современность. 1993. № 6. С. 157–170.

¹⁰⁵ Козлова Н. Н. Советские люди. Сцены из истории. М.: Издательство «Европа». 2005. 544 с.

¹⁰⁶ Сандомирская И. И. Родина в советских и постсоветских дискурсивных практиках // Интеракция. Интервью. Интерпретация. 2004. № 2–3. С. 16–26.

¹⁰⁷ Богданов К. А. Vox populi: фольклорные жанры советской культуры. Новое литературное обозрение, 2009. 362 с.

¹⁰⁸ Утехин И. В. Очерки коммунального быта. 2-е изд. доп. М.: ОГИ, 2004. 277 с.

¹⁰⁹ Лебина Н. Б. Советская повседневность: нормы и аномалии. От военного коммунизма к большому стилю. М.: Новое литературное обозрение, 2015. 488 с.

¹¹⁰ Рис Н. «Русские разговоры»: Культура и речевая повседневность эпохи перестройки / Пер. с англ. Н. Н. Кулаковой и В. Б. Гулиды. Предисл. И. Утехина. М.: Новое литературное обозрение, 2005. 368 с.

¹¹¹ Бойм С. Общие места: мифология повседневности. М., 2002. 320 с.

¹¹² Там же. С. 12.

незаметно, но старательно вытесняли на периферию, в кажущееся небытие бессознательного»¹¹³.

Особенности советской повседневной (коммунальной) реальности приводят исследователей к проблеме соотношения личного и коллективного, особенности коммунальных общностей и сосуществования в ограниченном пространстве. Специфические нормы и ценности были сформированы под влиянием процесса построения коммунистического будущего. Советское пространство представляло собой единое пространство, объединяющее миллионы граждан разных национальностей в величайшую по своим размерам и своему мировому влиянию державу. Исторические события и постсоветские научные исследования показали, что с культурообразующей точки зрения советское пространство являлось более устойчивой конструкцией, чем СССР как государственное образование.

Территориально (географически) границы пространства «советского», как границы существования режима, четко очерчены – это границы СССР. В рамках данного диссертационного исследования «советское» представляется как опыт, существующий за пределами Советского Союза и оказывающий влияние на современную Россию и страны СНГ.

Советская социальная реальность является одной из форм социальной реальности, понимаемой представителем феноменологической социологии А. Шютцем как повседневный мир, переживаемый и интерпретируемый действующими в нем людьми, как структурированный мир значений, выступающих в форме типических представлений об объектах этого мира¹¹⁴.

Советская социальная реальность, несмотря на то что представляет собой уже социальный конструкт исторического прошлого, формально завершивший свое существование, тем не менее, несмотря на фактический распад советского государства, продолжает существовать как ментальный феномен, продолжающий

¹¹³ Рис Н. «Русские разговоры»: Культура и речевая повседневность эпохи перестройки / Пер. с англ. Н. Н. Кулаковой и В. Б. Гулиды. Предисл. И. Утехина. М.: Новое литературное обозрение, 2005. С. 6.

¹¹⁴ Новые направления в социологической теории / *New Directions in Sociological Theory*. Общая редакция: Осипов Г. В. Перевод с английского: Л. Г. Ионин. М.: Прогресс, 1978. С. 51.

оказывать влияние на поступки людей, которые родились и выросли в СССР, их привычки и мировоззрение.

С понятием советской социальной реальности неразрывно связана концепция «советского человека», или «*homo sovieticus*», где популярность использования последней формулировки приписывается одноименному сатирическому роману Александра Зиновьева, опубликованному в 1982 году. Иронический неологизм был подхвачен западным сообществом и интегрирован не только в научный, но и в массовый оборот. В 2021 году, вдохновившись книгой Зиновьева, два режиссера, родившихся в СССР, Иво Бриедис и Рита Рудуша, сняли одноименный фильм «*Homo Sovieticus*». В фильме герои занимаются поиском ответов на вопросы «Кто такой «человек советский»?» и «Можно ли им перестать быть сейчас, спустя 30 лет после распада СССР?»¹¹⁵.

Следует отметить, что социальная реальность не детерминирована географическим фактором, а скорее основана на смысловом и пространственно-временном единствах. Советская социальная реальность содержит в себе уникальный культурный код, который сохраняется несмотря на социальные катаклизмы и трансформации. Советская социальная реальность полна символов и выражена во множестве когнитивных смысловых образах, присущих советской идеологии. Будучи подкрепленными жизненными практиками поколениями, которые родились и прожили большую часть своей взрослой жизни при СССР, образы советской реальности закрепляются и начинают функционировать как традиционные и обобщённые модели бытия.

Физической и формальной точкой отсчета, началом существования советской социальной реальности следует считать события 1917 года. Новый социальный порядок – создание развитого социалистического общества, основные характеристики которого фиксировались в Конституции СССР, главном документе Союза: «Это общество, в котором созданы могучие производительные силы, передовая наука и культура, в котором постоянно растет благосостояние народа,

¹¹⁵ ArtDocFest. Конкурс «Балтийский фокус». *Homo sovieticus*. [Электронный ресурс]. URL: https://artdocfest.com/ru/movie/homo_sovieticus_2020_70/ (Дата обращения: 10.02.2022).

складываются все более благоприятные условия для всестороннего развития личности. Это общество зрелых социалистических общественных отношений, в котором на основе сближения всех классов и социальных слоев, юридического и фактического равенства всех наций и народностей, их братского сотрудничества сложилась новая историческая общность людей – советский народ. Это общество высокой организованности, идейности и сознательности трудящихся – патриотов и интернационалистов. Это общество, законом жизни которого является забота всех о благе каждого и забота каждого о благе всех. Это общество подлинной демократии, политическая система которого обеспечивает эффективное управление всеми общественными делами, все более активное участие трудящихся в государственной жизни, сочетание реальных прав и свобод граждан с их обязанностями и ответственностью перед обществом.

Развитое социалистическое общество – закономерный этап на пути к коммунизму»¹¹⁶.

Социалистическая идея выступала в качестве основы нового формируемого порядка. «Советский человек» рассматривался и как нормативный образец (лозунг, плакатный и пропагандистский образ в кино, романах, газетных очерках), к которому люди обязаны стремиться, и как мера воплощения этого образца, представленного в сюжетах «перековки», коммунистического воспитания, становления «настоящего человека», борьбы с «пережитками капитализма», «мещанством»¹¹⁷. Особенность социалистической идеи также заключается в том, что понятие «советского человека» описывало не только уже существующий тип личности, но и тот тип, который будет формироваться и существовать в коммунистическом будущем.

Советская социальная реальность трансформировалась в практические схемы действия и мышления в соответствии с требованиями коммунистической

¹¹⁶ Конституция (Основной закон) Союза Советских Социалистических Республик (принята на внеочередной седьмой сессии Верховного Совета СССР девятого созыва 7 октября 1977 г.). [Электронный ресурс]. URL: <https://dokipedia.ru/document/5163641> (Дата обращения: 03.05.2020).

¹¹⁷ Демонтаж коммунизма. Тридцать лет спустя / Коллективная монография; под ред. К. Рогова. М.: Новое литературное обозрение, 2021. С. 277.

партии и идеологии коммунизма. Оно имело свою динамику трансформации. «Советское» 30-х годов и «советское» 60-х годов различны по ценностным ориентациям и коллективным практикам, так как советский человек постоянно «обживал» собственную социальную реальность, аналогично обживанию родного дома, по А. Шютцу¹¹⁸. К концу 80-х, особенно в период «перестройки», общество нуждалось в изменении жизненных установок, в новых способах идентификации собственного Я. Действующие концепты советского бытия перестали быть скрепами, которые являлись основой для существования советского миропорядка.

Спустя тридцать лет после распада СССР «советское» продолжает влиять на инкультурацию и социализацию новых поколений граждан, а также на политическую и экономическую сферу.

Распад СССР привел к осложнению внешнеполитической и внутривнутриполитической ситуации в России. Образование СНГ и сложности политического, социокультурного регулирования привели к обострению проблем русских в ближнем зарубежье и увеличению количества беженцев из соседних государств в Россию. Разрастались военные конфликты у ее границ (Нагорный Карабах в Азербайджане, Абхазия и Грузия). Сепаратистские вызовы впоследствии перевели фокус внимания на внешнеполитические проблемы, оставив на втором плане вопросы формирования новой идеологии и конструирование нового типа личности, отвечающего вызовам современности.

В течение тридцати лет возникли и развивались исследования посткоммунистического социума практически во всех странах бывшего СССР, что создало большой пласт специализированного постсоветского знания. Процесс транзита политических и культурных паттернов советской эпохи проходит несколько этапов переосмысления, попыток социальной реконструкции. Однако если советская социальная реальность и подходы к ней отрефлексированы, то про постсоветскую действительность так сказать нельзя. Новые подходы к изучению

¹¹⁸ Шютц А. Смысловая структура повседневного мира: очерки по феноменологической социологии / Сост. А. Я. Алхасов; Пер. с англ. А. Я. Алхасова, Н. Я. Мазлумяновой; Научн. ред. перевода Г. С. Батыгин. М.: Институт Фонда «Общественное мнение», 2003. С. 207–222.

результатов, прямых и косвенных последствий краха коммунизма заставляют переосмысливать события тридцатилетней давности. Предлагая срез подходов к пониманию постсоветского социальной реальности и постсоветского пространства, необходимо начать с определения термина «постсоветское пространство».

Впервые термин «постсоветское пространство» использовал Альгимантас Аугустинович Празиускас в своей статье «СНГ как постколониальное пространство»¹¹⁹. В нашем исследовании мы сознательно не включаем в объем данного понятия Прибалтийские государства, как постсоветский социум, поскольку исторически при выходе из состава СССР страны заявили о своем нежелании участвовать в любых постсоветских интеграционных проектах, считая своей главной задачей восстановление полной и неоспоримой национальной независимости. Присоединение Эстонии, Латвии и Литвы к Организации Североатлантического договора и Европейскому Союзу в 2004 году полностью определило вектор политического и культурного развития Прибалтийских государств.

Субъектность «постсоветского пространства» рассматривается с двух кардинально противоположных точек зрения – как имеющий и не имеющий права на существование термин. Исследователи А. Малащенко, Л. Андрусенко и А. Суздальцев считают, что использование термина нецелесообразно¹²⁰. Владимир Леопольдович Каганский пишет, что «постсоветского пространства (еще!) нет, все мы еще живем в советском пространстве и «расхлебываем» его структурную инерцию, разбираем проблемное наследство», высказывание датируется 2001 г.¹²¹ Автор указывает на то, что советский ландшафт изменил свое доминантное направление, ось порядка разрушена, где ячейки (бывшие советские республики) вступают в соседние отношения»¹²². В начале 2000-х советская идеология

¹¹⁹ Празиускас А. СНГ как постколониальное пространство // Независимая газета. 7 февр. 1992.

¹²⁰ Тофан А. В. Методологические подходы к понятию «постсоветское пространство» // Вестник Кыргызско-Российского славянского университета. 2015. Т. 15. № 5. С. 44.

¹²¹ Каганский В. Л. Культура, пространство, ландшафт // Культурный ландшафт и советское обитаемое пространство. М., 2001. С. 19.

¹²² Там же. С. 249–250.

демифологизировалась вследствие резких и негативно настроенных процессов против всего советского в 90-е. Культурная поляризация стран, которые еще несколько лет назад были в составе Союза, усиливается. Так, Казахстан занимает нейтральную позицию, опираясь на опыт государственности стран Запада с учетом интересов и социокультурных амбиций титульной нации. Узбекистан, Кыргызстан, Молдова, Таджикистан выбрали путь поддержки и возрождения национальных и этнических сообществ с опорой на советские и российские культурные паттерны. Россия выступает для перечисленных республик главным местом для трудовой миграции. Туркменистан, как одна из наиболее закрытых стран постсоветского пространства, выбрала путь демонстрации аутентичных свидетельств героического прошлого титульной нации и опоры на собственную культурную политику. Процесс культурной поляризации выражался и продолжает действовать в политической сфере, массмедиа, образовании и прочих социокультурных областях. Культурно-семиотическая поляризация перестает зависеть от идеологии коммунизма и концепта «советского человека». Страны постсоветского пространства начинают обращаться к новым формам построения собственной государственной и гражданской идентичности, несмотря на экономическое и социополитическое сотрудничество с Россией. Идеологическое сознание конструируется под влиянием глобализации и вестернизации.

А.Г. Дугин, наоборот, считает, что термин «постсоветское пространство» имеет право на существование, само пространство полиструктурно и рассматривать его следует, учитывая «сразу несколько версий структурирования доминантных процессов», открытых и «развертывающихся параллельно в противоположных направлениях»¹²³. Здесь постсоветское пространство может выступать в трех позициях: как постсоветская реальность; в некоторых случаях в качестве площадки для глобализации и вестернизации; как тренд, заключающийся

¹²³ Дугин А. Г. Геополитика постсоветского пространства. Доклад на семинаре Центра консервативных исследований. [Электронный ресурс]. URL: <http://www.konservativizm.org> (Дата обращения: 15.03.2020).

в формировании на территории бывшего СССР Евразийского Союза (ЕАС), воссоздаваемого на цивилизационной идентичности и традиционных ценностях¹²⁴.

В данной работе мы с феноменологических позиций рассматриваем постсоветское пространство как существующий и трансформирующийся феномен, представляющий собою социальное культурное пространство стран бывших советских республик, долгое время развивающихся в русле общей идеологии, имеющих признаваемую совместную историю, культурные паттерны. После распада Советского Союза представления об СССР формируются в русле действующей и весьма дифференцированной политикой памяти.

Как «советское», так и «постсоветское пространство» постепенно из реальности фокусируется в поле коллективной исторической и культурной памяти. Социальная реальность постсоветского пространства характеризуется кризисом коллективной идентичности, где синтезированы общемировые тренды социокультурного развития и ностальгические настроения по советской эпохе. «Советское» репрезентуется в постсоветской социальной реальности как в научном дискурсе, так и медиаформате и транслируется главным образом массовой культурой. Этап посткоммунистического транзита еще не пройден, но близится к стадии завершения.

Исторические травмы транзитной эпохи «постсоветского» оставляют свой след и воплощаются в культуре человека, его сознании не только в системе отношений Я – культура, но и в отношениях Свой – Другой – Чужой. В условиях постоянной социально-культурной трансформации расширяется область восприятия себя и других, где сознание и окружающее пространство отражают диалектику исторического прошлого и современности. Советское бытие стало к сегодняшнему моменту прошлым, удаленным настолько, чтобы, с одной стороны, быть предметом научного анализа, а с другой – чтобы стать объектом коллективных представлений, мифологизации и ностальгирования. По мере удаления от произошедшего события или исторической эпохи мы узнаем о его

¹²⁴ Дугин А. Г. Геополитика постсоветского пространства. Доклад на семинаре Центра консервативных исследований. [Электронный ресурс]. URL: <http://www.konservatizm.org> (Дата обращения: 15.03.2020).

последствиях и меняем свое представление о самом событии в зависимости от множества факторов и обстоятельств, то есть деконструкция концепции коммунизма может ввариваться в оценки от положительного до негативного. Прошедшее постсоветское тридцатилетие демонстрирует разнообразные траектории развития бывших советских обществ.

В странах бывшего СССР наблюдаются разнонаправленные акции воссоздания памяти о травматических событиях, ранее вычеркнутых из общей истории стран, активное «ностальгирование» и одновременное забвение. Активно обсуждаются вопросы советского (сталинского) государственного террора и политических репрессий (Колыма, ГУЛАГ, Сандармох). Память индивидов необъективна, при этом именно она формирует реальность прошлого, следовательно дискурс памяти и формируемая культурная политика должны сохранять баланс между индивидуальной и коллективной памятью, философским и юридическим контекстом.

Националистические настроения, которые характеризуются отрицательно или положительно в зависимости от политической позиции и культурного багажа, все чаще встречаются в новостной повестке стран ближнего зарубежья. Усиливается роль и важность национальных языков, которые раньше уступали обязательному русскому как языку межнационального общения. Однако современная постсоветская реальность частично базируется и на общих чувствах родства, бывшего советского единения и общего культурного наследия, которые становятся чуть ли не единственной «скрепой», формирующей внутри себя дихотомию Свой – Чужой.

Отношение к западным принципам, изменение социополитического вектора развития и новые культурные тенденции приводят к постепенной смене позиций Другого и Чужого, возникновению новых образов Чужого и Врага. Плюрализм культурных традиций, неравномерность социально-экономической трансформации и внешнее политическое влияние предопределяют смену культурного ландшафта и формирование постсоветской социальной реальности, которая будет иметь свои особенности в каждой стране, бывшей в составе СССР.

Главной предпосылкой данных процессов будет являться множественность национальных движений и конфликтов в эпоху перестройки, завершившихся образованием самостоятельных международно признанных, частично или полностью непризнанных государств: Нагорно-Карабахская республика, Абхазия и Северная Осетия; декабрьские события в Алма-Ате 1986 года, повлекшие формирование независимого движения и демонстраций. Политические и гражданские конфликты в союзных республиках увеличили объем беженцев в РСФСР к 1991 году до 1 миллиона человек, нарастание агрессивности ускорило процесс смены векторов в линейке образов Свой – Другой – Чужой¹²⁵. Последние события 2022 года в Казахстане и Украине подтверждают этот тезис.

Первая и вторая чеченские войны, осетино-ингушский конфликт в 1992 году и Исламский конфликт, начавшийся в 2009 году, вооруженный конфликт между Азербайджаном и Арменией усилили разрушение прежних культурных контактов, служивших основой для диалога культур.

Несмотря на конфликтность и националистические настроения, постсоветское социокультурное пространство и текущую постсоветскую социальную реальность следует рассматривать с позиции исторической общности как поля для укрепления дальнейшей межкультурной интеграции. Русский язык, как некогда общий язык для всех республик СССР, экономическое и социополитическое сотрудничество, советское культурное наследие будут являться объединяющими факторами.

На постсоветском пространстве изменяются основные параметры и объемы шкалы образов Свой – Чужой, где идеологическое разделение между Своим и Чужим замещается этническим и религиозным разломом¹²⁶.

Феномен «советский человек», ставший объектом масштабного исследования Юрия Левады, директора «Левада-центра» с 2003 по 2006 гг. (АНО

¹²⁵ Романова А. П., Якушенков С. Н. Чужой как объективная реальность, данная нам в ощущениях и размышлениях // Вопросы философии: научно-теоретический журнал. 2013. № 2. С. 49–55.; Романова А. П., Хлыщева Е. В., Якушенков С. Н., Топчиев М. С. Чужой и культурная безопасность. М.: Российская политическая энциклопедия (РОССПЭН), 2013. 215 с.

¹²⁶ Романова А. П. Образ Чужого на постсоветском пространстве // Каспийский регион: политика, экономика, культура. 2016. № 4 (49). С. 159.

«Левада-Центр» внесена Минюстом в реестр некоммерческих организаций, выполняющих функции иностранного агента), а также целого ряда отечественных и зарубежных исследователей, является продуктом советской идеологии, а также результатом влияния советской социальной реальности. Несмотря на деконструкцию советской реальности, «советский человек», как особый феномен и тип идентичности, все еще продолжает существовать для граждан бывших советских республик. В большинстве стран ближнего зарубежья распад поведенческих моделей и ценностных ориентаций происходит постепенно из-за продолжающегося коллективного обмена опытом между поколениями и трансляцией советских культурных паттернов посредством кинематографа, телевизионных массовых продуктов, музейных комплексов как пространства взаимодействия с прошлым. Современные музеи, театры, экскурсионные программы, как просветительские проекты, выполняют образовательную функцию, являясь связующей нитью и возможностью для узнавания прошлого. Массовая культура предлагает потребителю эмоциональную репрезентацию прошлого, где советский период вызывает чувство ностальгии. Используя разнообразные методологические подходы, акторы массовой культуры, в зависимости от преследуемой цели, активизируют различные аспекты опыта индивида и целой социальной группы. Посредством подобного взаимодействия могут актуализироваться проблемы политики памяти, культурной политики и диалектики исторического прошлого и современности, с присущей данному периоду трактовкой Своих, Других и Чужих.

Масштабная антисоветская пропаганда, развернувшаяся в постсоветский период, значительно повлияла на изменение сознания советского человека и в первую очередь трансформировала отношение к советскому как к своему на антиномии «советский – другой» и даже «советский – враг».

За десятилетия раздельного существования на территории России и бывших советских республик появились новые поколения граждан, чья социализация и инкультурация развивались иначе под воздействием глобализации, дигитализации и новой политической идеологии, что формирует у представителей нового

поколения отношение друг к другу не как к бывшим соотечественникам, а как к представителям иностранных государств¹²⁷.

Двойственность и неустойчивость подходов к трактовке понятия «постсоветского пространства» и постсоветской социальной реальности доказывает незавершенность процесса их формирования. Единой точкой отсчета продолжает быть советское прошлое, а дальнейшее отношение к нему рождает различные концепции и взгляды на необходимость интеграции советского в современный контекст. Следует обратить внимание на понятие «несоветского» пространства и свойственной ему социальной реальности. Понятие «несоветского» пространства или модели уже присутствует в научном дискурсе в работах В. Л. Каганского¹²⁸, С. С. Неретиной¹²⁹, Д. Б. Казариновой и Н. А. Дунамалян¹³⁰. Формирование новой пространственной идеологии, связанной с пространством и его характеристикой после распада СССР, обусловлено переосмыслением исторического и культурного пути России, а также пути бывших в составе СССР республик. «Несоветское пространство» подразумевает под собой существование особенной политико-пространственной конфигурации, которая учитывает опыт интеграции и существования советских культурных, политических и социальных паттернов, а также современные тенденции. Несоветской системе свойственна инверсия идеологий и представлений под нужды современности, учитываются «белые пятна» и проблемные области, возникшие во время существования СССР.

Понятие «несоветского» пространства или модели не следует путать с термином «несоветизм», который несет скорее идеологическую и политическую коннотацию и имеет явно негативную окраску (А. А. Широпаев¹³¹,

¹²⁷ Topchiev M., Romanova A., Yakushenkov S. Transformation of the alien image in the post-soviet space // 3rd International Multidisciplinary Scientific Conference on Social Sciences and Arts SGEM 2016. 2016. Book 3 Vol. 2. P. 949-954.

¹²⁸ Каганский В. Л. Культурный ландшафт и советское обитаемое пространство: Сборник статей. М.: Новое литературное обозрение, 2001. 576 с.

¹²⁹ Неретина С., Огурцов А. Концепты политической культуры. М., 2011. С 14.

¹³⁰ Казаринова Д. Б., Дунамалян Н. А. Траектории развития постсоветских идентичностей: подходы, модели, тенденции // Политическая наука. 2022. № 1. С. 52.

¹³¹ Широпаев А. А. (shiropaev) Несоветизм // LiveJournal. [Электронный ресурс]. URL: <https://shiropaev.livejournal.com/78106.html> (Дата обращения: 21.03.2020).

Д. В. Завольский¹³², М. Камински¹³³). Исследователями подчеркивается, что «неосоветизм», или «неосоветский авторитаризм»¹³⁴ представляет собой стиль политических решений, близких к советскому, который также включает в себя движения за возрождение Советского Союза как великой державы или определенных аспектов советского бытия, наиболее приемлемых для ностальгирующего населения; «сегодняшний неосоветизм – это беспросветно пессимистический взгляд на прошлое и будущее»¹³⁵. Термин часто используется в контексте критики внешней и внутренней политики России как преемника Советского Союза и в качестве условного противника декоммунизации, так как неосоветизм «в условиях рынка и политической конкуренции всегда, в силу своей природы, выступает в роли агента, переформатирующего окружающее социально-экономическое пространство по советским социалистическим лекалам»¹³⁶.

Множественность подходов требует от исследователей проведения дополнительных исследований и аналитики рефлексии по советскому прошлому среди граждан России и бывших союзных республик и ее связи с текущей социополитической действительностью. Концепт и феномен «советского» в современном восприятии существует в позиции Другого, являясь одновременно объектом далеко исторического прошлого, который при изменении политической и культурной конъюнктуры начинает определяться либо ценностно положительным, либо отрицательным. Здесь следует характеризовать Другого как того, у которого опыт не равен опыту Своего.

Советская и постсоветская социальные реальности постепенно переходят в плоскость коллективной исторической и культурной памяти. Постсоветская социальная реальность характеризуется кризисом старой и процессом

¹³² Завольский Д. Неосоветизм выдает себя за русский патриотизм // Деловая газета «Взгляд». [Электронный ресурс]. URL: <https://vz.ru/opinions/2019/8/19/992532.html> (Дата общения: 24.03.2020).

¹³³ Kaminski M. Putin's Neo-Soviet Men // Wall Street Journal. [Электронный ресурс]. URL: <https://www.wsj.com/articles/SB10001424052702304256404579451333189423754> (Дата обращения: 24.03.2020).

¹³⁴ Моммзен М. Российский политический режим: неосоветский авторитаризм и патронажное президентство // Интелрос [Электронный ресурс]. URL: <http://www.intelros.ru/readroom/nz/nz-74-6-2010/8293-rossijskij-politicheskij-rezhim-neosovetskij-avtoritarizm-i-patronazhnoe-prezidentstvo.html> (Дата обращения: 24.03.2020).

¹³⁵ Завольский Д. Неосоветизм выдает себя за русский патриотизм // Деловая газета «Взгляд». [Электронный ресурс]. URL: <https://vz.ru/opinions/2019/8/19/992532.html> (Дата общения: 24.03.2020).

¹³⁶ Саввин Д. Фундамент и ядро неосоветизма // Харбин [Электронный ресурс]. URL: <https://harbin.lv/fundament-i-yadro-neosovetizma> (Дата обращения: 21.08.2021).

конструирования новой идентичности, которая является миксом основных направлений западного социокультурного развития и понимания советской уникальности, ностальгических настроений по советской эпохе и культурным паттернам. Концепт советского продолжает свою репрезентацию в научном дискурсе и успешно транслируется массовой культурой в реальном и цифровом пространстве в рамках принципа репрезентации прошлого в виде визуального контента.

Исторические травмы советской эпохи, а также транзитного периода оставляют свой след в коллективной памяти, влияя на культурную политику. Прошлое занимает заметное место в современной культуре, темпоральная ориентация современного поколения меняется, изменяется система отношений Свой – Другой – Чужой.

Социополитические и культурные изменения в России и бывших советских республиках, произошедшие за последние три десятилетия, существенно обострили проблему взаимодействия поколений, где одно было рождено и воспитано в эпоху Советского Союза и идеологии формирования «советского человека», а современное поколение формируется под влиянием активной цифровизации, интернет-пространства и информационных войн.

Коллективная память и отношение к советскому, как к Другому, формируются под влиянием ностальгических настроений, источником которых является старшее поколение и продукты, транслируемые массовой культурой.

Распад СССР стал коллективной травмой для целого поколения советских граждан, разделив общество территориально, политически и культурно, трансформируя отношения в рамках категориальной цепочки Свой – Другой – Чужой.

1.3. Образ Чужого в советской социальной реальности

Для определения векторов трансформации образа Чужого необходимо определиться с базовыми образами Чужого в советское время, так как уже определено, что «советское» продолжает оказывать влияние на постсоветскую культуру и постсоветский социум в целом. Именно образ Чужого становится зеркалом проблем, возникающих в социуме и связанных в том числе и с проблемами коммуникационного характера, в аспекте восприятия Другого. В советский период в обществе формируются собственные, специфические только для этой системы образы Чужого, которые характеризуют коммуникативную дистанцию Своего и Другого, но имеют некий общий базис.

Советский социум начинает формироваться сразу же после Октябрьской революции 1917 г. Новое правительство после Октября начало принимать первые меры по реформированию социальной и культурной сферы, и прежде всего по предоставлению доступного образования. Параллельно происходит и формирование нового образа «советского человека», который позднее превращается в новую коллективную гражданскую идентичность. Основы этого заложены образовательной политикой, а первые результаты в виде формирования массового «советского человека» возникают к началу 60-х годов, когда население уже повсеместно получало семилетнее образование, а в столицах и крупных городах республик – десятилетнее¹³⁷. Повышение уровня образования стимулирует расширение и формирование новых ценностных ориентаций и потребительских предпочтений. Главная цель советской власти – полная перестройка сознания людей и формирование человека нового, советского типа – строителя социализма. На уровне государственной идеологии подчеркивались доступность и

¹³⁷ Советское образование в 1950-х – 1960-х гг. [Электронный ресурс]. URL: https://spravochnick.ru/istoriya_rossii/otpepel_i_sovetskaya_kultura_v_konce_1950-h_1960-e_gg/sovetskoe_obrazovanie_v_1950-h_1960-e_gg/ (Дата обращения: 07.04.2019).

справедливое распределение материальных благ, ликвидация классовой структуры и отказ от индивидуального сознания в пользу коллективного. Устойчивость социальной системы СССР обеспечивалась за счет ориентации жизненных интересов «советского человека» на обеспечение базовых потребностей во имя скорейшей постройки социализма и установления коммунизма. Советское общество было одномерным, так как концепт «советского человека» был массовым и единообразным.

Гражданину Советского Союза Конституцией обеспечивалось равноправие вне зависимости от этнического происхождения, социального и имущественного положения во всех областях жизни. «Советский человек» – не характеристика отдельной личности, а концепт, который представляет собой целую совокупность качеств, прав и видов деятельности, которые должны быть сконцентрированы в гражданах СССР. Характеризуя образ советского человека еще в период его полноценного существования, Э. Голдстейн утверждал, что «Homo Sovieticus, как своего рода совокупная идентичность, по сути, представляет собой коллективный идеализированный образ, в очень большой степени усвоенный индивидами, который в сознании человека отражен в виде общепризнанных допущений и ценностей, а на межличностном уровне – как ощущение принадлежности к советскому обществу <...> В результате Homo Sovieticus может не верить осознанно в коммунистические идеалы, но при этом принимает нравственные ценности, осознанно представленные коммунистическими нормами: он может воспринимать их как единственные непреходящие атрибуты, гарантирующие и обеспечивающие Честность и Справедливость»¹³⁸.

«Советский человек» – «человек труда», строитель социалистического будущего и коммунизма, где функционирует взаимообратная формула: коммунизм – продукт «советского человека», а «советский человек» – продукт коммунизма. Являясь антагонистом буржуазных людей Запада, «капиталистов» и «буржуев», «советский человек» должен был стать носителем новых духовных и физических

¹³⁸ Goldstein E. «Homo sovieticus» in transition: psychoanalysis and problems of social adjustment // Journal of The American Academy Psychoanalysis. 1984. Vol. 12. № 1. P. 120.

принципов, близких к идеальному образу Героя, как улучшенной версии Своего. «Советский человек» рассматривается и в качестве образца, к которому следует стремиться каждому под руководством партии, и в качестве уже существующего воплощения (Герои Советского Союза, Герои Труда, руководство партии). Жизненная цель и интересы «советского человека» должны быть направлены не на личный успех, а на благополучие коллектива, всего народа.

Для объединения советских людей вокруг единой цели идеологически в повседневную жизнь внедрялась система образов Чужого – Врага, наличие которых фиксировалось и пропагандировалось в виде лозунгов и плакатов, карикатур в журналах и газетах («Революция и церковь» (1919-1924 гг.), «Окна сатиры РОСТА» (1919-1921 гг.) «Безбожник» (1922-1935 и 1938-1941 гг.), «Крокодил» (1922-2000 гг.), «Смена» (с 1924 г. и по настоящее время), «Окна ТАСС» (1941-1945 гг.)). Плакат как лаконичная, четкая, подчас карикатурно-гротескная форма, однозначно переводившая Чужого в положение Врага, по сути выполняла функции воздействия, аналогичные современному так называемому клиповому методу. В плакатном искусстве использовался принцип «Лучше один раз увидеть, чем сто раз услышать». Конструирование образа «советского человека» происходило через прямое или косвенное противопоставление идеологемы врага внутреннего или внешнего.

Реформы образования и следующие за ними репрессии против церкви и церковных служителей, «кулачества» и буржуазных влияний стали не только первоочередным пунктом внутренней политики, но и одним из важных факторов формирования нового социума с внедрением новых образов Чужого: «капиталиста», «буржуя», «попа» и неграмотного «тунеядца». Отношение к царской интеллигенции, которая эмигрировала из СССР, было негативным. Был сформирован еще один категорически отрицательный образ Чужого – «интеллигента». Для проведения культурной революции, объединения народа в качестве первых шагов к социалистическому будущему были созданы образы внутренних врагов – Чужих, которые, по сути, способствовали внутреннему государственному образованию, основанному на классовом подходе и

пролетарской идеологии. Степень чужести определялась по степени инаковости от советского человека, отступления от законов Советского Союза и нормативов партии.

Средствами массового распространения идей и мнений были периодические издания, журналы, карикатурные изображения, советские плакаты и искусство (поэзия, кинематограф). Советские деятели культуры под влиянием догматических канонов формировали образы великих вождей и правильного, образцово-показательного образа жизни советских граждан с верой в «светлое будущее», воспевали трудовые подвиги и приоритет общественного над личным. Отрицающие установленные нормы превращались в предателей Родины, категорично негативных и самых опасных врагов Советского Союза.

Интересным феноменом, требующим более тщательного изучения в рамках научного дискурса, является советская «культура отмены». На данный момент термин используется исключительно как процесс, рожденный на Западе, и трактуется как феномен 21 века¹³⁹. «Культура отмены», или «канселинг», – процесс, когда человек или целая группа людей подвергаются осуждению, гонению со стороны профессионального сообщества и обывателей как в офлайн-, так и в онлайн-пространстве. Однако следует заметить, что подобные процессы свойственны и советской действительности, где актором «культуры отмены» выступало не общество, а государство и политическая партия.

В отечественном и зарубежном научном дискурсе нет единого определения сущности «культуры отмены»¹⁴⁰, ряд исследователей (Ю. Д. Щипун, М. Диунов и др.) трактует гонения неудобных партии политических деятелей, депортацию философов, людей искусства и деятелей науки с «зачисткой» упоминаний их имен, достижений и работ как советскую «культуру отмены» или как предпосылку к формированию феномена. Вероятно, это связано с тем, что в отличие от советского

¹³⁹ Щипун Ю. Д. «Культура отмены» в России и США: сравнительное исследование // Материалы научного мероприятия «Дни студенческой науки». Хабаровск, 2021. С. 257–260.

¹⁴⁰ Vogels E. A., Anderson M., Porteus M., Baronavski C., Atske S., McClain C., Auxier B., Perrin A., Ramshankar Americans M. 'Cancel Culture': Where Some See Calls for Accountability, Others See Censorship, Punishment // Pew Research Center. 2021. [Электронный ресурс]. URL: <https://www.pewresearch.org/internet/2021/05/19/americans-and-cancel-culture-where-some-see-calls-for-accountability-others-see-censorship-punishment> (Дата обращения: 15.02.2022).

периода возможности XXI века дают большой общественный резонанс за счет массовости использования интернет-технологий или в условиях так называемой «цифровой актуальности». «Сам термин «культура отмены» вошел в обиход во второй половине 2010-х годов, став актуальным и достаточно распространенным инструментом манипуляции общественным мнением»¹⁴¹.

В советское время «неудобных» и признанных «врагами народа», «врагами партии» вырезали с исторических фотографий¹⁴², киноленты с упоминанием их имен цензурировались и либо проходили процедуру повторного монтажа, либо не получали разрешение на выпуск. Персона, группа людей и любое новшество, которое идеологически расходилось с партийными идеями, немедленно «удалялось» путем строжайшего запрета на упоминание, коммуникацию и насильственно «выдворялось» из страны. Образ Чужого демонизировался, малейшее приближение к границам Своих рассматривалось как посягательство на безопасность государства и сохранность советской идеологии.

В галерее образов Своего – Чужого советской эпохи можно четко выделить линейку образов внутреннего и внешнего Чужого.

Следует отметить, что во всем временном периоде существования Советского Союза, образы Чужого менялись, и не только в границах образов внутреннего и внешнего Чужого, но и смещались акценты значимости от одной категории к другой. В первые годы существования СССР и первых попыток формирования концепта «советского человека» внутренний враг становится первостепенным. Можно выделить как преобладающие следующие образы: «верующий», «поп», «вредитель», «буржуй» (например, в стихотворениях «Лицо классового врага» и «Вредитель» Владимира Маяковского).

Как внутренний-внешний Чужой формировался образ российской дворянской и интеллигентской эмиграции. Послереволюционные процессы, красный террор и последующая эмиграция значительной части российской

¹⁴¹ Былевский П. Г., Цапкина Е. П. Феноменологический анализ явления «культура отмены» // Вестник Московского государственного лингвистического университета. Гуманитарные науки. 2022. Вып. 2 (857). С. 164.

¹⁴² Современное безумие Запада было придумано в СССР [Электронный ресурс]. URL: <https://vz.ru/society/2021/6/16/1104143.html> (Дата обращения: 20.07.2021).

интеллигенции, участников Белой армии, которые наложили свой отпечаток на формирование отношений Свой – Другой – Чужой. Эмигрировавшая российская интеллигенция, не принявшая советских устоев и формирующуюся партийную идеологию, превратилась во «врага народа». Для российских эмигрантов Россия после пересечения границы стала Чужим домом, которым управляют Чужие (советская власть); произошла утра собственного Я, трансформация национальной идентичности. Возникшее позднее у эмигрантов из российской интеллигенции чувство ностальгии можно назвать «переживанием мгновенной утраты корней, что является для человека сильным психическим потрясением»¹⁴³. Для большинства эмигрантов первой волны жизнь на чужбине казалась процессом недолгим: «Некоторые писатели и деятели культуры продолжали жить с советскими паспортами, с симпатией писать о советской литературе и культуре и носить прозвище «большевизанов» (как Михаил Осоргин)»¹⁴⁴. В Советском Союзе для советского человека они превращались во врагов, степень их чужести усугублялась.

Образ Врага становится неотъемлемой частью сюжетов массовой культуры. Советская киноиндустрия 1930-х годов экранизировала всех возможных внутренних врагов: кулаков, вредителей, шпионов, диверсантов, тунеядцев («Крестьяне» (режиссер Ф. Эрмлер, 1935 год), «Подруги» (режиссер Л. О. Арнштам, 1935 год), «Великий гражданин» (режиссер Ф. Эрмлер, 1937 и 1939 гг.), «Большая жизнь» (режиссер Л. Луков, 1939 год) и др.). Тема внутреннего врага обыгрывалась даже в исторических и биографических кинолентах¹⁴⁵.

Необходимая победа над внутренним или внешним врагом демонстрирует силу и превосходство советского человека, становится очередным шагом на пути к построению светлого социалистического будущего. Если в довоенное время акцент был на внутренних врагах, которых постоянно разоблачали, то в послевоенное

¹⁴³ Хрусталева Н. С. Переживание психической травмы и печали в условиях эмиграции // Вестник Санкт-Петербургского университета. Социология. 2010. № 1. С. 253-260.

¹⁴⁴ Марченко Т. Первая волна эмиграции: русская культура за рубежом. [Электронный ресурс]. URL: <https://arzamas.academy/materials/1368> (Дата обращения: 17.03.2022).

¹⁴⁵ Багдасарян В. Е. Образ врага в исторических фильмах // Отечественная история. 2003. № 6. С. 31-46.

главными врагами стали внешние – американский империализм и проявления фашизма.

Особую роль в закреплении образов Своих и Чужих в сознании советских граждан сыграло искусство карикатуры и советский плакат в комплексе с литературой. Важно, что «советский человек», как обобщенный образ, всегда находился и определялся через противостояние внешнему или внутреннему врагу. Цели и первоочередные задачи «советского человека» выражались через лозунги и переход «от худшего к лучшему», «от плохого к хорошему» и так далее. Новый социалистический мир, идеальное будущее конструируется через общее, коллективное действие, которое четко прослеживалось в советском плакате, литературных и кинематографических произведениях советской эпохи. Важно отметить, что политический образ врага создается в массовом сознании именно посредством распространения его изображений, что выводит на первый план именно вестиментарные маркеры Чужести. Э. Гомбрих в статье «Арсенал карикатуриста» утверждал, что карикатурист «мифологизирует» политический мир посредством того, что «физиономизирует» его, то есть с помощью персонификации¹⁴⁶.

Советское плакатное искусство конструирует советское пространство, определяя место и важность существования советского, и помогает последнему отделить себя, своих от врагов, образуя оппозицию Мы – Они. Советское государство всегда выступало в роли благодетеля и попечителя, который взял на себя социальную защиту, попечение и обеспечение. Внутренний Чужой не просто представлял собой абстрактный образ врага, а являлся конкретным носителем аморальных, антисоветских качеств. «Советский человек» не был самостоятельным в выборе и идентификации чужести в Другом, за него эту задачу выполняло государство. «Советскому человеку» необходимо было только соответствовать существующим нормам Своего, «советского», государственного человека в рамках позиции «Я как все, у меня все как у всех».

¹⁴⁶ Gombrich E.H. Das Arsenal der Karikaturisten // Meditationen über ein Steckenpferd. Von den Wurzeln und Grenzen der Kunst. Wien, 1973. P. 195-216.

Образ Врага «советского человека» всегда был нарочито подчеркнут и четко определен. Советская карикатура и советский политический плакат, как формы массового искусства, смогли распространить образы Чужих среди всех слоев населения Советской России. Изображения были доступны для понимания даже малообразованным людям, формировались стереотипы как «некоторые устойчивые образы какого-либо явления или человека, которыми пользуются как известным «сокращением» при взаимодействии с этим явлением»¹⁴⁷. По мнению американского социолога Уолтера Липпмана, который в 1922 году ввел сам термин «стереотип», человек, пытаясь постичь окружающий мир, создает в своей голове картину тех явлений, которые непосредственно никогда не наблюдал¹⁴⁸.

В своей работе «Общественное мнение» Липпманн разграничивает и противопоставляет внешний мир и картины в наших головах. Эти картины возникают не на основе нашего личного опыта, а усваиваются в процессе социализации в качестве готовых образов: «Нам рассказывают о мире, прежде чем мы его увидим. Мы представляем себе вещи, прежде чем мы переживаем их. И все эти предубеждения, если только образование не заставило нас их остро осознавать, глубоко управляют всем процессом восприятия»¹⁴⁹.

Согласно концепции Липпманна, стереотипы возникают и функционируют за счет объективной сложности реального мира и предрасположенностью человека к шаблонному мышлению.

В случае стереотипа индивид изначально оценивает и характеризует явление и лишь потом наблюдает его.

Вестиментные маркеры для каждого из образов врагов советского человека были уникальными. Так, основными атрибутами образа «буржуя» были цилиндр, галстук-бабочка, мешок с деньгами; ограничимся упоминанием стереотипного облика «интеллигента-либерала» – длинные волосы и свободно повязанный галстук или бант на шее: «Он носил черный галстук, повязанный либеральным

¹⁴⁷ Андреева Г. М. Социальная психология. М.: Аспект Пресс, 2001. 375 с.

¹⁴⁸ Липпман У. Общественное мнение. М.: Институт Фонда «Общественное мнение», 2004. С. 50.

¹⁴⁹ Там же. С. 34.

бантом... Он был, как говорили мои тетки, шипением своего ужаса, как кипятком ошпаривая человека, «красный»; мой отец его вытащил из какой-то политической истории (а потом, при Ленине, его, по слухам, расстреляли за эсерство)¹⁵⁰. Параллельно с вестиментарными маркерами в образах Чужого этого периода подчёркиваются и алиментарные маркеры: дорогая элитная еда на карикатурах, изображающих буржуев, – ставшая мемом на современной этапе строчка В. Маяковского «Ешь ананасы, рябчиков жуй». Поскольку религия была вынесена за пределы советского государства, то она сама по себе являлась маркером Чужести. Это обозначалось в антирелигиозных плакатах, изображающих священнослужителей в неприглядном виде. Так, в 1933 году была выпущена «Антирелигиозная азбука» (автор Черемных М. М.), которая была полна призывов: «Бросьте, братцы, врагов бояться»; «Вера вредна, вредней вина»; «Еле-еле епископы ели»; «Образами Отче обманывал очень». Священнослужители изображены в карикатурной манере: толстые, не знающие меры в еде, краснощекие, с недоброй ухмылкой¹⁵¹.

Часто используемые в образах Чужого вестиментарные маркеры были разнообразными, но одновременно и стереотипными, чтобы зритель сразу определял, о каком Враге идет речь. Длинные волосы и очки часто использовались в отражении образа эсеров и меньшевиков. Меньшевики и эсеры на плакатах художников РОСТА изображались в виде маленького человека в очках, с красным бантом на шее¹⁵². Интеллигент, интервент был изображен в виде человека в очках, с фуражкой инженера, который развешивал на пути у паровоза веревку со словом «Вредительство»¹⁵³.

Сатира, характерная для публицистики разных форм, после Второй мировой войны стала одним из главных источников трансляции советской пропаганды и

¹⁵⁰ Набоков В. В. Другие берега. Собр. соч.: В 4 т. М.: Правда, 1990. Т. 4. С. 142.

¹⁵¹ Избранное. «Бросьте, братцы, богов бояться!» Антирелигиозная советская азбука 1933 года [Электронный ресурс]. URL: <https://www.izbrannoe.com/news/eto-interesno/broste-brattsy-bogov-boyatsya-antireligioznaya-sovetskaya-azbuka-1933-goda/> (Дата обращения: 07.05.2020).

¹⁵² Черемных М. Окно РОСТА № 580 (Плакат, 1920). [Электронный ресурс]. URL: https://artchive.ru/artists/1935~Mikhail_Mikhajlovich_Cheremnykh/works/507103~Na_Vrangelja_Antanta_polna_zloby_Okno_ROSTA_580 (Дата обращения: 07.05.2020).

¹⁵³ Дени В. Н. Ставка интервентов бита! (Плакат, 1930). [Электронный ресурс]. URL: https://artchive.ru/artists/30887~Viktor_Nikolaevich_Deni/works/507196~Stavka_interventov_bita (Дата обращения 07.05.2020).

конструирования в массовом сознании образов врагов Родины – «фашистов» и «нацистов»¹⁵⁴. Сатирический журнал «Крокодил» являлся наравне с плакатами и «Окнами ТАСС» каналом трансляции визуальных идеологических образов. Советский юмор, выражаемый в журнальной карикатуре, был очень популярен у населения в силу своей доступности для понимания.

Послевоенный период привнес нравственный подъем, как следствие победы над фашизмом, и инакомыслие, повлекшее за собой многочисленные репрессии, выводя внутреннего Чужого на первый план. Советское символическое пространство продолжает эксплуатировать образ фашистских захватчиков, используя пропагандистские лозунги в искусстве советского плаката: «Красная армия – зоркий часовой советских границ» (В. Дени, 1934), «Те, которые попытаются напасть на нашу страну, получают сокрушительный отпор» (Н. Эллис, 1935), «Любой агрессор разобьет свой медный лоб о советский пограничный столб» (М. Азовский, 1939).

В ходе Второй мировой войны Великобритания и США были союзниками СССР, но период дружбы продлился недолго. После окончания Второй мировой войны в Советском Союзе развернулась антиамериканская пропаганда, выраженная в большом количестве фильмов на соответствующую тематику: «Русский вопрос» (М. Ромм, 1947), «Встреча на Эльбе» (Г. Александров, 1949), «Прощай, Америка» (А. Довженко, 1951) и другие. Создание образа Чужого, образа Врага осуществлялось посредством массовой культуры, что позволяло сразу воздействовать на широкую аудиторию. Использование визуальных методов предоставления информации позволяло охватить и малограмотный пласт населения.

Советский человек и его культурное пространство представляется центром с собственным ядром и периферией, пространство которой полно внутренними Чужими и постоянно стремящимися нарушить границы внешними Чужими.

¹⁵⁴ Вашик К. Метаморфозы зла. Образ врага в немецком и советском плакате // Родина. 2002. № 10. С. 14–17; Шалыгина Д. Л., Куликов В. О. Образ врага и героя в советских и немецких пропагандистских плакатах периода ВМВ // Образ войн и революций в исторической памяти: Материалы Международной конференции. Пятигорск, 24–25 апреля 2009 г. Пятигорск; Ставрополь; М., 2009. С. 125–130.

Внутренний и внешний Чужие – представители яркой социальной девиации, они вызывают негативные эмоции, иллюстрируемые качества преувеличены для достижения большей контрастности с советским человеком, который живет в рамках установленной государством нормы.

Доклад первого секретаря ЦК КПСС Н. С. Хрущева «О культуре личности Сталина и его последствиях» ознаменовал начало «Хрущевской оттепели» и стал причиной больших перемен в жизни советского общества, корректировки текущего политического курса. Возникшие социокультурные последствия переросли в андеграундную культуру, которая стала еще одним характерным явлением периода «застоя», довольно близким к диссидентству, но превосходила последнее в охвате аудитории. Наиболее активно в подобных движениях участвовала советская молодежь. По мнению партии, именно молодежь являлась строителем коммунистического общества и прямым последователем большевиков, поэтому участие в андеграундных мероприятиях могло негативно сказаться на мировоззрении и взглядах на коммунистическое будущее. «Комсомол стал к этому времени не самостоятельной организацией свободомыслящей молодежи, а попал под полный контроль партии, став неотъемлемой частью советского государства»¹⁵⁵.

В послевоенные годы и в период «застоя» молодежь все чаще демонстрировала антисоветские настроения. Контакты с Западом увеличивались, возможности получения информации о происходящем на Западе росли. Первой молодежной субкультурой, проявившейся как следствие урбанизации и восхищения западной культурой, стали стилиаги. У простого советского человека стилиаги ассоциировались с «золотой молодежью», члены партии негативно отзывались о стилиагах. В образе стилиаг опять на первый план выдвигаются вестиментарные маркеры: брюки-дудочки, длинные волосы, повышенное внимание к западной одежде. Во времена холодной войны любое одобрение и восхваление Запада расценивалось как диверсия по отношению к советской

¹⁵⁵ Омельченко Е. Молодёжные культуры и субкультуры. М.: Институт социологии РАН, 2000. С. 103.

идеологии и идеям строительства коммунизма. Молодежные субкультуры в советском обществе порицались, совместные встречи разгонялись представителями комсомола и народной дружины, проводились воспитательные беседы, так как единственная цель, к которой должна была стремиться советская молодежь, – строительство коммунистического будущего.

Первый фельетон о стилягах был опубликован в журнале «Крокодил» в марте 1949 года. Считается, что автор фельетона Д. Беляев придумал и само слово «стиляга»¹⁵⁶. Американский исследователь советской культуры К. Рот-Ай пишет о том, что стильяг «тащили в комитет комсомола или в отделение милиции, насильно стригли, отбирали или портили их одежду, фотографировали для разгромных статей в прессе и стендов типа «Они позорят наш город»¹⁵⁷. Роберт Рождественский их с презрением называет «охотниками за штанами, любителями тряпок стильных»¹⁵⁸. Стиляги пользовались услугами фарцовщиков и валютчиков, которые сразу же наравне со стильягами стали образами внутреннего Чужого. Фарцовщики подпольно продавали импортные дефицитные товары и обменивали валюту. Спекуляция иностранными товарами была незаконной и наказуемой деятельностью, которая угрожала экономической безопасности, и считалась формой протестной демонстрации предпочтения западной потребительской культуры, так как, по сути, идеология фарцовщиков боролась с идеологией и принципами существующего «железного занавеса»: «Фарцовщики работали по принципу пирамиды. На низшей ступени иерархии стояли «бегунки». Они трудились на улицах и отчитывались перед «шефами», а те уже контактировали с «купцами». Последние оставались в тени – мало кто знал их лица и настоящие имена. По схожему принципу действовали фарцовщики-вещевики. Высокопоставленные чиновники или люди рангом поменьше, но тоже не из низов, например футболисты, которые выезжали на зарубежные матчи, вывозили вещи из-

¹⁵⁶ Беляев Д. Стиляга // Крокодил. 1949. № 7. [Электронный ресурс]. URL: <https://www.beliy.ru/work/stilyagifilm/id=356.htm> (Дата обращения: 20.03.2019).

¹⁵⁷ Рот-Ай К. Кто на пьедестале, а кто в толпе? Стиляги и идея советской «молодежной культуры» в эпоху «оттепели» // Неприкосновенный запас. 2004. № 4 (36). [Электронный ресурс]. URL: <https://magazines.gorky.media/nz/2004/4/kto-na-pedestale-a-kto-v-tolpe-stilyagi-i-ideya-sovetskoj-molodezhnoj-kultury-v-epohu-ottepeli.html> (Дата обращения: 16.04.2020).

¹⁵⁸ Рождественский Р. Пресмыкающимся // Юность. 1960. № 10. С. 69.

за границы и отдавали «бегункам», чтобы те продали их»¹⁵⁹. Фарцовщики и валютчики, их деятельность была глотком свежего воздуха для тех, кто интересовался Западом, превращал западную культуру в культ, а товары «из-за бугра» – в реликвии. Используя современную терминологию, фарцовщика можно назвать байером и трендсеттером – вещи, которые они привозили, становились объектом вожделения советских людей, утомленных вечным ожиданием товаров в очередях или по благу. Фарцовщик знал иностранные языки, имел доступ в гостиницу «Интурист» и места времяпрепровождения иностранцев. Деятельность фарцовщиков и валютчиков была опасна, заработок был нестабильным, но высоким. Цены на дефицитные товары выражались в сотнях рублей.

Яркие, непонятные в своих творческих проявлениях молодые люди встречали сопротивление со стороны советских граждан и партии. Люди боялись стилиг и валютчиков, считали их хулиганами, преступниками. Пресса конструировала негативный имидж отступников от советской идеологии. Вестиментарный маркер продолжал играть главную роль в определении степени Чужести. Стремление к следованию альтернативной моде у стилиг являлось выражением протеста канонам советской морали.

Встреча с Чужим в рамках советской культуры могла проходить под влиянием множества социокультурных факторов: социального устройства общества, идеологии, культурного ландшафта и т.д., накладывающих особый отпечаток на формирование и восприятие образа. Советские реалии сформировали устойчивые бинарные оппозиции Свой – Чужой, превращающиеся в стереотипы, наиболее выпукло представленные в визуальной культуре. В данной бинарной оппозиции в основе образа Своего лежит усредненный образ «советского человека», с которым так или иначе сопоставляются все образы Чужого (западного), характерные для советского времени. Образы Чужого превращаются в трансформирующиеся со временем культурные стереотипы. Запад для советского

¹⁵⁹ Советские фарцовщики [Электронный ресурс]. URL: <https://vc.ru/story/52416-sovetskie-farcovshchiki-sozdali-podpolnuyu-kompaniyu-s-oborotom-v-20-mln-rublej-no-byli-rasstrelyany> (Дата обращения: 05.03.2020).

человека, вне зависимости от исторического периода существования страны, всегда являлся внешним и главным Чужим. Запад для Советского Союза являлся источником опасности. Наличие сильного внешнего врага, который постоянно угрожает безопасности и сохранности каждого, склонял советского человека к излишней стереотипизации, деиндивидуализации и отказу от объективного восприятия окружающего мира, и в первую очередь всего западного. Позднее, ближе к периоду перестройки, ситуация меняется, но стереотипные образы продолжают существовать в социальной реальности современного человека.

Проанализировав символические образы, представленные в массовой советской культуре (плакатное искусство, карикатуры, обложки журналов, сатирические киноролики, поэзия), мы типологизировали образ Чужого в советской культуре: внешний Чужой («буржуй», «капиталист», «иностранец», «милитарист») и внутренний Чужой («враг народа», «враг социализма», «поп» «интеллигент», «тунядец», «враг трудящихся», «стиляга», «фарцовщик» или «спекулянт», «валютчик») в их исторической динамике. Все они обладали ярко выраженными маркерами вестиментарного, алиментарного, религиозного и т.п. характера.

Образы внешнего Чужого долгое время позволяли советским властям конструировать и поддерживать идентичность советского человека, отделяя «человека Запада», а именно «буржуя», «капиталиста» и «иностранца», от «советского человека», проводя символическую границу.

С позиции советского человека любой из перечисленных Чужих опасен, поскольку он покушается на наше пространство – как географическое, так и социокультурное. Одним из определяющих факторов формирования идентичности советского человека был динамичный образ внутреннего врага. Важную роль в восприятии Чужого играют топологические факторы: близость/пограничность/дальность. Образ Чужого позволяет сплотить общество вокруг государственной идеологии, при необходимости быстро мобилизовать общество для достижения государственных целей и дальнейшей конфронтации (или ее иллюзии). Демонизация образа Чужого, индивидуалистического Запада и

нацистской Германии, наложила отпечаток на коллективную память советского поколения и современные коммеморативные практики. Советская социальная реальность строилась вокруг ощущения сверхзначимости замысла постройки коммунистического будущего, великой державы и великого народа, что в свою очередь и порождает ностальгические настроения по идеализированному прошлому, где объектами противостояния были внешний и внутренний Чужой, которые состояли в постоянном противоборстве и заговорах против советского человека и его будущего.

ГЛАВА 2. Динамика изменений образа Чужого в современной России

2.1. Амбивалентное культурное поле постсоветского социума

Распад Советского Союза формально стал символом отказа от советской идеологии. Культурное брожение в 90-е годы создало иллюзию того, что «советское ушло». Однако, если учитывать тот факт, что несколько советских поколений продолжают быть основными акторами в политической, экономической и социокультурной сферах, то быстрый переход от идей социализма к капиталистическому укладу стал лишь номинальным процессом. Категориальные конструкции советской эпохи продолжают определять восприятие социальной реальности постсоветского. Постсоветская социальная реальность в большинстве включает в себя паттерны советской, так как главным актором социальной, культурной и политической жизни был именно «советский человек». Глобализация в первую очередь означает ослабление или полную потерю контроля со стороны человека над теми процессами и явлениями, которые оказывают значительное влияние на его судьбу¹⁶⁰. Нестабильная ситуация и постоянный поиск опоры становятся поводом для переоценки ценностей. «Постсоветскому обществу приходится заново пройти тот путь, по которому прошли западные общества и за счет ущерба для коллективного единства достигли высокого уровня свободы личности»¹⁶¹.

Ориентир «от личного к коллективному» сменил свои полюса с точностью до наоборот «от коллективного к индивидуальному». Отношение к личному

¹⁶⁰ Бердзенишвили А.С., Горозия В.Е. Судьба человека в постсоветском социальном пространстве (в сб. «Человек постсоветского пространства»): Сборник материалов конференции. Выпуск 3 / Под ред. В. В. Парцвания. СПб.: Санкт-Петербургское философское общество, 2005. С. 115.

¹⁶¹ Там же. С. 116.

пространству в советское время кардинально отличается от постсоветского восприятия, так как ставилось в приоритет коллективное, общее. Личное пространство должно было быть унифицированным, традиционным: «Двое в комнате. Я и Ленин – фотографией на белой стене»¹⁶². Малейшие отличия от общепринятых норм воспринимались с подозрением, а элементы советского быта контролировались и пропагандировались через литературу, музыку и советскую прессу¹⁶³. Коллективное советское Мы, созданное также и посредством феномена коммунальных квартир, растворяло абсолютное Я и существование личного пространства, быта. Феномен «коммуналки», представляющий собой реализацию принципа коллективности и пространства в кругу Своих, создал особые пограничные зоны, которые не просто идентифицировались как Чужие, а скорее были Ничьи, так как за эти пространства никто не отвечал. Промежуточные пространства коммунальных квартир выявили парадокс советской реальности: советские люди, существовавшие в коллективном Мы, пытались противостоять принципам коммунальности и занимались исключительно собственным пространством, а не коллективным, общим прибежищем.

Переход к рыночной экономике и внедрение всего западного стало шоком для общества, которое еще вчера отрицало все западное или было вынуждено отрицать. Отказ от коллективизма в пользу индивидуализма и свободы Запада, смешение ценностей, хаос и идеологическая неразбериха привели к ретроспективному, ностальгическому обращению к советской эпохе. Зарубежные исследователи отмечают, что подобная тенденция соответствует не только постсоветскому обществу: «Мир затопила нахлынувшая волна воспоминания, прочно соединив верность прошлому – действительному или воображаемому – с чувством принадлежности, с коллективным сознанием и индивидуальным самосознанием, с памятью и идентичностью»¹⁶⁴. Даже коммунальная квартира

¹⁶² Маяковский В. Разговор с товарищем Лениным. Соч.: В 2 т. Т.1. С. 575.

¹⁶³ Маяковский В. О дряни. Соч. В 2 т. М.: Правда, 1988. Т. 1. С. 145.; Заболоцкий Н. Новый быт: Столбцы, стихотворения, поэмы. Л.: Лениздат, 1990. С. 28.; Лисицкий Э. Культура жилья // Строительная промышленность. 1926. №12. С. 881.; Лебедев-Кумач В. Марш веселых ребят. [Электронный ресурс]. URL: <https://www.culture.ru/poems/48210/marsh-veselykh-rebyat> (Дата обращения: 08.08.2019).

¹⁶⁴ Нора П. Всемирное торжество памяти. Память о войне 60 лет спустя: Россия, Германия, Европа. М., 2005. С. 391.

становится утопическим образом коммунального взаимодействия, взаимовыручки и социального равенства.

Обращение к прошлому и его актуализация на постсоветском пространстве стало способом восстановления преемственности между советским прошлым и постсоветским настоящим, где линией разрыва стал процесс развала Советского Союза и предшествующая ему перестройка.

Для постсоветского социума советская история становится объектом коллективной мифологизации и ностальгирования, что прослеживается не только у советского поколения, которое имеет личную эмоциональную связь данной эпохой, но и у молодого поколения, воспитанного советскими людьми. После распада СССР социальное пространство России изменяется, этнокультурные ландшафты бывших советских республик характеризуют уже поколения тех, кто родился и был воспитан после событий 90-х годов и позднее. Акторы бывших советских республик конструируют собственный образ советского прошлого, который соответствует их дальнейшим ожиданиям в рамках политического и социокультурного развития, направленный на вестернизацию и установление собственного Я в мировом порядке. Прежнее соотношение центра и периферии для бывших советских республик перестает существовать. Стремление к демократической мобилизации по западному принципу и к политической самостоятельности обратило взгляд политических элит бывших республик к проблемам формирования собственной государственной идентичности и доминирования «титупльной нации».

«Российский социум, как многонациональное и поликонфессиональное общество, продолжает решать вопросы конструирования идентичности, определения позиции Своего, Другого и Чужого. Поколенческий разрыв, спровоцированный постоянным изменением информационного поля у молодого поколения, ставит под вопрос неразрывность процесса передачи знаний и опыта от старшего поколения к младшему, культурная и социальная память

трансформируется»¹⁶⁵. Образы Своего, Другого и Чужого изменчивы и пластичны, их коннотация меняется в зависимости от влияния государственной идеологии и массмедиа. Сейчас российское общество переживает ностальгическую волну по советской культуре. В российской культуре неизменно присутствуют мифологизация, романтизация и эстетизация советского прошлого. Мифы и стереотипы о советском времени позволяют человеку современности понять и осознать свое собственное Я, а также происходящее вокруг своего пространства и внутри него.

Термин «ностальгия», введенный И. Хофером в 1668 г.¹⁶⁶, обозначал род психического заболевания, для лечения которого предписывался целый ряд медицинских манипуляций. Ностальгия (от *nostos* – «возвращение», *aglos* – «боль, страдание»¹⁶⁷) имеет не только пространственное («вернуться в родной город»), но и временное измерение¹⁶⁸. Особенность феномена заключается в том, что объект чувств недостижим и не может быть прожит заново индивидом или целой группой.

Исследователи М. Чез и К. Шау в работе «Измерения ностальгии» выделяют три условия возникновения ностальгии в обществе. Согласно их концепции, в современных западных обществах время ощущается линейным с неопределенным будущим, где настоящее вызывает недовольство – является дефектным, тем самым вызывая ностальгический взгляд в прошлое. Здесь наличие материальных свидетельств в виде вещей, архитектуры, фотографий и видеоматериалов, соответствующих ожиданиям ностальгирующих, усиливает ностальгический взгляд¹⁶⁹.

Современными исследователями З. Баумом, С. Бойм неоднократно поднимался вопрос о сущности феномена ностальгии и его возможных формах существования в обществе. Основываясь на их исследованиях, нами предлагается следующее описание феномена ностальгии в российском обществе, где особое

¹⁶⁵ Холова Л. А. Формы отражения ностальгии по советской эпохе в интернет-пространстве // Ученые записки Крымского федерального университета имени В. И. Вернадского. Философия. Политология. Культурология, 2020. Vol. 6 (72). № 1. С. 87.

¹⁶⁶ Hofer J. *Dissertatio medica de Nostalgia oder Heimweh*. Basel, 1688.

¹⁶⁷ Бойм С. Конец ностальгии? // Новое литературное обозрение. 1999. № 39. С. 90–100.

¹⁶⁸ Абрамов Р. Н. Время и пространство ностальгии // Социологический журнал. 2012. № 4. С. 5–23.

¹⁶⁹ Chase M., Shaw C. *The dimensions of nostalgia. The imagined past: history and nostalgia*. Manchester, 1989. P. 1-17.

внимание уделяется синтезу концепции ностальгии Светланы Бойм и концепции ретропии Зигмунта Баумана.

В своем исследовании Бойм определяет ностальгию как социальное переживание, которое может быть осмыслено двумя образами. Реставрирующая и рефлексирующая ностальгия сосуществуют в обществе, где, согласно Бойм, реставрирующая охватила постсоветское общество, потому что тоску по утраченному дому соединяют с политическим образом в недавнем прошлом. Представленное прошлое идеализировано и лишено противоречий, пробуждает национальное прошлое и будущее. Рефлексирующая ностальгия базируется на индивидуальном уровне и предполагает работу с собственными эмоциями, избирательно и постепенно вплетающимися в культурную память общества. Если концепция Светланы Бойм обсуждается в научном сообществе с начала 2000-х, то концепция Зигмунта Баумана нова и еще не интегрирована в полной мере.

Зигмунт Бауман вводит в научный оборот термин «ретропия», в котором соединяются два термина – «ретро» и «утопия»¹⁷⁰. Ретропия представляется автором как глобальная эпидемия ностальгии по прошлому, описываемой им как характерная черта современного общества. «Отличие ретропии заключается в том, что она одобряет, поглощает и встраивает в себя блага / улучшения, достигнутые ее непосредственным предшественником – утопией; ретропия заменила идею «абсолютного совершенства» убежденностью в незавершенности и эндемической неустойчивости поддерживаемого порядка, допуская, таким образом, возможность (и желательность) бесконечной последовательности дальнейших изменений, которую исходная мечта о совершенстве априори делегитимирует и исключает»¹⁷¹. Ностальгия Бойм и ретропия Баумана зависят от «фантазии», образа последнего убежища, «своего» места, где обществу или конкретному человеку возможно было осуществить свободный выбор, быть своим среди своих.

¹⁷⁰ Бауман З. Ретропия / Пер. с англ. В. Л. Силаевой; под науч. ред. О. А. Оберемко. М.: ВЦИОМ, 2019. 160 с.

¹⁷¹ Бауман З. Ретропия // Мониторинг общественного мнения: экономические и социальные перемены. 2018. № 6. С. 435–441.

Российский политолог К. Ю. Рогов использует термин «зависимость от прошлого», под которым понимается объяснение тех или иных проблем и эффектов посткоммунистического общества ссылками на коммунистическое прошлое¹⁷². Постсоветской социальной реальности характерны постоянные смены взглядов: от актуализации и одобрения советского до его полной деконструкции и отрицания. Советское наследие и присутствие прослеживается не только в искусстве, традициях повседневности, но и в институциональном строении России и бывших советских республик.

Распад СССР стал поворотным моментом, оказав влияние не только на межличностные отношения, но и на экономические, политические и культурные: «чувство разрыва с прошлым соединяется с чувством разорванной памяти, и в этом разрыве сохранено еще достаточно памяти, чтобы возникла проблема ее воплощения»¹⁷³. Ностальгический дискурс по отношению к культурному багажу советского прошлого можно проследить в массовой культуре, литературе, кинематографе, музыке. Создатели материалов подобного характера, как правило, могут опираться на собственную «личную» память, подчеркивая аутентичность объекта и его стилизацию, эстетические образы эпохи. Советское становится объектом присвоения не только постсоветского поколения, но и поколения, рожденного в XXI в. Заимствование и трансляция современными массмедиа советских культурных паттернов снижают дистанцию, превращая советское прошлое в недалекое и заманчивое Другое. Социальные институты современной России также поддерживают данную тенденцию, все более часто объявляя, что советские модели взаимодействия, управления, воспитания были самыми эффективными.

Советский человек, воспитанный на принципе «Советское – значит лучшее» с недоверием воспринимает современные тенденции, его рамки доверия ограничены советским восприятием и советской идентификацией. Ценностные

¹⁷² Демонтаж коммунизма. Тридцать лет спустя. Коллективная монография под ред. К. Рогова. М.: Новое литературное обозрение, 2021. С. 28.

¹⁷³ Нора П. Проблема мест памяти. Франция – память. СПб.: изд-во С.-Петербург. гос. ун-та, 1999. С. 17.

позиции советского поколения в отличие от ценностных позиций современного поколения более универсальны и не подчинены принципам информационного потребления. Их жизненный опыт был построен на столкновении с периодом социальных и институциональных изменений, которые значительно отличаются от обещанной идеологии мечты – построении коммунизма.

Для установления собственной идентичности человек начинает искать новую национальную идею, которая в российском государстве находится на стадии формирования, и находит советскую. В результате создается объект для ностальгии – миф о советском прошлом. Из СМИ и интернета молодое поколение потребляет пропагандистские и романтизирующие советскую эпоху материалы. Символы и знаки советского наполняют повседневную культуру постсоветской молодежи, подчеркивая собственную уникальность, аутентичность и смысловую наполненность. Социальная культура российского населения постоянно обращается к советским предметам, как к части повседневности бытия. Множественность элементов «советского» в «постсоветской» культуре и пространстве оказывают влияние на формирование идентичности молодого поколения и общегосударственной идеологии России как преемницы императорской России и СССР.

Нынешние поколения взаимодействуют с паттернами советской социальной реальности, которые присутствуют в повседневности в виде личных воспоминаний родителей и родственников, кинематографа, искусства и музейных комплексов, а также на просторах интернет-пространства (форумы, блоги, видеоматериалы). Тяга к ностальгии по советскому может стать основой контркультуры, в которую верят люди. Поведенческий конформизм постсоветского человека конструируется вокруг двойственности пространства: стыков советского и активной цифровизации и ускорения. Постсоветская повседневность, особенно в первые двадцать лет после распада СССР, не является постсоветской по своей внутренней составляющей, на самом деле – это сложный и многокомпонентный микс из советских культурных паттернов, западных тенденций и социокультурных влияний, а также самостоятельных поисков новой идентичности. Повседневность сохраняет и

продолжает транслировать традиции, обряды и символическую составляющую советского бытия.

Интеграция старшего и молодого поколений в интернет-пространство способствовало перемещению обсуждения ностальгических процессов, воспоминаний о советской эпохе в виртуальное пространство. Маркеры воспоминаний в виде фотографий, музыки, видео и текстовых рассказов являются своеобразным инструментарием, с помощью которого легко можно попасть назад, в прошлое. Прошлое сохраняет статус реальности до тех пор, пока оно связано с настоящим живыми представителями, которые становятся активными акторами интернет-пространства, которые не только поглощают контент, но и являются его авторами.

Советский социальный мир конструировался в течение нескольких десятилетий, и фактический распад Советского Союза не мог одномоментно разрушить мировоззрение людей, их жизненную стратегию и систему взаимоотношений. Культурные сценарии советской эпохи продолжают находить отражение и способы реализации в текущей постсоветской социальной реальности.

Конструируемая постсоветская идентичность, как идентичность, характерная для транзитного периода, противоречива. Образ Своего становится сложным и изменчивым под влиянием вестернизации, глобализации и неровной динамики развития отношения к советскому. Изучение постсоветской повседневности и социальной реальности невозможно без обращения к советской, что позволяет изучить культурную ментальность поколений, а также не только коллективные практики, но и индивидуальные акты культуры.

Положительный «коммунистический опыт» конструирования собственного и коллективного бытия становится не только источником бытовой мудрости, но и предпосылкой к увеличению поколенческого разрыва. Принцип построения самоидентификации Мы – Они базируется на точке отсчета «Распад СССР», которая закрепляет время и место формирования поведенческих паттернов и особенностей старшего и молодого поколений.

Многочисленные социологические исследования подтверждают двойственность текущего восприятия действительности и взгляд в советское прошлое с негативной характеристикой перестроечного времени и времени «лихих 90-х». Известно, однако, что поздний советский и ранний постсоветский периоды были отмечены крайне негативным восприятием советского опыта большинством населения. Так, в ходе опроса, проведенного «Левада-Центром» (*АНО «Левада-Центр» внесена Минюстом в реестр некоммерческих организаций, выполняющих функции иностранного агента*) в 1991 г., 57% респондентов высказали мнение, что в результате коммунистического переворота страна оказалась на обочине истории¹⁷⁴. Данные опросов, проведенных социологами Санкт-Петербургского Смольного института в 2007 г., свидетельствовали, в свою очередь, о высокой нравственной оценке советского прошлого. Так, 44% опрошенных отметили его положительное влияние на нравственность современных россиян, а 50% – на развитие отечественной культуры¹⁷⁵.

Одной из неотъемлемых черт современной российской повседневности является ее преемственность по отношению к советской повседневности. Частая обезличенность коммерческих брендов современности, гонка за потреблением увеличили спрос на старые советские торговые марки и бренды, которые, по мнению постсоветского общества, обладают своей философией и уникальностью¹⁷⁶. Расширение и популяризация гастрономических практик в виде спроса на «отечественное» и «советское» повышает роль алиментарного маркера в определении Своих и Чужих¹⁷⁷. Название того или иного «советского» бренда преподносится как аутентичная, сохраненная благодаря усилиям производителей, реалья того времени¹⁷⁸. Результаты опроса, проведенного ВЦИОМ, показали, что россияне склонны поддерживать «советизированные» торговые марки (тут речь

¹⁷⁴ Гудков Л. Д. Негативная идентичность. Статьи 1997-2002 гг. М.: НЛЮ, 2004. С. 663.

¹⁷⁵ Хапаева Д. Очарованные сталинизмом: массовое историческое сознание в преддверии выборов // Неприкосновенный запас. 2007. № 5 (55). С. 48–59.

¹⁷⁶ Абрамов Р. Музеефикация советского: историческая травма или ностальгия. 2014. [Электронный ресурс]. URL: <http://geftr.ru/archive/11132> (Дата обращения: 01.09.2020).

¹⁷⁷ Каспэ И. «Съесть прошлое»: идеология и повседневность гастрономической ностальгии // Пути России: культура – общество – человек: Материалы Международного симпозиума (25–26 янв. 2008 г.). 2008. Т. 15. С. 205–218.

¹⁷⁸ Кушкова А. Советское прошлое сквозь воспоминания о продовольственном дефиците // Неприкосновенный запас. 2009. № 2 (64). С. 174–187.

идет о тех продуктах, что продолжают выпускаться со времен СССР). Так, наши сограждане отметили, что «советские» торговые марки отличаются качеством (30,1%) и хорошим вкусом (24,3%), что, в свою очередь, определяет принятие решения о покупке¹⁷⁹. Особое место в исследованиях ностальгического потребления занимают не только пищевые практики, но и обращение к вестиментарным и идеологическим маркерам «советского», «тех самых, из прошлого»¹⁸⁰.

Новые музейные практики, направленные на эмоциональное и визуальное восприятие информации, также накладывают свой отпечаток на активные познавательные процессы советского. Выставки, перформансы, посвященные советской эпохе, придерживаются особой концепции чувствования, при которой между выставленным объектом и зрителями выстраиваются чувства сопереживания (музей современного искусства «Garage»: выставка «Секретики: копанье в советском андеграунде. 1966 – 1985»¹⁸¹; выставка «Настоящее время, несовершенный вид»¹⁸²; инсталляция Вячеслава Ахунова «Мантры СССР. 1975-2021» в рамках экспозиции выставки «Служба времени. О природе длительности, преодоления и аффекта»¹⁸³). Выставки и инсталляции, затрагивающие советские культурные паттерны и практики бытия, призывают зрителя к соучастию, активизируя различные аспекты опыта советского человека. Эмоциональная подача и последующее восприятие прошлого влияет на его текущую и дальнейшую репрезентацию. Представленные в музее артефакты советского прошлого перестают быть ссылкой на прошедшее время, они становятся со-объектами текущей постсоветской действительности.

¹⁷⁹ Пресс-выпуск № 2569. ВЦИОМ. [Электронный ресурс]. URL: <http://wciom.ru/index.php?id=236&uid=114806> (Дата обращения: 18.04.2022).

¹⁸⁰ Vignolles A., Pichon P. E. A taste of nostalgia: links between nostalgia and food consumption // *Qualitative Market Research: An International Journal*. 2014. Vol. 17. № 3. P. 225–238.

¹⁸¹ Garage. «Секретики: копанье в советском андеграунде. 1966–1985». [Электронный ресурс]. URL: <https://garagemca.org/ru/exhibition/i-sekretiki-digging-up-soviet-underground-culture-1966-1985-i> (Дата обращения: 05.01.2021).

¹⁸² Garage. «Настоящее время, несовершенный вид». [Электронный ресурс]. URL: <https://garagemca.org/exhibition/i-present-continuous-i> (Дата обращения: 13.12.2021).

¹⁸³ Garage. Современное советское искусство от «оттепели» до «перестройки». [Электронный ресурс]. URL: <https://garagemca.org/exhibition/i-spirit-labor-duration-difficulty-and-affect-i> (Дата обращения: 13.12.2021).

С развитием технологий меняются практики производства и потребительские модели, интернет-пространство становится одним из главных мест активной репрезентации ностальгии по советскому. Эксплуатация образов советской эпохи приближает пользователя к чувству безопасности и позволяет «прикоснуться» в интернет-пространстве к элементам утерянного (из-за перестройки и распада Союза) дома. Формирование несоветских культурных кодов и «несоветской модели», максимально основанной на сохранении и поддержании уже выработанных в СССР культурных элементов, становится ключевой задачей для социальных институтов страны. «Советский ренессанс» выражается в увеличении публицистической и научной активности о советской эпохе, художественных произведениях и продуктах массовой культуры (сериалы «Ликвидация» (режиссер С. Урсуляк, 2007 год); «Восьмидесятые» (режиссеры Ф. Стуков (1–3 сезоны); Ю. Лёвкина (4 сезон); Ф. Коршунов (5 сезон); Р. Фокин (6 сезон), 2012-2016 гг.); «Оттепель» (режиссер В. Тодоровский, 2013 год); фильм «Стиляги» (режиссер В. Тодоровский, 2008 год), циклы сюжетов на популярных видео-хостингах о молодежи, не имеющей эмоциональной связи и личного опыта с советской социальной реальностью, но ностальгирующей и пропагандирующей советские ценности («Почему молодые любят страну, в которой никогда не жили?», YouTube-канал «Редакция»¹⁸⁴ (внесен Минюстом в реестр иностранных средств массовой информации, выполняющих функции иностранного агента); «Дети пробуют еду из СССР», YouTube-канал «Рецепты Bon Appetit»¹⁸⁵; «Россия: почему люди хотят назад в СССР | Ностальгия по Союзу, дешевая колбаса и политика Путина», YouTube-канал Ильи Варламова¹⁸⁶).

Ностальгия по позднесоветскому периоду, а именно развитому социализму, порождает и одновременно подпитывает позднесоветскую мифологию, которая, в

¹⁸⁴ YouTube. Почему молодые любят страну, в которой никогда не жили? [Электронный ресурс]. URL: https://www.youtube.com/watch?v=_JHZEQ3YMrp0&t=2103s&ab_channel=%D0%A0%D0%B5%D0%B4%D0%B0%D0%BA%D1%86%D0%B8%D1%8F (Дата обращения: 10.01.2022).

¹⁸⁵ YouTube. Дети пробуют еду из СССР. [Электронный ресурс]. URL: https://www.youtube.com/watch?v=HXD1tdpP6ao&t=14s&ab_channel=%D0%A0%D0%B5%D1%86%D0%B5%D0%BF%D1%82%D1%8BBonAppetit (Дата обращения: 10.01.2022).

¹⁸⁶ YouTube. Россия: почему люди хотят назад в СССР | Ностальгия по Союзу, дешевая колбаса и политика Путина. [Электронный ресурс]. URL: https://www.youtube.com/watch?v=1Ve0PVzppQs&t=3181s&ab_channel=varlamov (Дата обращения: 15.04.2022).

свою очередь, запускает переориентацию образов Своих и Чужих. Претензии к советскому миру, которые еще в 90-е были массовыми и остро негативными, переходят к позиции «Советское – значит лучшее». Потребительский дух 2000-х и капиталистическая культура Запада в целом становятся объектом негативного разбора и сравнения со справедливой, стабильной и более «душевной» советской идеологией. Интернет становится местом, где те, кто идентифицирует себя советским человеком, могут воссоздать советское, а значит конструируют локальное, близкое им советское.

Социум постсоветского пространства не является гомогенным, поскольку факторы его формирования изначально поливариантны, в настоящий момент он является синтезом «советского» и основных трендов современности. Советское прошлое и культурные паттерны эпохи СССР определяются как Другое в силу взаимной зависимости «советского» и «постсоветского», преемственности между советским прошлым и российским настоящим.

Глебова Ирина Игоревна, руководитель Центра руссиеведения в Институте научной информации по общественным наукам Российской академии наук, в работе «Верхи и низы: постсоветские метаморфозы» указывает на то, что «в России в последние два десятилетия оформился новый тип социальности, одна из главных характеристик которой – сосуществование двух враждебных культурных укладов», а именно: «новая культура социальных верхов (условно – «нефтегазовая») и новая массовая культура (условно – культура «резервации»)»¹⁸⁷.

Советские образы, которые могут замещать реальность или вовлекать человека в иллюзорные размышления, которые абсолютно не коррелируются с реальностью, способствуют замыканию в самом себе, созданию сложных культурных конструкторов. Социальная пассивность, рожденная в результате увлечения «радужным советским прошлым», может препятствовать дальнейшему объективному развитию постсоветской социальной реальности. Неприятие

¹⁸⁷ Независимая газета. Глебова И. И. Верхи и низы: постсоветские метаморфозы. 2007. [Электронный ресурс]. URL: https://www.ng.ru/ideas/2007-01-12/11_verhi_nizy.html (Дата обращения: 18.01.2020).

современного Другого приводит к появлению недоверия у советского поколения к эволюционным процессам. Власть, производя легитимизацию и трансляцию советских паттернов, укрепляет «несоветскую» основу новой социальной реальности. Ретроспективное конструирование идентичности способствует формированию устойчивой Я-концепции, возрождению уже известных образов Другого и Чужого, а также созданию новых маркеров для характеристики чужести.

2.2. Основные характеристики образов постсоветского Чужого

Процесс трансформации образа Чужого диахронен и зависит от совокупных культурно-идеологических характеристик периода. Процесс распада СССР стал толчком к превращению Российской Федерации в державу с новым социальным, культурным, политическим и экономическим укладом, и вследствие этого постсоветская социальная реальность формировалась под влиянием отличных от советской факторов. Если рассматривать культурные процессы, начиная с эпохи «лихих 90-х» по настоящее время, то следует отметить преобладание разноуровневых образцов западной культуры и ценностей бывшей советской культуры в каждом из десятилетий существования новой России.

Распад Советского Союза и последующий период «лихих 90-х» прошел под эгидой полного неприятия, отказа от всех существующих проявлений советской идеологии, культуры и быта. Кризис идеалов и моральных установок для советского человека был губительным, были потеряны скрепы идентичности, существовавшие на протяжении семидесяти лет. Человек, впитавший в себя советскую идеологию, пребывал в состоянии социокультурного брожения. «Коммунальная психология» рушится под влиянием колоссального напора проникших с Запада культурных феноменов, традиций, навязанных стереотипов и

нового мировоззрения. Еще некоторое время назад «советское» ставилось в приоритет и являлось основой повседневности и социального строя в целом, а после распада оно отрицается, демонизируется и ущемляется в пользу западных тенденций. «Советское» постепенно становится таинственным и притягательным Другим. Для советского поколения распад СССР становится культурной травмой. Каждое поколение является носителем определенной ментальности и мировоззрения, которые нельзя преобразовать посредством политического события, переворота и революции. Традиционные для советского времени позиции в воспитании, развитии и построении жизненной стратегии отразились на последующем, постсоветском поколении.

Ю. Левада прокомментировал результаты исследования, посвященные советскому человеку: «Для большинства населения произошедшие перемены остаются болезненными и непривычными. Люди нехотя принимают как данность вынужденные и не желаемые большинством перемены, которые оказались неожиданными практически для всего населения»¹⁸⁸.

В первые двадцать лет построения новой российской культуры и определения векторов развития внутренней и внешней политики, огромное значение приобретает разделение на Своих и Чужих, поиск Врагов, что неоднократно отмечали российские социологи. Например, Л. Гудков пишет: «Актуализация образа врага означает, что само общество начинает испытывать сильные социальные напряжения, источники которых с трудом опознаются и рационализируются. При появлении врага не работают или отходят на задний план обычные системы позитивных вознаграждений и стимулов взаимодействия – признание общих ценностей, индивидуальных удач и групповых достижений, подчеркивание общих благ и символов. В такой тревожной и неясной ситуации общих страхов, унижения и пр. начинают оживать архаические интегративные

¹⁸⁸ Левада Ю. А. Homo Post-Soveticus // Общественные науки и современность. 2000. № 6. С. 9.

механизмы, заставляющие людей сильнее, чем обычно, чувствовать свою близость, солидарность перед лицом реальных или мнимых коллективных опасностей»¹⁸⁹.

Уход от плановой экономики и переход к рыночным отношениям меняет состояние советского общества, начиная формировать элементы постсоветского, переходного, или транзитного, общества. Молодое поколение, которое частично проходило процесс социализации и инкультурации в советских культурных категориях, трансформируется из строителя коммунизма «в ресурс для извлечения коммерческой прибыли»¹⁹⁰. Произошедший поколенческий разрыв основан на том, что старшее поколение транслировало те жизненные установки, которые не соответствовали существующим реалиям новой России. Социализация и ценностное формирование молодого поколения происходило под влиянием синдрома отмены советской культуры и активной пропаганды западных установок посредством кинематографа.

Бывший отрицательный образ Америки, как главного Врага советского человека, становится образом манящим и притягательным, диаметрально противоположным советской версии. В момент развала Советского Союза произошел резкий всплеск интереса к западной (чаще американской) культуре и ее романтизация. Стремление к полному разрушению советских ценностей и идеологии, продолжающееся до начала 2000-х, привело к кардинальной смене вектора отношения к Чужому. Чужой стал наделяться всеми характеристиками, принадлежавшими ранее советскому человеку, носителю коммунистических идеалов и ценностей. Это нашло отражение в массовой культуре, в том числе вербальной. Происходит трансформация устоявшихся понятий, приобретающих негативный оттенок: «коммунист» – «коммуняка», «пионер» – «новичок». Старые негативные коннотации: «капиталист», «империалист» – исчезают вместе с терминами. Однако в целом в советской культуре повседневности уже к концу 90-х годов начинают формироваться ностальгические настроения, обозначается

¹⁸⁹ Гудков Л. Д. Идеологема «врага». Негативная идентичность: статьи 1997–2002 гг. М.: Новое лит. обозрение, 2004. С. 558–559.

¹⁹⁰ Омельченко Е. Смерть молодежной культуры и рождение стиля «молодежный». [Электронный ресурс]. URL: <https://m.polit.ru/article/2006/10/26/omelchenko/> (Дата обращения: 10.10.2019).

присвоение советской культуры и наложение на собственную, постсоветскую реальность.

«Лихие 90-е» с их криминальным антуражем формируют новые образы Чужого относительно основной массы обнищавшего на тот момент населения: «новые русские», «разводилы», «мажоры», «крутые», основной приметой, вестиментарным маркером которых становятся «малиновые пиджаки», золотые цепи и кресты, 600-е мерседесы и т.д. В начале 90-х годов, в период экономических реформ и появления частной собственности, малиновый пиджак и золотая цепь на шее были непременным атрибутом «новых русских». Но мода на малиновые пиджаки и золотые цепи закончилась: бывшие бандиты, ставшие «хозяевами жизни», предпочитают малиновым пиджакам одежду известных европейских брендов. Они все – внутренние Чужие. «Чужой мир» эпохи 90-х воспринимается как полное воплощение хаоса и беспредела.

Тональность отношения к советскому как к Чужому начинает меняться с наступлением нулевых. Самой ранней предпосылкой к возрождению ностальгических настроений по советскому прошлому становится создание передачи «Старые песни о главном» (продюсеры и авторы идеи цикла Константин Эрнст и Леонид Парфёнов, 1995-2001 гг.). Музыкальные телефильмы выпускались в конце 90-х, сопровождалась идеализацией советской эпохи, ее повседневного быта и были созданы для преодоления кризисной ситуации. Информационно-аналитическая программа Леонида Парфенова «Намедни» преследовала похожие цели. Представление архивных материалов позволяло создать объективное впечатление и мнение о рассказанной с телеэкранов эпохе. Позднее Леонид Парфенов совместно с Татьяной Арно создает исторический телепроект «Какие наши годы!». Передача продолжает переносить зрителя в советское время, укрепляя нарастающую ностальгическую рефлексию по недавнему прошлому. Парфенов характеризует передачу как «экскурсионные туры в прошлое нашей страны»: «В стране до сих пор существует огромный спрос на «прошлое». Мы еще не отделяем себя от него и по-прежнему черпаем из прошлого что-то для нас сегодняшних. Программа «Какие наши годы!» дает возможность пережить

прошлое заново, но в ином ключе. При этом мы не инвентаризируем прошлое, а превращаем его в некий современный перевертыш, сталкивающий минувшее с настоящим»¹⁹¹. Под влиянием транслируемых массовой культурой смыслов, возникающей у старшего поколения ностальгии советское Чужое становится к началу 2000-х советским Другим. Советский человек в рамках постсоветских процессов становится в позиции между двух миров: уже разрушенным советским и еще не сформированной социальной реальностью постсоветского пространства. Внутренняя логика советского общества замыкается на социалистической этике и свойственных советской социальной реальности коллективных практиках.

В потребительском отношении «советское» также двойственно: свое, отечественное часто ассоциировалось с недостаточно хорошим качеством, где западное было объектом желания, а в более поздние годы постсоветской эпохи ракурс расширился: свое (российское) продолжает оставаться неприемлемым к потреблению, западное значительно лучшее по характеристикам, а «советское» – другое, безвозвратно ушедшее, было лучшим. Запад, который в течение долгого времени определялся как Чужой, становится носителем положительной характеристики, смещаясь в потребительском контексте в сторону Другого.

Постсоветский период стал эпохой значительных ценностных трансформаций на большей части постсоветского пространства. Существенные и часто стремительные, неконтролируемые преобразования во всех сферах жизни общества привели к значительному брожению ценностного сознания постсоветского общества. Общественные изменения были настолько скоротечны, что за короткий исторический период лексические единицы, определяющие Чужих, стали фразеологическими оборотами. Так, фразеологический оборот «малиновые пиджаки», означавший «возникшую в России 90-х годов криминальную или полукриминальную социальную прослойку так называемых новых русских»,¹⁹² используется и в настоящее время. Резкая моральная

¹⁹¹ «Какие наши годы!»: Леонид Парфенов откроет окно в прошлое. [Электронный ресурс]. URL: https://www.vokrug.tv/article/show/kakie_nashi_gody_leonid_parfenov_otkroet_okno_v_proshloe_43410/ (Дата обращения: 15.10.2019).

¹⁹² Жуков А. В., Жукова М. Е. Словарь современной русской фразеологии. М.: АСТ-ПРЕСС КНИГА, 2015. С. 178.

трансформация для советского человека становится точкой отсчета кризиса идентичности, самоопределения, так как нравственное сознание советского человека и «совок» в целом становятся предметом отрицания и противопоставления «человеку нормальному»¹⁹³.

Запад, ставший для молодого поколения, ориентиром и транслятором новых культурных ценностей, дал толчок к развитию новых молодежных течений в России: скинхеды, металлисты, футбольные фанаты, гопники. Неформальные молодежные группировки становятся отражением беспокойной эпохи, символом непокорности устоям и традиционным общественным скрепам. Процесс определения собственной идентичности проходил без идеологического контроля государства. Социетальный кризис коснулся постсоветского поколения, где неформальные объединения становятся ответом на отсутствие коллективной защищенности и разрушения Мы-концепции. Маргинализация молодежи приводит к переносу фокуса внимания общества на новых внутренних Чужих и Врагов: гопников, скинхедов, агрессивно настроенных футбольных фанатов.

Термин «золотая молодежь» стал более содержателен и применим с 1990-х и 2000-х годов и по настоящее время по отношению к детям олигархов, политической и культурной новой элиты¹⁹⁴. Новые мировоззренческие трансформации нашли отражение в постсоветском кинематографе: «Интердевочка» (1989, реж. Петр Тодоровский), «Брат» (1997, реж. Алексей Балабанов) и «Брат 2» (2000, реж. Алексей Балабанов), телесериал «Бригада» (2002, реж. Алексей Свиридов), «Бумер» (2003, реж. Петр Буслов), «Жмурки» (2005, реж. Алексей Балабанов). Маргинальная молодежь с культом «пацана с района» находится на культурном распутье: существующая проблема отказа от советской идеологии и моральных принципов сосуществует с началом критики подражания Западу (яркий иллюстративный пример – фильм «Брат 2»). Образ Данилы Багрова, как символ транзитной и беспокойной эпохи 90-х и начала нулевых, становится носителем пацанской, простой эстетики, которая понятная каждому жителю новой России.

¹⁹³ Титков А. С. Призрак советского человека // Социология власти. 2019. Т. 31. № 4. С. 77.

¹⁹⁴ Панарин А. С. Народ без элиты. М.: Алгоритм; Эксмо, 2006. 352 с.

Истории главного героя и второстепенных персонажей кинофильмов являются отражением социокультурной трагедии в стране.

Начиная с нового тысячелетия, ностальгические настроения по советской эпохе усиливаются и культивируются на государственном уровне после официальной речи Президента РФ В. В. Путина в рамках послания Федеральному Собранию Российской Федерации. Распад Советского Союза признается культурной травмой и трагическим событием в истории страны: «Следует признать, что крушение Советского Союза было крупнейшей геополитической катастрофой века. Для российского же народа оно стало настоящей драмой. Десятки миллионов наших сограждан и соотечественников оказались за пределами российской территории. Эпидемия распада к тому же перекинулась на саму Россию. Накопления граждан были обесценены, старые идеалы разрушены, многие учреждения распущены или реформировались на скорую руку»¹⁹⁵.

Последующая некоторая нормализация и стабилизация внутренней жизни в РФ после первых лет руководства страной Путиным выводит на первый план образ внешнего Чужого, появляющегося в ответ на новые жизненные реалии. Региональные, конфессиональные и этнические маркеры играют важную роль в конструировании образов внутренних и внешних Чужих в первые двадцать лет новой России.

Серьезные процессы трансформации образа внешнего Чужого происходят вследствие активизации террористической деятельности на территории РФ (2002 г. – теракт на Дубровке; 2004 г. – захват школы в Беслане; 2010 г. – теракты в Московском метро; 2013 г. – теракты в Волгограде), распространение псевдоисламского терроризма и активная борьба с ним превращают Чужого во Врага, угрожающего безопасности россиян.

Внешний Чужой, агрессивный Враг – «исламисты», «шахиды», «шахидки», «террористы» – наделены четкими вестиментарными

¹⁹⁵ Послание Федеральному собранию Российской Федерации. 25 апреля 2005 года. [Электронный ресурс]. URL: <http://kremlin.ru/events/president/transcripts/22931> (Дата обращения: 07.09.2019).

характеристиками: восточная внешность, хиджаб или никаб, борода, тубетейки, а также обязательным конфессиональным маркером – исламским фундаментализмом и экстремизмом. В ряде случаев это может быть и этнический маркер – «чеченцы».

В 2014 году Российским университетом дружбы народов был проведен социологический опрос студентов с целью изучения существующих представлений молодежи о террористах и выявления образа террориста в молодежном сознании¹⁹⁶. Исследователи использовали метод неоконченных предложений, который, по словам авторов исследования, позволяет получить релевантные данные по изучаемой проблеме. В ответах респондентов подтверждается наличие традиционных для образа Чужого и Врага характеристик: агрессивность, жестокость, опасность, фанатичность, психическая неуравновешенность. Отмечено наличие конфессионального маркера, где «религиозные идеи», «религия», «чаще всего религиозные взгляды», «вера», «его «вера» выступают в качестве мотивов тех или иных террористических действий, а террорист – в роли «религиозного фанатика». Отмечается также, что террорист – всегда «мусульманин»¹⁹⁷.

На первый план идентификации Чужого выходят вестиментарные, конфессиональные и этнические маркеры определения. «Шахидки, смертницы, живые бомбы – этих женщин называют по-разному, но схема их действий всегда одна: взрывчатка на поясе, людное место, убийственный взрыв. Результат: сотни унесенных невинных жизней и искалеченных судеб»¹⁹⁸. Феномен женского терроризма (участия женщин в террористических актах) изменил в корне стереотипное положение о том, что террорист – это мужчина. Теракт, совершенный женщиной, вызывает еще больший пропагандистский эффект в обществе¹⁹⁹.

¹⁹⁶ Пузанова Ж. В., Тертышников А. Г. Метод неоконченных предложений в исследовании социальных представлений (на примере образа террориста) // Теория и практика общественного развития. 2015. № 4. С. 12-15.

¹⁹⁷ Там же. С. 14.

¹⁹⁸ Женское лицо террора. Призрачный рай для шахидок. 2011. [Электронный ресурс]. URL: <http://tajmigrant.com/zhenskoe-licoterrora-prizrachnyj-raj-dlya-shaxidok.html> (Дата обращения: 15.04.2020).

¹⁹⁹ Адамова М. А. Женский терроризм в современном политическом процессе: автореф. дис. ... канд. политич. наук: 23.00.02 / Адамова Мария Анатольевна. Пятигорск, 2007.

Вербовка российских граждан, конфессионально не относящихся к исламу, а также популяризация интернета, социальных сетей, где истинная идентификация личности онлайн-собеседника практически невозможна, усложнили и обострили недоверие общества к мусульманскому миру в целом. Террористическая идеология «ушла в Интернет», который на сегодняшний день является наиболее популярным, а иногда и единственным источником получения информации целым поколением молодых людей²⁰⁰.

Ещё одна линейка образов внешнего Чужого возникает в российском социуме после активизации серии внешних конфликтов: военного конфликта Грузии с Северной Осетией в 2008 г., конфликта с Украиной после воссоединения Крыма с Россией в 2014 г., когда западное общество вновь стало восприниматься негативно как в роли инициатора цветных революций, так и в роли «санкционера». Относясь к категории внешних Чужих, они представляют потенциальную угрозу для России из-за возможности вмешательства во внутренние дела государства, а также могут провоцировать негативные последствия для политического и экономического развития государства. Образ активно создается и поддерживается СМИ, используется исключительно в негативном ключе и в ракурсе российско-американских отношений, где политически Америка выставляется как Чужая России и ее жителям страна, несмотря на то что «ни в одном официальном американском документе по внешней политике никогда не говорилось ни о «санитарном кордоне» вокруг России, ни о дезинтеграции Российской Федерации как о целях американской политики на российском направлении»²⁰¹. После событий февраля 2022 года санкционное давление на Россию усилилось. Россия становится мировым лидером по количеству наложенных на нее санкций²⁰².

²⁰⁰ Роль средств массовой информации и Интернета в предупреждении терроризма: материалы IV-й Всероссийской научно-практической конференции (том 1). М.: Рос. Гос. унив. нефти и газа им. И. М. Губкина. ОАО «Нефть и бизнес», 2013. С. 8.

²⁰¹ Батюк В. И. Россия, США и «Цветные революции» // Вестник Российского университета дружбы народов. Серия: Политология. 2006. №. 8. С. 16.

²⁰² Russia Is Now the World's Most-Sanctioned Nation. [Электронный ресурс]. URL: <https://www.swissinfo.ch/eng/bloomberg/russia-is-now-the-world-s-most-sanctioned-nation/47410978> (Дата обращения: 10.04.2022).

Текущие события становятся причиной повторной актуализации данного образа внешнего Чужого в интернет-пространстве Рунета и массмедиа.

Стереотипы советской эпохи и переходного периода себя исчерпали после десятилетия существования. Они не исчезли, но отошли на задний план и нечасто используются в дискурсе постсоветской повседневности. На смену им появляются новые. Так, огромное место в жизни российского общества начинают занимать мигранты, превращаясь в важный повседневный атрибут жизни больших российских городов. Активная внешняя и внутренняя миграция начинает менять этнический состав и образ жизни российских мегаполисов, появляется ещё один образ Чужого – гастарбайтера-мигранта, находящегося на стыке внутреннего и внешнего Чужого. Его основным маркером становится этническая принадлежность, сопровождаемая алиментарными, вестиментарными, языковыми характеристиками. Следует отметить, что в словарях советского и перестроечного периодов слово «гастарбайтер» отсутствует²⁰³. Согласно исследованию Н. С. Араповой и др., «гастарбайтер» появился в русском языке в конце XX века в значении «наемного рабочего-иммигранта в странах Западной и Центральной Европы (первоначально – в ФРГ)»²⁰⁴, а позднее в словаре под редакцией Г. Н. Складневской зафиксирована несколько иная дефиниция: «рабочий-иммигрант, пользующийся меньшими правами, чем граждане данной страны»²⁰⁵.

Граждане Таджикистана, Кыргызстана и Узбекистана, которые после распада СССР потеряли свои рабочие места в республиках, были вынуждены отправиться на заработки в Россию. Будучи носителями и трансляторами восточных символических систем, они выстраивали новую жизненную стратегию в постсоветских мегаполисах, ориентированных на Запад. Конфликт параллельных

²⁰³ Словарь иностранных слов / Под редакцией И. В. Лёхина и проф. Ф. Н. Петрова. М.: ГИИИНС, 1955.; Советский энциклопедический словарь / Гл. ред. А. М. Прохоров. М.: СЭ, 1990.; Современный словарь иностранных слов. СПб.: Дуэт, 1994.; Толковый словарь русского языка начала XXI века. Языковые изменения / под ред. Г. Н. Складневской. РАН: Фолио-Пресс. СПб, 1998.

²⁰⁴ Словарь иностранных слов: актуальная лексика, толкования, этимология / Н. С. Арапова, Р. С. Кимягарова и др. М.: Цитадель, 1999.

²⁰⁵ Толковый словарь русского языка начала XXI века. Актуальная лексика / под ред. Г. Н. Складневской. М.: Эксмо, 2006.

ориентаций на место рождения и место проживания породил субъективность и предвзятость и среди Своих, и среди Чужих.

Мигранты, как один из самых мобильных слоев населения, легче адаптировались под структурные трансформации постсоветского пространства, при этом не проходя полноценно процесс аккультурации. Этническая принадлежность, языковая и культурная обособленность продолжают играть ключевую роль в формировании образа мигранта как внутреннего и внешнего Чужого, где мигрант из бывшей советской республики будет внутренним Чужим именно для советского человека. Для молодого поколения, рожденного уже при фактическом существовании республик как самостоятельных государственных образований, мигрант будет являться образом внешнего Чужого.

Российские СМИ создают медиаобраз «гастарбайтера» подчеркивая позицию «мы – не они». Образ был закреплён в популярном российском телешоу «Наша Russia» героями Равшаном и Джамшудом, нелегальными эмигрантами из Таджикистана. Благодаря внедрению гротескного, преувеличенного образа посредством массовой культуры, «гастарбайтеры» стали телевизионными героями, а их образ – доступным для понимания каждому, где боязнь мигрантов уходит на второй план²⁰⁶.

Мигрант вынужден существовать в ситуации двумирия, находясь в постоянной перемене идентичностей и социокультурной трансформации, а вступив в «фазу оседлости», приобретает транснациональную идентичность. Внутророссийские мигранты также поддерживают связь двух и более локальностей, взаимодействуя с разными системами лояльности, культурных традиций регионов и повседневности.

Реагирование на внутренние вызовы (локальные контексты сообщества Своих) и внешние вызовы (паттерны поведения сообщества Чужих) делает из внешних мигрантов участников транснациональных отношений, в которых для

²⁰⁶ Исхаков Р. Л., Старостин А. Н., Шадрин Н. В. Освещение трудовой миграции в российских средствах массовой информации (образ гастарбайтера в ленте информационных агентств) // Известия Уральского федерального университета. Серия 1: Проблемы образования, науки и культуры. 2015. Т. 135. № 1. С. 33–49.

постсоветского общества постепенно нормализуется паттерн мобильности, и следовательно, снижается чуждость образа мигранта, перемещаясь к образу Другого. В зависимости от отношения к отправляющему (на заработки) или принимающему обществу мигрант может быть одновременно Своим и Чужим, легальным и нелегальным, где в зависимости от многонациональности и терпимости общества образ мигранта может смягчаться и переходить в категорию Другого.

Пандемия коронавирусной инфекции (с марта 2020 г. и по настоящее время) повлияла не только на миграционные процессы, но и в целом на межкультурную коммуникацию, социокультурную систему в России и бывших союзных республиках. Став катализатором обострения межнациональных отношений, пандемия явилась причиной рождения целого ряда ситуативных образов и маркеров Чужого. Распространение массивов фейковой информации о коронавирусе, участившиеся акты киберзапугивания и информационной войны стали не только причинами всплеск ксенофобных настроений, но и актуализации страха перед мигрантами.

Негативная тональность по отношению к миграционным потокам в пандемию коронавируса актуализовала образ Чужого как иностранца, приезжего, носителя вируса. Категоричное отношение подкреплялось существовавшими стереотипами и информационными атаками, что привело к демонизации образа мигранта-иностранца.

Последующий и внутренний раскол общества из-за пандемии коронавирусной инфекции спровоцировал возникновение новых маркеров определения чужести: ношение масок и перчаток или отказ от них (вестиментарный маркер); одобрение вакцинации (вакцинированный) или отказ от вакцинации (не-вакцинированный) (идеологический маркер), где в зависимости от локальности каждая из сторон была и Своей, и Чужой.

Обострение негативных последствий поляризации отношений в рамках Свой – Чужой было отмечено министром иностранных дел Российской Федерации Сергеем Викторовичем Лавровым: «Оказавшись в такой «питательной среде»,

вирус придает ускорение уже сформировавшимся негативным тенденциям, обостряет накопленные противоречия и разногласия, разгоняет нездоровое соперничество. Таким образом, к неизбежным естественным последствиям его распространения добавляются и «рукотворные», спровоцированные неспособностью человечества, точнее определенной его части, отказаться от мышления в духе «Свой – Чужой» даже в условиях общей беды. А ведь преодоление только объективных, очевидных уже сегодня последствий COVID-19 требует беспрецедентной солидарности, сосредоточения сил и ресурсов»²⁰⁷.

Пандемия коронавирусной инфекции нивелирует традиционные маркеры Чужого, агрессивно расширяя его возможные определения от образа мигранта-иностранца и «инфицированного китайца» и до «антиваксера», или «коронаатеиста» и «ваксера», или «коронаверующего»²⁰⁸. Став маркером агрессивной коммуникации в пандемию коронавирусной инфекции, указанные антонимы становятся символом множественного раскола общества на Своих и Чужих, где отсутствие конструктивной коммуникации изначально подчеркивается самим семантическим наполнением используемых выражений с приставкой «анти».

Пандемия коронавируса оказала значительное влияние на повседневность, изменив границы пространства Своих, ограничив его до собственной квартиры, земельного участка, сфокусировавшихся на понятии дома. Карантинные меры, установленные государством и властями регионов, актуализировали необходимость активности и важности пребывания в интернет-пространстве как единственно безопасном и свободном от инфекции коронавируса. Привычные процессы повседневности были нарушены или частично изменены в условиях новой реальности. Социальное взаимодействие в условиях интернет-пространства требует большего погружения, увеличения экранного времени и интенсивности

²⁰⁷ Лавров С. В. О пандемии. Вызовы и задачи // Китайская газета «Глобал Таймс». [Электронный ресурс]. URL: <https://russiancouncil.ru/analytics-and-comments/comments/statya-o-situatsii-v-mire-v-kontekste-pandemii-koronavirusa-dlya-kitayskoj-gazety-global-taums/> (Дата обращения: 17.02.2022).

²⁰⁸ «Антиваксер» и «шмурдяк»: какие ещё новые слова появились в 2021 году. [Электронный ресурс]. URL: <https://nsknews.info/materials/antivakser-i-shmurdyak-kakie-eshe-novye-slova-poyavilis-v-2021-godu/> (Дата обращения: 21.03.2022).

коммуникации. С увеличением количества креаторов интернет-контента кратно увеличилось количество фейков и информации, поддерживающей межкультурные и межэтнические разногласия. Кризис доверия как контекст периода пандемии предопределил направления планирования дальнейшего развития образовательной, социокультурной, политической и IT-сфер.

По мере разоблачения антинаучных фейков и пропагандисткой работы с населением, а также на фоне действительных успехов в борьбе с пандемией наблюдается тенденция к снижению влияния возникших ситуативных маркеров и образов Чужого. Противостояние «ваксерам» продолжается в среде тех, кто отрицает существование заболевания и/или не приемлет вакцинацию. Несмотря на временный отказ государственной политики в области здравоохранения от обязательной вакцинации от коронавирусной инфекции, «ваксеры» продолжают активно использовать информационные технологии для распространения псевдонаучных данных.

Конфессиональный, алиментарный и речевые маркеры Чужого в период пандемии коронавирусной инфекции не играют ключевой роли в межкультурной и личной коммуникации, определяющее значение занимает именно идеологический маркер Чужого. Идеология нетерпимости к индивиду или целой группе строится на факте отличия их мнения, убеждения от мнения Своих. Идеологичность становится ключевым аспектом не только политического, но и социокультурного дискурса. Идеологическая асимметрия является точкой разрыва для современной коммуникации, где усиление роли социальных антагонистов приводит к тому, что индивид самостоятельно разрывает связь с ранее Своими и начинает относить себя к Чужим, так как разделяет точку зрения, которая не приемлема большинством (группой или государством в целом) как в офлайн, так и в онлайн-пространстве. Страх изоляции приводит общество к формированию «спирали молчания»²⁰⁹. «Спираль молчания» возникает в том случае, когда индивид или социум боятся высказать собственное мнение, если оно противоречит большинству. Однако в

²⁰⁹ Ноэль-Нойман Э. Общественное мнение. Открытие спирали молчания: Пер. с нем. / общ. ред. и предисл. Мансурова Н. С. М.: Прогресс-Академия, Весь мир, 1996. 352 с.

ситуации информационной войны, фейков и ботов это большинство может быть иллюзорным и искусственно созданным. Сила мнимого большинства основывается на публичности и массовости охватов, разрушая возможность поиска и анализа альтернативных мнений, убеждений из-за страха меньшинства быть отнесенным к Чужим. Екатерина Шульман, российский политолог (*признана в России СМИ-иностранным агентом*), объясняет феномен «спирали молчания» таким образом: «С телеэкрана или из газеты авторитетный спикер вам заявляет: «Все люди думают так же, все согласны с тем, что я сейчас говорю». А тем, кто не согласен, говорится: «Вы – меньшинство, вы – отщепенцы». В этих условиях социальные опросы ни о чем не говорят, потому что люди повторяют то, что услышали по телевизору»²¹⁰. Следует отметить, что иллюзорное отношение к Своим или Чужим неустойчиво, так как в случае изменения идеологической повестки и пропагандистских целей, большинство может поменять точку зрения на противоположную, что в очередной раз изменит полюсность мнений.

Следующим социокультурным и политическим потрясением современного исторического этапа постсоветского пространства становится специальная военная операция (далее – СВО) на Украине, о проведении которой было объявлено в телевизионном обращении Президента РФ Владимира Владимировича Путина к гражданам России и военнослужащим Вооруженных сил Украины²¹¹. В речи Президента подчеркивается угрожающий безопасности и сохранности российских граждан образ внешнего Чужого, Врага – «НАТО» (Североатлантический альянс); «США», «империя лжи», «коллективный Запад»; «нацики», «нацисты», «сегодняшние неонацисты», «антинародная хунта»²¹².

Президент вновь репрезентирует и обращает внимание слушателей к образу нацистской Германии, главного внешнего Чужого и Врага для советского человека периода 40-50-х годов прошлого века. Процессы интеграции Украины с Западом и

²¹⁰ Психология «спирали молчания»: к чему приводит боязнь изоляции. [Электронный ресурс]. URL: <https://monocler.ru/spiral-molchaniya/> (Дата обращения: 11.06.2022).

²¹¹ Обращение Президента Российской Федерации от 24 февраля 2022 года. [Электронный ресурс]. URL: <http://kremlin.ru/events/president/news/67843> (Дата обращения: 24.03.2022).

²¹² Там же.

переговоры с НАТО обозначены как проблема: «Создаётся враждебная нам «анти-Россия», которая поставлена под полный внешний контроль, усиленно обживается вооружёнными силами натовских стран и накачивается самым современным оружием»²¹³.

Речь Президента подчеркивает и закрепляет факт преемственности политических, социокультурных процессов и наследия Советского Союза, а также существующие коммеморальные практики. Центр-периферийная полярность уступает место новым полярностям Сила – Правда, где Запад – Сила («грубая, прямолинейная сила»), Российская Федерация – Правда и Справедливость («которая на нашей стороне») и Анти-Россия – Россия²¹⁴.

За объявлением специальной военной операции на Украине последовала неоднозначная реакция как среди населения РФ (изначально Своих), так и среди соотечественников, проживающих за рубежом (изначально Других в образе «мигранта», бывших Своих), украинцев (изначально Других) и граждан других государств (изначально Чужих в образе «иностранца» и Других, если это представители стран бывших союзных республик). Здесь в зависимости от сторон идеологического конфликта активизируются разные маркеры Чужого: идеологический как основной; этнический и националистический, где Россия обозначается агрессором, а русские – «людьми, допустившими нацизм», и наоборот, где Россия выступает в качестве «освободителя», а Украина с националистическими настроениями и «нациками у власти» выступает в качестве Врага. Важным фактом для дальнейшего изучения тенденций трансформации образа Чужого на постсоветском пространстве и в мировом контексте является то, что все представления о нашей стране на Западе в обывательском восприятии были весьма фрагментарны, противоречивы и плохо оформлены. Кроме того, интерес к России в мире до событий 24 февраля 2022 г. нельзя сравнить с периодом холодной войны или начала 1990-х. Снижение интереса приводит к упрощению восприятия.

²¹³ Обращение Президента Российской Федерации от 24 февраля 2022 года. [Электронный ресурс]. URL: <http://kremlin.ru/events/president/news/67843> (Дата обращения: 24.03.2022).

²¹⁴ Там же.

Чем меньший интерес вызывает страна, тем большую силу обретают стереотипы, которые и в текущем моменте накладывают свой отпечаток на отношение Запада к России. Сильная внутренняя и внешняя политика Президента РФ В. В. Путина привела к тому, что на Западе укоренилось выражение «Путинская Россия»²¹⁵, где образ всей России равен политической фигуре Путина. Если ранее под брендом «Россия» всегда понимались купола соборов, березки, бескрайние просторы полей, водка, продукты сельхозпроизводства, матрешки, балалайки, сувениры народных промыслов, то сейчас это залпы оружия и вид летящих ракет. За рубежом говорили о «загадочной русской душе», которая отражалась в русской классической литературе и искусстве, «Русских сезонах», Большом и Мариинском театрах, красоте русских женщин, которая спасет мир. На текущем этапе мы видим повсеместную отмену российской культуры (канселинг, или cancel culture)²¹⁶.

Политические и идеологические мифы создают образы новой реальности, часто становятся организующим началом в поведении людей. Важным фактором создания имиджа России и стереотипов восприятия в условиях проведения СВО являются стратегии поведения соотечественников на Чужой земле, а также риторика интернет-пространства в лице лидеров мнений (политических фигур, блогеров). В социальной сфере постсоветского пространства после февраля 2022 года усиливается политическое воздействие на иностранных агентов, их количество увеличивается.

Образ «иностранный агент» как Чужого и Врага, финансируемого Западом, близок к советскому образу Чужого «диссидента». Оба образа базируются на идеологическом маркере чужести. «Иностранный агент» угрожает безопасности государства, сохранности традиционных ценностей путем распространения фейков

²¹⁵ Inside Putin's Russia. [Электронный ресурс]. URL: <https://www.pbs.org/newshour/tag/inside-putins-russia> (Дата обращения: 11.08.2022); The Presidential Administration: The Command and Control Nexus of Putin's Russia. [Электронный ресурс]. URL: <https://www.marshallcenter.org/en/publications/security-insights/presidential-administration-command-and-control-nexus-putins-russia-0> (Дата обращения: 11.08.2022).

²¹⁶ Cancelling Russian culture is today's moral imperative. [Электронный ресурс]. URL: <https://www.indexoncensorship.org/2022/06/cancelling-russian-culture-is-todays-moral-imperative/> (Дата обращения: 11.07.2022); No more Medvedev, Tchaikovsky, or Dostoevsky: the pros and cons of cancelling Russian culture. [Электронный ресурс]. URL: <https://bigthink.com/the-present/cancelling-russia-culture-sanctions/> (Дата обращения: 11.07.2022); Putin says West trying to 'cancel' Russian culture. [Электронный ресурс]. URL: <https://www.aljazeera.com/news/2022/3/25/putin-says-west-trying-to-cancel-russian-culture> (Дата обращения: 11.07.2022).

о СВО, о деятельности государства в рамках внутренней и внешней политики, а также посредством критики проведения специальной военной операции и участия в «гибридной информационной войне»²¹⁷. Деятельность «иностранных агентов» и их пропагандистская деятельность влияет на раскол среди обывателей, которые делятся на тех, кто поддерживает позицию государства в денацификации Украины, и тех, кто выступает против. Специальный выпуск журнала «СоциоДиггер» (издатель ВЦИОМ) рассматривает феномен радикализации и поляризации мнений, возникший в качестве следствия специальной военной операции и пагубного иностранного влияния в рамках ведения информационной, когнитивной войны, как очередное идеологическое разделение общества. Раскол изменяет правила коммуникации, образ Чужого демонизируется до образа Врага, «синдром молчания» продолжает быть свойственным российскому обществу²¹⁸.

Символика V и Z, которая первоначально использовалась исключительно на военной технике вооруженных сил РФ, на текущем этапе используется обывателями для участия в патриотических акциях и в качестве символа поддержки государства, военных и факта проведения денацификации Украины. Министерство обороны дали свое объяснение: «Z – «За победу», «V – «Сила в правде» и «Задача будет выполнена»²¹⁹. В западном информационном дискурсе и СМИ, которые признаны на территории Российской Федерации иноагентами («Meduza», «Голос Америки»), символика V и Z описывается как «символ российского вторжения», а значит каждый, кто использует его, фактически признается для Запада идеологическим Врагом. Информационные ресурсы с фейковым контентом о специальной военной операции, компрометирующие государственную власть, решения Министерства обороны РФ, а также разжигающие межнациональную рознь и углубляющие идеологический раскол в многонациональной России заблокированы Роскомнадзором.

²¹⁷ «Попытка расчеловечить РФ». Мизулина об информационной войне и иноагентах. [Электронный ресурс]. URL: <https://radiosputnik.ria.ru/20220714/inoagency-1802570434.html> (Дата обращения: 12.07.2022).

²¹⁸ СоциоДиггер. № 19. [Электронный ресурс]. URL: https://sociodigger.ru/3d-flip-book/2022vol3-19/?utm_medium=email&utm_source=UniSender&utm_campaign=275469817 (Дата обращения: 09.08.2022).

²¹⁹ Минобороны РФ объяснило Z и V на военной технике. [Электронный ресурс]. URL: <https://www.mk.ru/politics/2022/03/03/minoborony-rf-obyasnilo-z-i-v-na-voennoy-tekhnike.html> (Дата обращения: 09.08.2022).

Развитие военно-политической обстановки на Украине и неверное представление реальной ситуации в зарубежных СМИ приводит к тому, что образ «российского гражданина» демонизируется, политические решения и агрессивная риторика средств массовой информации ставят знак равенства между Россией и терроризмом. Признание латвийскими властями России страной – спонсором терроризма²²⁰ – решение не только внешнеполитическое, но и внутривластное, так как имеет свои исторические мотивы с момента выхода прибалтийского государства из состава СССР 21 августа 1991 года.

Постсоветская Россия, как официальный преемник идеологии и культурного наследия СССР, стала в рамках западного дискурса абсолютным, демонизированным Врагом, так же как и для России актуализировался Запад в качестве образа демонизированного Чужого, Врага, покушающегося на безопасность Родины, где «по итогам остаются кровавые, незаживающие раны, язвы международного терроризма и экстремизма»²²¹. Негативные тенденции к демонизации образа России в западном дискурсе и на постсоветском пространстве, связанные с военно-политической обстановкой на Украине, продолжают повсеместно звучать в политическом и социокультурном дискурсах других государств, переходя к проявлению открытой русофобии и поддержанию ультраправых националистических настроений, близких к идеологии нацизма.

В постсоветском пространстве векторы трансформации образа Чужого обусловлены диахронными характеристиками. До 2000 г. это преимущественно внутренний Чужой: «коммуняка», «новый русский», «кидала», «мажор» как реакция на политический и экономический хаос в стране. После 2000 г. акцент смещается на внешнего Чужого: «террористы», «гастарбайтеры», «санкционеры» как реакция на внешние вызовы социуму. Образ советского человека и его

²²⁰ Латвия объявила Россию спонсором терроризма. [Электронный ресурс]. URL: <https://www.rbc.ru/politics/11/08/2022/62f4c1f19a7947b5648d26fe> (Дата обращения: 11.08.2022); Latvia designates Russia a «state sponsor of terrorism» over Ukraine war. [Электронный ресурс]. URL: <https://www.reuters.com/world/europe/latvia-designates-russia-state-sponsor-terrorism-over-ukraine-war-2022-08-11/> (Дата обращения: 11.08.2022).

²²¹ Обращение Президента Российской Федерации от 24 февраля 2022 года. [Электронный ресурс]. URL: <http://kremlin.ru/events/president/news/67843> (Дата обращения: 11.08.2022).

положение в категориальной цепочке Свой – Другой – Чужой – Враг – Монстр находится в промежуточной позиции между Свой и Другой.

Векторы трансформации образа Чужого на постсоветском пространстве различны: на разных этапах на первый план выходят внутренние или внешние Чужие, исчезает серия классических советских образов, с образом Чужого происходит идеологическая инверсия – бывшие Свои становятся Чужими. В последнее время цифровое пространство нивелирует традиционные маркеры Чужого, Своё пространство раздвигается на область всего интернета, происходит взаимная диффузия Своего и Чужого. Пандемия коронавирусной инфекции и специальная военная операция актуализировали фокус внимания на новые, ситуативные образы Чужого и Врага, показав также, что существующие еще в советское время маркеры чужести продолжают оказывать влияние на государственную риторику, массовую культуру и постсоветскую социальную реальность в целом.

На сегодняшний день в поиске своей «новой идентичности» Россия все больше удаляется от Запада, поскольку самоидентификация России во многом связана именно с тем, что отличает ее от Запада.

Отношение к нашей стране сейчас претерпевает серьезные изменения, причем происходит это не только на высоком политическом уровне, но и в массовом сознании западного населения. Четкую грань между информацией для «внутреннего» и «международного» использования в этих условиях провести непросто. Средства массовой информации поддерживают в умах обывателей полярные суждения и ценностные ориентации, в зависимости от их востребованности в обществе.

2.3. Динамика трансформации образов Своего, Чужого в межкультурной коммуникации Каспийского социума

Распад коммунистической системы и выход республик из состава Советского Союза ознаменовал начало новой политической и общественной жизни Казахской ССР, Азербайджанской ССР, Туркменской ССР, которые сегодня являются самостоятельными государствами и активными акторами постсоветского пространства. Политическая и социальная рефлексия новых государств была направлена на формирование собственной коллективной памяти, коммеморации и переосмысления вопросов конструирования идентичности, а также на сохранение «неустойчивой системы политических, экономических и иных взаимосвязей, остатков имперской инфраструктуры и «социалистического наследия»²²².

Россию и страны, входившие ранее в состав СССР, связывает многовековая общая история. В процессе взаимодействия переплетались культурные традиции, формировалось взаимоуважение и понимание друг друга. Если во времена Советского Союза коммуникация на Каспии шла в условиях внутреннего региона, то сейчас межкультурная коммуникация осуществляется с учетом внешних, конституирующих границ. Естественным приоритетом внешних культурных связей России являются отношения с государствами СНГ, где особую роль играли отношения со странами Прикаспия и сохранение комплексной безопасности в регионе. Так, С.А. Панарин считает, что «высокая степень комплементарности России и Центральной Азии, в политическом отношении получающая свое выражение в совместных действиях по укреплению региональной безопасности, дает основания надеяться, что остроту существующих проблем удастся в значительной степени снять общими усилиями РФ и ее юго-восточных соседей»²²³.

²²² Празаускас А. СНГ как постколониальное пространство // Независимая газета. 7 февр. 1992.

²²³ Панарин С. А. Россия и Центральная Азия: взаимодополнительность и свободное движение населения // Pro et Contra. 2000. Том 5. № 3. С. 128.

Взаимодействие России и стран СНГ на рубеже веков привело к тому, что сегодня многих из нас объединяют с гражданами этих странах родственные связи.

Особым по насыщенности национального состава является Юг России – на этом геополитическом пространстве от Черного до Каспийского моря веками формировалась уникальная культурная целостность, которая выступает «соединительным рубежом народов и цивилизаций, внутренним мостом евразийского мира»²²⁴. Астраханская область, имеющая общую границу с Казахстаном на востоке, является важным геополитическим регионом как для России, так и для соседних республик и регионов.

Термин «Прикаспий» употребляется с XVIII века по отношению к районам, прилегающим к Каспийскому морю. Традиционно его разделяют по сторонам света. До распада СССР только Южный Прикаспий (Иран) не входил в его состав. В настоящее время в составе Российской Федерации находится часть территории, именуемая Северным Прикаспием (Калмыкия и Астраханская область) и часть территории Западного Прикаспия (Дагестан)²²⁵.

Каспийский макрорегион на постсоветском пространстве руководствуется новыми геополитическими, экономическими и социокультурными условиями. Влияние советского наследия и советской культуры находит свое отражение в культуре уже самостоятельных государств, так как геополитическая смена статуса не искоренила все культурные процессы, в том числе и общую коллективную память. Особенностью каспийского геополитического пространства, в том числе и Юга России, является как религиозная, так и этническая близость наиболее крупных исторически населяющих этот регион общностей.

Исследование процесса формирования отношений в рамках цепочки образов Свои и Чужие на каспийском макрорегионе представляет особенный интерес. Именно здесь наиболее наглядно проявляется инверсия: бывшие Свои становятся

²²⁴ Горшков М. К. Формирование общероссийской идентичности: контекст Российского Кавказа // Российский Кавказ: проблемы, поиски, решения. Научное издание / Под общ. ред. Р. Г. Абдулатипова, А.-Н. З. Дибирова. М.: Аспект Пресс, 2015. С. 35.

²²⁵ Топчиев М. С. Основные векторы конфессиональных отношений российского Прикаспия // Политематический сетевой электронный научный журнал Кубанского государственного аграрного университета. 2014. № 102. С. 334.

статусно Чужими, иностранцами. Этнические и конфессиональные характеристики превращаются в главные маркеры. Однако достаточно долго хаотическая неопределённость 90-х, отсутствие виз, наличие СНГ и общая история, советская культура и язык позволяют воспринимать этот образ скорее как Другого, нежели как Чужого. Это связано также с тем, что ещё со времен Российской Империи на этой территории произошла этническая диффузия, и на данный момент практически каждый этнос данной территории представлен как Своими, соотечественниками, так и Чужими, иностранцами, бывшими соотечественниками.

Развитие информационного интернет-пространства и онлайн-коммуникации спровоцировали появление целого ряда информационно-психологических войн, которые оказывают влияние на внешнеполитические связи и межкультурную коммуникацию на повседневном уровне. Вбросы «фейковой» или недостоверной информации являются проблемным следствием «постправды» для современного общества. Пандемия коронавирусной инфекции, январские протесты 2022 года в Казахстане и специальная военная операция на Украине стали главными инфоповодами последних лет. Массовость обсуждения тем порождает неисчислимое количество фейковой информации, которая в свою очередь порождает «информационный пузырь».

«Информационный пузырь» представляет собой «самоподдерживающуюся систему, которая отторгает любые сомнения в «своей правде», например, высмеивая их или выискивая у сомневающихся корыстные мотивы»²²⁶. Многообразие и доступность новостных ресурсов различного характера стимулирует дробление различных идеологических направлений, отличных от традиционных.

Пандемия коронавирусной инфекции обозначила важность поддержания взаимодействия во множестве совместных для Прикаспия областей: политическая коммуникация, здравоохранение, региональная и государственная безопасность, миграционные процессы. Благоприятный баланс интересов между акторами

²²⁶ Ефимов А. Платон мне друг, но истины не надо. Как слово «post-truth», названное «словом года», повлияет на нашу жизнь. [Электронный ресурс]. URL: <https://nplus1.ru/material/2016/11/21> (Дата обращения: 15.10.2019).

Каспийского региона способствовал укреплению межкультурной коммуникации, восприятию бывших соотечественников в позиции Другого, несмотря на временные ограничения в передвижениях между государствами в связи с пандемией. Онлайн-коммуникация позволила сохранить имеющиеся деловые и личные контакты на прежнем, доковидном уровне.

В рамках работы над грантом РФФИ «Трансформация образа Чужого в культуре постсоветского пространства Каспийского макрорегиона» конкурса «Аспиранты» были проведены фокус-группы (ежегодно с 2020 по 2022 гг.) с представителями этносов каспийского региона и серии глубинных интервью, которые позволили определить особенности трансформации образов Своего, Чужого в межкультурной коммуникации Каспийского социума до травмирующих событий – январских протестов в Казахстане и специальной военной операции на Украине. Составленные вопросы позволили получить не односложные ответы, а обстоятельные объяснения респондентов о межкультурной коммуникации и повседневной культуре. Использование формы стандартного интервью с одним участником в общем количестве 30 респондентов в возрасте от 16 до 28 лет, проживающих на территории Прикаспия, позволили получить предельно детализированную информацию о коммуникативном поведении, возможных существующих стереотипах, которые оказывают влияние на межкультурную коммуникацию в каспийском социуме.

Результаты анализа показали, что функционирующие стереотипы и мифы о «восточных» соседях, несмотря на регулярную циркуляцию в СМИ и интернет-пространстве, ослабляют свое влияние в сознании и коммуникационной активности молодого поколения. Меняется социокультурный опыт – меняется точка зрения. Ушедшие в прошлое исторические события и следующий из них социальный опыт менее влияют на молодежь, несмотря на то что каждое новое поколение овладевает достижениями и перенимает часть опыта у старших поколений, а значит образы Своего и Чужого трансформируются. Адаптируясь под условия времени, в котором молодому поколению придется действовать и

развиваться, они передадут часть поколенческой ментальности и модели построения пространства новому поколению, которое их снова трансформирует.

Традиционный тип ментальности советских поколений значительно уступает инновационному типу ментальности постсоветских поколений эпохи «девяностых», «нулевых» и «десятых». Отсутствие правильного идеологического регулирования институтов социализации укореняет постоянную смену ценностей, которая укрепляет тенденцию к обесцениванию накопленного опыта советскими поколениями, провоцируя скорее межпоколенческие конфликты, чем внутригрупповые. Массовая российская культура же в свою очередь делает попытки переработки советского культурного прошлого и его репрезентации молодому поколению с целью закрепления символических артефактов советского в существующей социальной реальности. Советское и постсоветское прошлое в контексте популярной культуры используется в качестве ресурса конструирования основ благоприятной коммуникации. В массовой культуре прикаспийских соседей подобные процессы не наблюдаются, ретропрактики не обладают популярностью ни на обывательском, ни на государственном уровнях.

Молодое поколение, поддерживая важность сохранения исторического и культурного наследия через мемориализацию, расширяет и присваивает советское как Свое, опираясь на позицию, что прошлое – это о Своих тогда и сейчас. Особую роль для индивидуальных акторов культуры и воспроизведения прошлого начинает играть публичная история как способ обращения к опыту прошлого и конструирования благоприятных социальных отношений в условиях настоящего. Тяга к советскому прошлому становится основой для формирования национальной памяти и национального родства.

Новое пространство отношений, формируемое в поликультурном Прикаспийском регионе, может выступить также и основой для конфликтности ситуаций при столкновении традиционных стереотипов, последствий исторических событий, формируемых СМИ и государственной идеологией, стилей поведения представителей разных поколений.

Культурный и социально-экономический кризисы, возникшие в результате перехода от советского социалистического общества к постсоветскому, привели к изменению значимости и смысловому наполнению аспектов опыта старших поколений в глазах молодого поколения.

Все респонденты, отвечая на вопросы, связанные с характеристикой коммуникационного процесса с представителями стран Каспийской пятёрки, обозначили, что коммуникация проходит в положительном ключе, если общение происходит на русском языке и идейные смыслы участников коммуникации схожи, важен принцип взаимного уважения: *«Мне без разницы, какая нация. Это меня не особо интересует. Главное, какое отношение ко мне: если ко мне по-доброму, то и я тоже»* (Алина, 15 лет); *«Я ко всем и ко мне доброжелательно»* (Марк, 16 лет); *«Они не виноваты, что родились именно в той стране, как и в политике и вражде с другими. Даже лев может быть очень добрым»* (Даша, 17 лет); *«Ко всем отношусь одинаково. Нет, [они] свои. Такие же люди, как и мы все»* (Адема, 18 лет); *«Для меня может быть «чужим» человек, если он не говорит со мной на одном языке: это всегда очень тяжело, когда иностранец не понимает банальных вещей, не говоря о крылатых фразах и афоризмах. Как «своих» я даже не всех россиян идентифицирую, всегда держу на дистанции и считаю, что все должны [держаться]»* (Амир, 21 год).

Респонденты отмечают, что общение, построенное на принципах толерантности и взаимного уважения, а также поликультурная среда и межнациональные семьи также благоприятно влияют на процесс коммуникации: *«Нет, почему они должны были возникнуть? Я, например, сама не русская. Мне всё равно, какой национальности человек, откуда он приехал. Я не понимаю людей, которые в общем рассматривают человека не своей национальности или не своей страны, приезжего, как «не своего». Нет такого понятия «свой», «не свой»: все люди»* (Линара, 19 лет); *«Я всегда стараюсь позитивнее относиться к иностранцам. Но в свете того, что я жил в общежитии, не поступил туда, куда хотел, в связи с тем, что очень много мест выделили под иностранцев, из-за того, что я работаю там, где их много, я толерантный человек. Если это знакомство,*

коммуникация проходит легко. [...] Смешанная семья также влияет: у меня нет чопорности, что есть только моя национальность и культура» (Амир, 21 год); «Вижу, как относятся ко мне, а потом уже строю свой путь к этому человеку. Это были разные: и дружеские, и рабочие отношения. Но и там, и там это не были конфликты, возникающие из-за стереотипных суждений или языковых барьеров. Такая обстановка была внекомнатной: на улице, в институте. С этими людьми мы друг друга не знали. Я бы не назвал их «чужими». У меня много друзей, людей, знакомых другой национальности. Я хорошо к ним отношусь, дружу много лет и для меня они «свои»». (Андрей, 28 лет).

Респонденты характеризуют Своего как человека, близкого по идеологическим, ментальным характеристикам: *«Для меня они не иностранцы, будто живут в другом городе. Нас объединяет язык, общие темы, интересы. Даже если бы они плохо знали язык, главное, что у человека в голове: как он думает и смотрит» (Владислав, 18 лет); «То, что мы говорим на одном языке, сближает. «Свой» человек, если общие схожие взгляды на жизнь, чувство юмора, например, мы можем обсудить политическую ситуацию и посмеяться» (Юлия, 21 год).*

Анализ полученных ответов позволяет определить, что до январских событий в Казахстане и специальной военной операции характерная оппозиция и противостояние Своего Чужому не функционировала открыто и повсеместно в рамках межкультурной и межэтнической коммуникации. Прослеживалась тенденция к диффузии образов Своего и Чужого. Образы «мигранта» и «иностранца» смягчаются, уровень актуальности конфессионального и этнического маркеров Чужого снижаются, оставляя в приоритете идеологический маркер. Общество продолжает конструировать коммуникацию на основе принципа поликультурного и поликонфессионального объединения. Толерантность и принцип взаимного уважения играют огромную роль в содействии свободному и открытому диалогу.

В коммуникативном пространстве каспийского социума происходит расщепление сторон оппозиции Свой – Чужой на качества, характеристики, элементы, особенности. Образы перестают быть категоричными, их можно

визуально сравнить с калейдоскопом: Свой может обладать факторами характерными для Чужого и наоборот.

Современное поколение жителей Каспийского макрорегиона, будучи цифровым поколением, строит новую модель взаимоотношения Свой – Чужой на основе нового веб-пространства. Общение на дистанте, в мессенджерах позволяет обходить острые углы этнической и конфессиональной специфики. Молодое постсоветское поколение более терпимо к географическому, этническому, религиозному факторам, разделяющим Своих и Чужих. Самобытность становится основой для реализации культурного плюрализма на постсоветском пространстве. Образы Своего и Чужого до СВО соответствуют постсоветским тенденциям, однако имеют региональную специфику.

Январские протесты 2022 года в Казахстане стали прецедентом для пересмотра отношения к советским образам, культурным паттернам и укрепления тенденции установления образа советского как Чужого для граждан Казахстана и этнических казахов, проживающих на территории бывшей Казахской ССР²²⁷. Являясь внутривосточным конфликтом, январские события в Казахстане становятся самым обсуждаемым событием января и начала февраля 2022 года: «В Казахстане 2 января вспыхнули массовые протесты против повышения цен на газ в два раза. Протесты начались с Мангистауской области и быстро расширились, у митингующих появились политические требования. 4 января произошли беспорядки в Алма-Ате. Президент Токаев объявил в регионах ЧП, а утром 5 января принял отставку правительства. Днем 5 января Токаев заявил, что сменил Назарбаева во главе Совета безопасности страны. В страну введены миротворческие силы ОДКБ, ими руководит командующий ВДВ России Андрей Сердюков. 9 января власти Казахстана заявили о стабилизации ситуации»²²⁸.

²²⁷ Токаев назвал причину январских беспорядков в Казахстане. [Электронный ресурс]. URL: <https://az.sputniknews.ru/20220121/tokaev-nazval-prichinu-yanvarskikh-besporyadkov-v-kazakhstane---video-438361821.html> (Дата обращения: 23.01.2020).

²²⁸ Массовые протесты в Казахстане. [Электронный ресурс]. URL: <https://www.interfax.ru/chronicle/massovye-protesty-v-kazakhstane.html> (Дата обращения: 19.05.2022).

В рамках проведения совместных социологических исследований с астраханскими социологами и исследователями социетальной безопасности на Каспии были выявлены противоречивые, полярные отношения респондентов, участников фокус-групп, к факту введения войск ОДКБ и стабилизации ситуации силами миротворческих сил Российской Федерации. Респондентами выступили: казахские граждане, приехавшие в Астраханский государственный университет им. В.Н. Татищева для обучения; этнические казахи, родившиеся на территории РФ; граждане Казахстана не казахской национальности; российские студенты, обучающиеся в АГУ.

Проведение фокус-групп стало первичным этапом социологического исследования и требует дальнейшего углубления, в том числе использования количественных социологических методов для получения репрезентативной информации о январских событиях в Казахстане 2022 года²²⁹. По результатам анализа, респонденты с позиции обывателей определяют произошедшие протесты как исключительно внутреннее событие, которое не накладывает отпечаток на текущие внешнеполитические процессы и коммуникацию: *«Казахстан рядом, но это внутривнутриполитический конфликт, опасности не чувствовала»*; *«Ситуация не угрожала ни области, ни стране»*; *«Каждая страна должна сама решать. Это их проблемы»*; *«Нам это не угрожало, у нас хорошая армия, мы бы загасили огонь»*; *«Опасность для населения Астраханской области низкая, но экономически это опасно, так как есть риски и последствия»*²³⁰.

Однако, если обратиться к мнениям казахстанских политологов и журналистов, можно встретить позицию, которая под первопричиной казахстанских протестов понимает «несправедливое распределение ресурсов во

²²⁹ Григорьев А. В., Холова Л. А. Рефлексия студентов прикаспийских государств на январские протесты 2022 года в Казахстане в контексте безопасности региона // *Caspium Securitatis: журнал каспийской безопасности*. 2022. Т. 2. № 1. С. 97-108; Черничкин Д. А. Анализ онлайн-активности пользователей социальных сетей как реакция на общественно-политические процессы в Республике Казахстан // *Caspium Securitatis: журнал каспийской безопасности*. 2022. Т. 2. № 1. С. 75-96.

²³⁰ Григорьев А. В., Холова Л. А. Рефлексия студентов прикаспийских государств на январские протесты 2022 года в Казахстане в контексте безопасности региона // *Caspium Securitatis: журнал каспийской безопасности*. 2022. Т. 2. № 1. С. 102.

время распада СССР»²³¹. Для части граждан Казахстана, а также в рамках внешнеполитического мирового дискурса введение миротворческих сил России и участие ОДКБ стало поводом для актуализации образа России как Чужого и Врага, угрожающего целостности и суверенности Казахстана²³². Январские события 2022 года в Казахстане, став для государства стимулятором социально-политических изменений, в свою очередь не нанесли образам Своего и Чужого существенных изменений. В постсоветском Казахстане продолжается десоветизация общественного пространства, культурных практик и советских политических, экономических принципов, начавшаяся сразу же после выхода из состава СССР.

Внешнеполитические связи и межкультурное взаимодействие на повседневном уровне начали претерпевать серьезные изменения с момента объявления специальной военной операции, а также подверглись когнитивному воздействию на интернет-пользователей и потребителей массовой культуры, представителей каспийского социума (и не только), в масштабе информационной войны. Актуализация и агрессивная популяризация исторического образа России как врага Запада пытается быть навязана и соседям по Каспию. Идеологический раскол стал следствием когнитивного воздействия посредством интернет-фейков и деятельности «фабрики троллей»²³³. Геноцид русского языка, русской культуры и русского населения на Донбассе с 2014 года не признается странами Запада и Украиной, снимается социальная реклама экстремистской направленности²³⁴.

Преступления ненависти – расистские и неонацистские нападения на граждан, информационная война, гонения мигрантов и этнических чужаков становятся ключевыми факторами влияния, приводящими к демонизации России и

²³¹ Почему Россия сорится с Казахстаном? Интервью Baitassov live*. [Электронный ресурс]. URL: https://www.youtube.com/watch?v=yrW4Rb53RZ0&ab_channel (Дата обращения: 25.07.2022).

* *Материал создан и/или распространен иностранным средством массовой информации, выполняющим функции иностранного агента.*

²³² Политолог Суздальцев объяснил беспокойство США из-за ввода войск ОДКБ в Казахстан. [Электронный ресурс]. URL: <https://www.mk.ru/politics/2022/01/08/politolog-suzdalcev-obyasnil-bespekoystvo-ssha-izza-vvoda-voysk-odkb-v-kazakhstan.html> (Дата обращения: 09.08.2022).

²³³ Украинская «фабрика троллей» обучалась польскими инструкторами. [Электронный ресурс]. URL: <https://iz.ru/1301382/2022-03-05/ukrainskaia-fabrika-trollei-obuchalas-polskimi-instruktorami> (Дата обращения: 10.04.2022).

²³⁴ На Украине сняли рекламу, где украинка призывает к расправе над русскими. [Электронный ресурс]. URL: <https://news.ru/world/na-ukraine-snyali-reklamu-gde-ukrainka-prizyvaet-k-rasprave-nad-russkimi/> (Дата обращения: 10.04.2022).

формированию образа опасной, демонизированной России – главного Чужого и Врага для западной идеологической повестки. Идеологический и этнический Чужой становятся угрозой социальным институтам и социуму. Адресатами экстремистского дискурса восприятия Чужого становятся как Свои, так и Враги, в сторону которых направлено экстремистское взаимодействие. Чужой, носящий ранее скорее символическую, нежели реальную угрозу, становится объектом активных призывов к противостоянию.

На уровне межкультурной коммуникации происходит разрыв между братскими народами: русскими и украинцами. Молодое поколение обеих стран, активных интернет-пользователей, вынужденно втянуто в информационную войну, которая усугубляет и стимулирует развитие негативной тенденции демонизации бывших Своих в образ абсолютного Врага, Монстра.

Собирательный образ «НАТО» для российских граждан становится одним из главных образов Чужого наравне с образом «украинского нациста», образом «врага в вышиванке»²³⁵. Эволюция двусторонних отношений прервана, диалог и попытки благоприятной межкультурной коммуникации на данном этапе специальной военной операции не осуществимы.

Страны Каспия, как экономические и политические партнеры России, испытывают на себе колоссальное воздействие Запада, так как санкционные меры против РФ накладывают определенные обязательства и требуют новых политических решений. Казахстан, как крупнейший каспийский партнер России, занимает нейтральную позицию, отмечая, что «присутствуют разные мнения насчет спецоперации России»²³⁶, но не поддерживает ее. Наблюдается тенденция перехода образа России из категории Другого в опасного Чужого, который своими действиями может угрожать экономическому благосостоянию Казахстана, и по некоторым мнениям, граничащими с экстремистскими позициями, целостности и

²³⁵ Обыкновенный нацизм, или Как русофобия погубила Украину. [Электронный ресурс]. URL: <https://regnum.ru/news/polit/3566008.html> (Дата обращения: 17.04.2022).

²³⁶ Токаев заявил, что в Казахстане присутствуют разные мнения насчет спецоперации России. [Электронный ресурс]. URL: <https://tass.ru/mezhdunarodnaya-panorama/14956773> (Дата обращения: 17.06.2022).

суверенитету Казахстана²³⁷. Казахстан старается занимать демонстративно объективную позицию «между», высказываясь в сторону России и Запада, дипломатично не указывая на то, кто их идейный или военно-политический противник. Открытая критика в адрес России, которая исторически для Казахстана всегда была Своей, недопустима, так как нарушается дистанция отношений Свой – Другой – Чужой изначально на государственном, а впоследствии и на обывательском уровнях.

Туркменистан, являясь самой закрытой страной постсоветского пространства, стоит обособленно, не интегрируя ни западные, ни российские социокультурные паттерны в собственную культурную политику. Приоритетным вектором развития современной культурной политики Туркменистана можно считать диалог культур и исключительную поддержку туркменов как «титульной нации», взяв за основу реализацию информационной изоляции, блокирование доступа к популярным социальным сетям и ресурсам, а также конструирование идентичности вокруг культурного наследия и исторического прошлого Туркменистана: «Уникальные и впечатляющие историко-культурные памятники Туркменистана, богатые материальные и духовные ценности нашего народа являются конкретными историческими свидетелями и бесценной сокровищницей для воспитания поколения в духе высокого патриотизма»²³⁸. Президент Туркменистана во всех своих обращениях подчеркивает особый статус туркменов как одного «из древнейших народов мира, создавших неповторимые культурные, духовные и литературные ценности, внесших бесценный вклад в культурно-научную сокровищницу человечества»²³⁹. Книги, написанные Гурбангулы

²³⁷ На своей земле. Почему север Казахстана называют казачьими землями и как там живут миллионы русских. [Электронный ресурс]. URL: https://lenta.ru/articles/2022/01/16/north_kz/ (Дата обращения: 15.06.2022); Слишком нейтральный союзник. Ждет ли Казахстан судьба Украины. [Электронный ресурс]. URL: <https://carnegieendowment.org/eurasiainsight/87625> (Дата обращения: 13.08.2022). *(В соответствии с распоряжением Министерства юстиции Российской Федерации от 8 апреля 2022 года Московский центр Карнеги, представлявший в России Фонд Карнеги за международный мир (США), прекратил свою работу).*

²³⁸ Электронная библиотека книг Президента Туркменистана. Бердымухамедов Г. «Культура – бесценное сокровище народа». [Электронный ресурс]. URL: <https://neutrality.gov.tm/library/ru/reading?src=books%2Fe4a0dc60-5b32-4051-a804-f356da52a8f1> (Дата обращения: 17.10.2021).

²³⁹ Электронная библиотека книг Президента Туркменистана. Бердымухамедов Г. «Культура – бесценное сокровище народа». [Электронный ресурс]. URL: <https://neutrality.gov.tm/library/ru/reading?src=books%2Fe4a0dc60-5b32-4051-a804-f356da52a8f1> (Дата обращения: 17.10.2021).

Бердымухамедовым, становятся источником для формирования официального государственного дискурса и идеологии. Коммуникация с дружественными странами, бывшими республиками СССР в экономической сфере способствует укреплению позиций и популярности академического обмена и трудовой миграции. Страны бывшего социалистического лагеря в силу прозападной ориентации и отсутствия авторитарных социокультурных ограничений становятся для мигрантов-туркменом местом личностной реализации, оптимального заработка и дают возможность улучшить собственное положение и своей семьи. Так, журналист Атаджан Непесов, используя метод интервью, анализирует и представляет мнения мигрантов-туркменом о причинах миграции, о культурной стагнации Туркменистана и общих проблемах государства, так как «этнические туркмены не стремятся при этом возвращаться в родные места ни в ближайшем, ни в отдаленном будущем, а намерены оставаться жить там, где обрели свой новый дом»²⁴⁰. Подчеркивается нарастающая тенденция полной инверсии Своего и Чужого пространства, чужие социальные и культурные паттерны для мигрантов-туркменом становятся желаемыми и остро необходимыми в рамках аккультурации. Стремление поляризации ценностей нации вокруг исторического, героического прошлого Туркменистана и приводит к культурной изоляции и росту вынужденных трудовых легальных и нелегальных мигрантов.

Свое – концепт «Туркменистан как Родина» – должный для мигрантов-туркменом выступать в роли безопасного пространства, начинает приобретать негативную коннотацию, а Чужое, изначально как квинтэссенция враждебного и небезопасного, становится желанным и остро необходимым для дальнейшего существования. Выбирая страны Каспийского макрорегиона, и Астраханскую область в первую очередь, туркмены руководствуются близостью с исторической

²⁴⁰ Информационно-аналитический Центр по изучению общественно-политических процессов на постсоветском пространстве. Туркменистанцы: Дым Отечества нам сладок, но чужбина стала родной. Почему? [Электронный ресурс]. URL: <https://ia-centr.ru/publications/turkmenistantsy-dym-otechestva-nam-sladok-no-chuzhbina-stala-rodnoy-rochemu/> (Дата обращения: 17.10.2021); Фергана. Туркменистан: Какой увидели страну ее бывшие граждане через много лет. [Электронный ресурс]. URL: <https://www.fergananews.com/articles/9309> (Дата обращения: 17.10.2021).

родиной, а также благоприятным климатом для межэтнической коммуникации: *«Я тут уже 4 года и вообще же городу наполовину иностранцы тут живут. В начале до приезда я думал, если какую-то ошибку или слово неправильно расскажу, скажу, думал они или посмеются, или что-то такое негативное, будут относиться. А оказывается на самом деле, они наоборот, они помогают и исправляют ошибку»* (Рустам, 21 год); *«Я могу сказать, как бы здесь более нормальное. Я изначально знала, мне вот мама рассказывала про русских, у них тут знакомые есть, моя учительница по русскому языку была русской. Ну, из-за этого у меня какие-то ассоциации были про русских до этого, до приезда сюда, и когда приехала, я же говорила, у меня вообще сомнения испарились»* (Огулджан, 20 лет).

Находясь в новой для себя социокультурной обстановке, туркмены продолжают поддерживать отношения внутри собственной этнической группы, что в первую очередь обусловлено языковым барьером и трудностями в коммуникации с представителями других народов: *«Это зависит от того, с кем ты живешь. Ну, вот в основном мы же в общаге живем, и вот соседи, кто рядом, на этаже, какие люди, это зависит от них. Если все туркмены, то больше на туркменском будешь разговаривать. Если там иностранцы, русские, то только на русском, больше никак»* (Максат, 21 год).

Анализ фокус-группового исследования также показал, что для российских студентов, не владеющих туркменским языком, иноязычие является одним из основополагающих маркеров чужести, превращающих туркменского студента в определенных ситуациях если не в абсолютно негативного Чужого, то в Другого: *«У нас это в группе прослеживалось, студенты с Туркменистана, когда им делали какие-то поблажки. Ну, мы наизусть учим рассказы, вы можете прочитать, и у нас поднимался такой негатив: «А почему они?!»* (Никита, 22 года); *«Им сложнее потому, что даже я сколько разговаривала, даже квартиру они снять не могут. Иностранцам не сдаем, а почему не сдаем. В плане того, что в любом случае, первое время – это новое место, им страшно, они как бы язык не знают, и некоторые люди могут не помочь или обмануть где-нибудь также»* (Регина, 21 год).

Анализ образов Своего и Чужого в постсоветском Туркменистане осложняется закрытостью государства в сфере культурной политики и авторитарной моделью политического управления. Контент-анализ интернет-источников и СМИ с применением технологии искусственного интеллекта, проводимый нами регулярно с января 2022 г., показал остаточную однообразность контента и четкую специализированную политическую направленность, а также отсутствие активных дискуссий в интернете, обсуждающих эту проблематику, в отличие от протестов в Казахстане²⁴¹.

Опора на данные, полученные из фокус-групповых исследований с академическими и трудовыми мигрантами, не дает полной картины трансформации образов, позволяет лишь обозначить возможные векторы развития выявленной тенденции к углублению образа Туркменистана как Чужой Родины. Общественные ожидания не оправдываются политическими и социальными реформами, что в свою очередь может способствовать увеличению источников беспокойства и экстремистских настроений внутри республики.

Специфика геополитических процессов еще одного постсоветского государства – Азербайджана – выстраивается вокруг усиления процессов десоветизации, укрепления собственных национальных интересов на мировой арене и экономического сотрудничества со странами, бывшими в составе СССР. Азербайджан, являясь ключевым энергетическим узлом Южного Кавказа (Закавказья), активно вступает с Россией в интеграционные процессы в области экономики. Как бывшая республика Советского союза, Азербайджан – носитель советских культурных и политических паттернов, которые под влиянием усиления национальных интересов и западного влияния постепенно деактуализируются. Эскалация конфликта в Нагорном Карабахе подчеркивает позицию «между» в рамках отношений Свой – Чужой с крупными акторами Каспийского

²⁴¹ Черничкин Д. А. Анализ онлайн-активности пользователей социальных сетей как реакция на общественно-политические процессы в Республике Казахстан // *Caspium Securitatis*: журнал каспийской безопасности. 2022. Т. 2. № 1. С. 75-96; Черничкин Д. А., Алиева Н. В. Отражение казахстанских событий января 2022 в пространстве онлайн-СМИ (на примере видеохостинга Youtube) // *Каспий и глобальные вызовы: Материалы Международной научно-практической конференции, Астрахань, 23–24 мая 2022 года* / Составители: О.В. Новиченко [и др.]. Астрахань: ФГБОУ ВО «Астраханский государственный университет», 2022. С. 702–710.

макрорегиона. Усиление контактов с Турцией меняет тональность коммуникации с Россией как с бывшим Своим. Азербайджан постепенно попадает под влияние концепции «тюркского мира» – «особой туркоцентричной подсистемы международных отношений, где роль лидера безоговорочно принадлежит Анкаре»²⁴². Русский язык в Азербайджане не имеет статус официального, государственного языка, следовательно новые поколения азербайджанцев уже не владеют в полной мере русским языком и свойственными ему культурными смыслами и паттернами: *«У нас по большей части на русском. Но в магазине или еще где-то, конечно, на азербайджанском»* (Самир, 21 год); *«У Казахстана, конечно, русский язык в государственном плане больше принимается потому, что у них документация как на казахском, так и на русском, это насколько я изучал. Но у нас, к сожалению, вся документация только на государственном языке, то есть на азербайджанском, то есть русского языка нет»* (Риат, 20 лет).

Культурные взаимосвязи Азербайджана и открытость на международной арене способствуют восприятию Азербайджана как самодостаточного актора Каспийского макрорегиона. Интеграция культурных и социополитических процессов с Турцией отдаляют Азербайджан от концепта бывшей советской республики, открывая новые пути для формирования образов Своего и Чужого. Вопросы интеграции в российское общество мигрантов из Азербайджана²⁴³, динамика социокультурных изменений в Азербайджане после распада СССР в рамках дискурса постколониальных исследований²⁴⁴, а также этнополитические отношения и конфликты²⁴⁵ становятся главными исследовательскими темами для отечественных и зарубежных политологов, культурологов и социологов. В целом проблемное поле политики поддержания национальной терпимости, адаптации

²⁴² Аватков В. А. Специфика геополитики Азербайджанской Республики // Постсоветские исследования: сетевое издание. 2021. Т. 4. № 2. С. 104–108. [Электронный ресурс]. URL: https://e46c205d-83c7-4e8c-bb4b-8df266f8ea81.filesusr.com/ugd/0206eb_a9bcae1beb5d47729b0a6c163dd00bcf.pdf (Дата обращения: 26.03.2021).

²⁴³ Эндрюшко А. А. Интеграция в российское общество мигрантов из Азербайджана и других стран постсоветского пространства: сравнительный анализ // Социологические исследования. 2020. № 11. С. 84–95.

²⁴⁴ Сидиков Б. Новое или традиционное? Региональные группировки в постсоветском Азербайджане // Вестник Евразии. 2004. № 2. С. 151–169.

²⁴⁵ Пашаев Д. Т. Этнополитические отношения в постсоветском Азербайджане: структура и динамика // Вестник Поволжского института управления. 2015. № 5 (50). С. 36–42; Охрименко А. «Образ врага» в сознании азербайджанцев и армян как психологическое основание военно-политического конфликта в Нагорном Карабахе // nauka.me. 2021. № 4. С. 7–21.

национальных меньшинств, миграционные процессы и изменение конфессионального состава населения сейчас актуально для всех бывших республик СССР.

Важным моментом в осуществлении позитивных межкультурных коммуникаций и формировании образа представителя каспийских этносов с позиции шкалы Свой – Другой – Чужой – Враг – Монстр как близкого скорее к Другому, нежели Чужому или Врагу, является наличие в Астраханской области национальных обществ Казахстана, Туркмении, Азербайджана и достаточно больших диаспор, в которых сформирована транснациональная идентичность. Так, официальный список представлен 15 общественными объединениями и национально-культурными обществами Астрахани, которые активно взаимодействуют с администрацией МО «Город Астрахань»²⁴⁶. Если рассматривать количество национально-культурных обществ в целом по Астраханской области, то количество приближается к 40. Национально-культурные общества при поддержке высших учебных заведений и молодежных организаций принимают активное участие в социокультурной жизни города и области, участвуют в грантовых конкурсах от муниципального, регионального и федерального бюджетов. Взаимосотрудничество организаций приводит к оптимизации адаптивной модели, благоприятно сказываясь на формировании комплексной безопасности региона. Самыми активными диаспорами на территории Астраханской области являются: областное и районные общества казахской культуры и языка «Жолдастык» (1990 год), общество армянской национальной культуры «Арев» (1996 год), Астраханская областная общественная организация узбекской культуры «Узбекистон» (1996 год), Астраханская региональная общественная организация национальной культуры «Азербайджан» (2001 год), Астраханская региональная общественная организация по сохранению и развитию туркменской культуры «Туркменистан» (2009 год).

²⁴⁶ Официальный сайт администрации МО «Город Астрахань». Национально-культурные общества. [Электронный ресурс]. URL: <https://www.astrgorod.ru/content/nacionalno-kulturnye-obshchestva> (Дата обращения: 14.05.2022).

В целом россияне, особенно молодое поколение, не имея экзистенциальных оснований для рассмотрения представителей трех каспийских постсоветских стран как Своих, до последнего времени воспринимали их как иных, других, но близких и понятных, «своих во втором круге». Особенно это проявлялось в Астраханской области, которая является образцом многовековых поликультурных традиций, где присутствуют практически все диаспоры прикаспийских народов. Для данного региона этничность давно не является маркером чужести, поскольку казахи, туркмены и азербайджанцы исторически жили на территории российского Прикаспия, а все «советские» этносы чаще рассматривались как часть сообщества Своих: *«они не «чужие», а «другие», и они мне не всегда понятны. У меня был опыт хорошего тесного общения с гражданами из Казахстана. Они практически такие же, как мы. Здесь ещё играет роль то, что мы смогли свободно говорить на русском языке, мы были примерно одного возраста, и у нас хорошо выстраивалась коммуникация»* (Любовь, 26 лет); *«Иранцев и туркменов я никогда не ощущал «своими». Никогда. Возможно, разница в языке – это всегда первое. У меня есть друзья-казахи и азербайджанцы. Казахи для меня «свои». Они хотя бы знают русский. Они из Актау, Атырау... прекрасные люди. Наверное, сказалось, что я всю свою жизнь прожил рядом с казахами. Для меня азербайджанцы не «свои» и не «чужие», «иные». Возможно, из-за того, что мои родственники живут в Баку. Уже не «чужие», но ещё не «свои»».* (Дмитрий, 24 года).

Каспийский регион, как центр столкновения западных и российских культурный паттернов и область взаимодействия множества этносов и конфессий, обладает высоким потенциалом для формирования уникального культурного ландшафта. Астраханская область, республики Дагестан и Калмыкия играют важную роль в обеспечении национальной безопасности России и внешнеполитических интересов на Каспии. Миграционные процессы в целях профессиональной занятости и академического обмена между регионами, а также странами Каспия обеспечивают формирование отношений в рамках рационального партнерства и благоприятной межкультурной коммуникации на всех уровнях взаимодействия – от обывательского до политического. Сопряжение различных

культурных систем в Каспийском регионе образует целый комплекс сложных, противоречивых ситуаций, связанных с локальными конфликтами, экологическими и экономическими рисками. В стабильном социуме представители молодого постсоветского поколения делают упор на личное, локальное восприятие происходящего и личную, субъективную характеристику общества.

Своевременность изучения и фиксация происходящих изменений в области социетальной безопасности региона позволят формировать объективные и научно обоснованные рекомендации органам государственной власти всех акторов Каспия. Учет формирования образов Своего и Чужого с точки зрения исторической преемственности, новых коммеморативных практик и идеологических расхождений необходим для создания целого комплекса мер и совместной надгосударственной структуры по обеспечению социетальной безопасности Каспийского макрорегиона. Высокая степень неопределенности дальнейших путей развития коммуникации прикаспийских государств в условиях санкций и специальной военной операции на Украине требует формирования новой геополитической повестки и стратегии развития, поддержания благоприятного климата межконфессиональных отношений и межэтнического взаимодействия, который наблюдался до событий 2022 года.

Опыт трансформации геополитической стратегии взаимодействия на Каспии для всех стран-акторов, и в первую очередь для России, до 2022 года следует считать позитивным, принимая во внимание многочисленные экономические, политические, социальные и культурные международные проекты. Поддержание качества их функционирования позволит сохранить сформированный благоприятный социально-культурный ландшафт Каспийского макрорегиона.

ЗАКЛЮЧЕНИЕ

Распад СССР привел к изменению и частичному разрушению механизмов коллективной, социальной идентичности, процессов коммуникации и самоидентификации.

Образы внешнего и внутренних Чужих использовались как во внешней, так и внутривнутриполитической пропаганде в советское время и продолжают использоваться в постсоветский период. Конструирование всех форм образа Чужих проходило систематически, комплексно, планомерно. Культурное поле постсоветского пространства не является единым и гомогенным социокультурным феноменом, поскольку факторы его формирования изначально амбивалентны. С одной стороны, оно сформировано теми традициями, которые были заложены советским периодом развития общества, социальным и культурным опытом сосуществования пятнадцати союзных республик и базовой тенденцией формирования единой общности – советский народ. С другой стороны, после распада СССР культурное поле России трансформируется, сужается, поскольку теряет этнокультурные ландшафты ряда бывших союзных республик. В нем начинает доминировать ориентация на западные культурные и политические традиции. Культурные сигнификаты разного порядка стали приобретать открыто этническую окраску, ранее нехарактерную для советской культуры. Однако определенная область культурного поля продолжает оставаться под влиянием культуры социалистического периода и окрашена ностальгическими эмоциями.

Постсоветская действительность и социокультурная обстановка находятся в состоянии кризиса коллективной идентичности, где постсоветское пространство является синтезом «советского» и трендов современности. Массовая культура, хранящая в себе советские практики, становится проводником в восстановлении преемственности между советским прошлым и постсоветским настоящим. Медийная интернет-реальность постсоветского пространства позволяет постсоветскому поколению воспользоваться советским культурным

инструментарием. Советское прошлое и культурные паттерны эпохи определяются как Другое в силу взаимной зависимости «советского» и «постсоветского», преемственности между советским прошлым и российским настоящим. Реинтерпретация советской культуры, ее смыслов происходит посредством наполнения постсоветской действительности воспоминаниями. Идеализация советской эпохи и акцентуация коллективного сознания на ее положительных моментах, нейтрализует отрицательные характеристики «советского» от отрицательных элементов, характерных для образа Чужого. Личное транзитное прикосновение к эпохе через воспоминания старшего поколения придает молодежи чувство уверенности в своей защищенности посредством проекции своего Я в коллективное Мы советской эпохи, которая тем самым превращается в гарант смягчения деструктивных потоков современности, как в ситуации с пандемией. Коллективная память представителей социума постсоветского пространства по своему содержанию вариативна, в социокультурный дискурс входят темы, связанные с коллективными травмами, реакционной социальной политикой и мифами нативизма. Ностальгическое культурное поле превращает советского Чужого в Другого, а его ранее актуальные образы в гротескные метафоры.

Советская социальная реальность наполнена набором образов внутреннего и внешнего Чужого, многообразие которых обусловлено поиском идентичности и формированием государственной идеологии в рамках концепта «советского человека», который должен был объединиться в противовес западным и внутренним врагам для великой общей цели – строительства коммунизма. Внешний Чужой («буржуй», «капиталист», «иностранец») и внутренний Чужой («враг народа», «поп», «интеллигент», «тунеядец», «стиляга», «фарцовщик») в их исторической динамике развиваются и актуализируются в зависимости от направлений работы государственной идеологии и политических целей. В связи с практикой персонификации образов Чужого в советскую эпоху активно используются алиментарные и вестиментарные маркеры чужести. Отличие языковой и религиозной коммуникативной среды также являются ключевыми маркерами идентификации Чужого. Следует отметить, что внешние образы Чужого

объединены в группу по принципу того, что именно внешний Чужой угрожает физической безопасности и сохранности советского человека, его жизни и дальнейшему благополучному существованию. Внешний Чужой угрожает действующим географическим границам, нарушает право Своего на собственную реализацию и представление своих интересов на мировой арене. Образы внешнего Чужого демонизировались прежде всего средствами государственной пропаганды и визуализировались в искусстве плаката, карикатуры, киноиндустрии, что способствовало дальнейшему распространению и более эффективному воздействию необходимых смыслов, и преподносились как угроза прежде всего безопасности и идеологической устойчивости «советского человека». Внутренний Чужой в советский период рассматривается как угрожающий стабильности внутривнутриполитического баланса внутри государства, способствует уничтожению базовых социалистических принципов, устоявшегося внутреннего мира советского человека и его окружения. Распад Советского Союза привел к тому, что образы Чужого стали конструироваться под влиянием текущей социальности реальности, с другой стороны – через оптику прошлого.

В последние годы быстротекущая и трансформирующаяся современность (пандемия, конспирологическая истерия, резкая поляризация мира, глобальная экологическая повестка, эсхатологические дискурсы и т.д.) порождает ситуативные образы Чужого и новые маркеры его идентификации: вакцинированный – не вакцинированный, советский – западный, либеральный, русский – украинец как педалирование этничности и т.д. Быстрые социокультурные изменения под влиянием дигитализации и когнитивной войны усугубляют зонирование социальной структуры на Своих и Чужих, где Чужие могут мгновенно перейти в разряд Врага и Монстра, когда их действия расцениваются как открытое покушение на физическую безопасность и благополучие Своих.

Реверсивность образов постсоветского Чужого обусловлена детрадиционализацией образа жизни постсоветского социума и процессами дегуманизации Врага. Необходимость создания национальной идентичности для

объединения нации с целью противостояния внешнему Чужому вновь актуализирует привычные для советского человека образы: «санкционеры», «мигранты», «иностранцы», «нацисты» (в текущем медиа-дискурсе «неонацисты»). Внешний Чужой продолжает быть воплощением гипертрофированной угрозы для сохранности всего социума, а внутренний Чужой преследует цель идеологического раскола Своих, негативного воздействия на смыслы, ценности, которые определяют поведение и жизнедеятельность Своих. Идеологические разногласия становятся ведущим маркером характеристики чужести и его определения как демонизированного Врага и Монстра. Главная цель современного Чужого – посеять диссонанс, поляризовать социальную, политическую и культурную сферы, радикализовать общество Своих, нарушить сплоченность общества, усугубив экономическое и культурное расслоение. Хотя надо заметить, что появляются и визуализируются новые вестиментарные маркеры – окровавленное белье, публичная обнаженность, и алиментарные – людоедство.

Новое пространство отношений, формируемое в поликультурном Прикаспийском регионе, может выступить также и основой для конфликтности ситуаций при столкновении традиционных стереотипов, последствий исторических событий, формируемых СМИ и государственной идеологией, стилем поведения представителей разных поколений. Наблюдается усиление в странах постсоветского пространства Прикаспия локальной идентичности – этнической и региональной. Возрастает влияние «титупной нации», усиливаются этнические общности, которые в странах бывшего СССР становятся более гомогенными в пределах своего государства. Культурная ассимиляция русского населения и десоветизация всех сфер в постсоветских странах приводят к отдалению и забвению советского прошлого, советской культуры как скреп постсоветского социума. Тридцать лет переходного периода и развития государственного национализма в Казахстане, Туркменистане и Азербайджане проходят по-разному, так как в каждом из государств выстроена собственная стратегия социокультурного и внутривполитического управления и внешнеполитического взаимодействия. Тенденция к апроприации образа России как Чужого для стран постсоветского

пространства в связи с западным влиянием и специальной военной операцией на Украине может привести к обострению межэтнических и пограничных конфликтов.

Культурный и социально-экономический кризисы, возникшие в результате перехода от советского социалистического общества к постсоветскому, привели к изменению значимости и смысловому наполнению аспектов опыта старших поколений в глазах молодого поколения, а также к построению новой, уникальной модели отношений Свой – Чужой. Для объективного понимания и дальнейшего прогнозирования социокультурных изменений, трансформаций образа Чужого в социальной реальности постсоветского пространства требуется конструирование масштабной картины процессов десоветизации постсоветских стран и анализ действующих социальных и политических механизмов с учетом имеющихся дестабилизирующих системных факторов (специальная военная операция на Украине, протестные настроения, конфликт в Нагорном Карабахе, рост угрозы кибертерроризма и когнитивной войны, экономический кризис под воздействием западных санкций). Национализм, латентно существовавший в Советском Союзе, продолжает оказывать влияние на формирование образа Чужого и на постсоветском пространстве, где в совокупности с идеологическим маркером чужести порождает категоричные формы непринятия Другого и Чужого. Конфликты, ситуации кризиса и напряжения, возникающие на оси взаимоотношений Своего и Чужого, необходимо учитывать для сохранения внутривнутриполитического баланса действующих экономических союзов и коалиций, а также дальнейшего стратегического развития России как одного из ключевых акторов на Каспии и постсоветском пространстве в целом. Дифференцирующий взгляд на проблему конструирования и трансформации образа Чужого в социальной реальности постсоветского пространства позволяет сконцентрироваться на понимании дискурса Свой – Чужой как маркера социального изменения, где траектория трансформаций образа Чужого – зеркало проблем в социальной сфере жизни общества в ее коммуникативном срезе и в аспекте восприятия Другого.

Для дальнейшей работы над выбранной тематикой диссертационного исследования и интеграции полученных результатов в преподаваемые диссертантом дисциплин «Теории и практики межкультурных коммуникаций», «Межъязыковая и межкультурная коммуникация», «Межкультурные коммуникации в полиэтническом регионе» разработаны схемы, визуализирующие и емко структурирующие некоторые полученные выводы (раздел «Приложения»).

Полученные результаты и выводы исследования будут интегрированы в работу над стратегическим проектом «Разработка системы социетальной (комплексной) безопасности Каспийского макрорегиона (Большого Каспия)» программы «Приоритет 2030» и над грантом РНФ 22-18-00301 «Процесс конструирования новых идентичностей в Каспийском макрорегионе в контексте социетальной безопасности».

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. «Антиваксер» и «шмурдяк»: какие ещё новые слова появились в 2021 году. [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <https://nsknews.info/materials/antivakser-i-shmurdyak-kakie-eshchye-novye-slova-poyavilis-v-2021-godu/>.
2. Абрамов, Н. Словарь русских синонимов и сходных по смыслу выражений. Чужой / Н. Абрамов. М.: Русские словари, 1999. – С. 424.
3. Абрамов, Р. Музеефикация советского: историческая травма или ностальгия. 2014 [Электронный ресурс] / Р. Абрамов. – Режим доступа: <http://gefter.ru/archive/11132>.
4. Абрамов, Р. Н. Время и пространство ностальгии / Р. Н. Абрамов // Социологический журнал. – 2012. – № 4. – С. 5–23.
5. Аватков, В. А. Специфика геополитики Азербайджанской Республики [Электронный ресурс] / В. А. Аватков // Постсоветские исследования: сетевое издание. – 2021. – Т. 4. – № 2. – С. 104–108. – Режим доступа: https://e46c205d-83c7-4e8c-bb4b-8df266fbae81.filesusr.com/ugd/0206eb_a9bcae1beb5d47729b0a6c163dd00bcf.pdf.
6. Адамова, М. А. Женский терроризм в современном политическом процессе: автореф. дис. ... канд. политич. наук: 23.00.02 / Адамова Мария Анатольевна. – Пятигорск, 2007.
7. Алиев, Р. Т. Алиментарные модели этнического чужого в (пост)ковидный период / Р. Т. Алиев, О. С. Якушенкова // Журнал фронтальных исследований. – 2021. – Т. 6. – № 3 (23). – С. 213–226.
8. Алиев, Р. Т. Образ Чужого в (пост)ковидный период: анализ русскоязычных интернет—запросов / Р. Т. Алиев, О. С. Якушенкова // Galactica Media: Journal of Media Studies. – 2021. – Т. 3. – № 4. С. 163–190.

9. Андреева, Г. М. Социальная психология / Г. М. Андреева. – М.: Аспект Пресс, 2001. – 375 с.
10. Андропова, И. В. Эволюция интеграционных процессов на постсоветском пространстве / И. В. Андропова // Вестник Российского университета дружбы народов. Серия: Экономика. – № 5 (2012). – С. 72–81.
11. Ассман, А. Мемориальная культура и историческая политика / А. Ассман. – М.: Новое литературное обозрение, 2014. – 328 с.
12. Ассман, Я. Культурная память: Письмо, память о прошлом и политическая идентичность в высоких культурах древности / Я. Ассман / Пер. с нем. М. М. Сокольской. – М.: Языки славянской культуры, 2004. – 368 с.
13. Багдасарян, В. Е. Образ врага в исторических фильмах / В. Е. Багдасарян // Отечественная история. – 2003. – № 6. – С. 31–46.
14. Балакина, Е. И. Диалог как способ превращения «чужого» в «свое» / Е. И. Балакина // «Свое» и «чужое» в культуре: сб. ст. и материалов Всерос. заоч. науч. конф. с междунар. участием «Человек и мир человека». Барнаул; Рубцовск: Изд-во Алт. ун-та, 2011. – С. 73–82.
15. Батуева, Е. Б. Социально-психологические факторы отношения к терроризму / Е. Б. Батуева // Вестник Бурятского государственного университета. Образование. Личность. Общество. – 2010. – № 5. – С. 30-35.
16. Батюк, В. И. Россия, США и «Цветные революции» / В. И. Батюк // Вестник Российского университета дружбы народов. Серия: Политология. – 2006. – № 8. – С. 15-26.
17. Бауман, З. Ретротопия / З. Бауман / Пер. с англ. В. Л. Силаевой; под науч. ред. О.А. Оберемко. – М.: ВЦИОМ, 2019. – 160 с. (Серия «CrossRoads»)
18. Бахтин, М. М. Формы времени и хронотопа в романе. Очерки по исторической поэтике / М. М. Бахтин // Вопросы литературы и эстетики. – М.: Художественная литература, 1975. – С. 234–407.
19. Беляев, Д. Стиляга [Электронный ресурс] / Д. Беляев // Крокодил. – 1949. – № 7. – Режим доступа: <https://www.beliy.ru/work/stilyagifilm/-id=356.htm>.

20. Бенвенист, Э. Общая лингвистика / Э. Бенвенист. – М.: Едиториал УРСС, 2002. – 369 с.
21. Бергер, П. Социальное конструирование реальности. Трактат по социологии знания / П. Бергер, Т. Лукман / Пер. Е. Д. Руткевич. – М.: Медиум, 1995. – 323 с.
22. Бердзенишвили, А. С. Судьба человека в постсоветском социальном пространстве (в сб. «Человек постсоветского пространства») / А. С. Бердзенишвили, В. Е. Горозия // Сборник материалов конференции. Выпуск 3 / Под ред. В.В. Парцвания. – СПб.: Санкт-Петербургское философское общество, 2005. – С. 115.
23. Богданов, К. А. Vox populi: фольклорные жанры советской культуры / К. А. Богданов. – М.: Новое литературное обозрение, 2009. – 362 с.
24. Богданов, К. А. Vox populi: фольклорные жанры советской культуры / К. А. Богданов. – Новое литературное обозрение, 2009. – 362 с.
25. Бойм, С. Будущее ностальгии / С. Бойм / Перевод с английского А. Стругач. – М.: Новое литературное обозрение, 2019. – 680 с. (Серия: Библиотека журнала «Неприкосновенный запас»).
26. Бойм, С. Конец ностальгии? / С. Бойм // Новое литературное обозрение. – 1999. – № 39. – С. 90–100.
27. Бойм, С. Общие места: мифология повседневности. – М., 2002. – 320 с.
28. Брусиловская, Л. Б. Культура повседневности в эпоху «оттепели» (метаморфоза стиля) / Л. Б. Брусиловская // Общественные науки и современность. – 2000. – № 1. – С. 163-174.
29. Бубер, М. Я. Я и Ты / М. Я. Бубер. – М.: Высш. школа, 1993. – 175 с.
30. Былевский, П. Г. Феноменологический анализ явления «культура отмены» / П. Г. Былевский, Е. П. Цацкина // Вестник Московского государственного лингвистического университета. Гуманитарные науки. – 2022. – Вып. 2 (857). – С. 162–169.
31. Вайль, П. 60-е: Мир советского человека / П. Вайль, А. Генис. – М.: Новое литературное обозрение, 1996. – 368 с.

32. Вальденфельс, Б. Мотив чужого / Б. Вальденфельс. – Минск: Пропилеи, 1999. – 176 с.
33. Вашик, К. Метаморфозы зла. Образ врага в немецком и советском плакате / К. Вашик // Родина. – 2002. – № 10. – С. 14–17.
34. Верлен, Б. Общество, действие и пространство. Альтернативная социальная география / Б. Верлен // Социологическое обозрение. – 2001. – Т. 1. – № 2. – С. 26–47.
35. Волков, В. Советская цивилизация как повседневная практика: возможности и пределы трансформации / В. Волков // Куда идет Россия? Общее и особенное в современном развитии: материалы международного симпозиума / под общ. ред. Т.И. Заславской. – М.: Интерцентр. – С. 323–333.
36. Все в прошлом: Теория и практика публичной истории / Под. ред. А. С. Завадского, В. С. Дубиной. – М.: Новое издательство, 2021. – 448 с.
37. Выходцева, И. С. Концепт «свой – чужой» в советской словесной культуре (20–30-е гг.): дис. ... канд. филол. наук: 10.02.01 / Ирина Сергеевна Выходцева. – Саратов, 2006. – 187 с.
38. Горшков, М. К. Формирование общероссийской идентичности: контекст Российского Кавказа / М. К. Горшков // Российский Кавказ: проблемы, поиски, решения. Научное издание / Под общ. ред. Р. Г. Абдулатипова, А.-Н. З. Дибирова. – М.: Аспект Пресс, 2015. – 600 с.
39. Григорьев, А. В. Рефлексия студентов прикаспийских государств на январские протесты 2022 года в Казахстане в контексте безопасности региона / А. В. Григорьев, Л. А. Холова // Caspium Securitatis: журнал каспийской безопасности. – 2022. – Т. 2. – № 1. С. 97–108.
40. Гудков, Л. Д. Идеологема «врага». Негативная идентичность: статьи 1997–2002 гг. / Л. Д. Гудков. – М.: Новое лит. обозрение, 2004. – 816 с.
41. Гудков, Л. Д. Перерождения «советского человека» (об одном исследовательском проекте Левада-центра) / Л. Д. Гудков // Одиссей. Человек в истории. – М.: Наука, 2007. – С. 398–436.

42. Гуссерль, Э. Идеи к чистой феноменологии и феноменологической философии / Э. Гуссерль. – М.: ДИК, 1999. – Т. 1. – 336 с.
43. Гуссерль, Э. Картезианские размышления / Э. Гуссерль / пер. с нем. Д. В. Складнева. – СПб.: Наука: Ювента, 1998. – 315 с.
44. Гуссерль, Э. Парижские доклады / Э. Гуссерль // Логос. – 1991. – № 2. – С. 6-31.
45. Демонтаж коммунизма. Тридцать лет спустя: коллективная монография; под ред. К. Рогова. – М.: Новое литературное обозрение, 2021. – 448 с. (Библиотека журнала «Неприкосновенный запас»).
46. Дени, В. Н. Ставка интервентов бита! (Плакат, 1930) [Электронный ресурс] / В. Н. Дени. – Режим доступа: https://artchive.ru/artists/30887~Viktor_Nikolaevich_Deni/works/507196~Stavka_interventov_bita
47. Докипедия: Конституция (Основной закон) Союза Советских Социалистических Республик (принята на внеочередной седьмой сессии Верховного Совета СССР девятого созыва 7 октября 1977 г.) [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <https://dokipedia.ru/document/5163641>.
48. Дугин, А. Г. Геополитика постсоветского пространства [Электронный ресурс] / А. Г. Дугин // Доклад на семинаре Центра консервативных исследований 23 марта – 2011. – Режим доступа: <http://www.konservatizm.org>
49. Дуреев, С. П. Конструирование социальной реальности в контексте современного мирового развития / С. П. Дуреев, Н. С. Дуреева // Вестник Челябинского государственного университета. – 2016. – № 3 (385). – С. 21–25.
50. Еланская, С. Н. Социально-философский анализ советского кинематографа как средства конструирования социальной реальности: специальность 09.00.11 «Социальная философия»: диссертация на соискание ученой степени кандидата философских наук / Еланская Светлана Николаевна. Тверь, 2007. – 213 с.
51. Ефимов, А. Платон мне друг, но истины не надо. Как слово «post-truth», названное «словом года», повлияет на нашу жизнь [Электронный ресурс] / А. Ефимов. – Режим доступа: <https://nplus1.ru/material/-2016/11/21>.

52. Женское лицо террора. Призрачный рай для шахидок. – 2011 [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <http://tajmigrant.com/zhenskoe—licoterrora—prizrachnyj-raj-dlya-shaxidok.html>.
53. Жуков, А. В. Словарь современной русской фразеологии / А. В. Жуков, М. Е. Жукова. – М.: АСТ-ПРЕСС КНИГА, 2015. – 411 с.
54. Журавлева, В. И. Изучение ималогии российско-американских отношений по обе стороны Атлантики: итоги и перспективы / В. И. Журавлева // Американский ежегодник, 2008-2009. – М., 2010. – С. 142–166.
55. Заболоцкий Н. Новый быт: Столбцы, стихотворения, поэмы / Н. Заболоцкий. – Л.: Лениздат, 1990. – С. 28.
56. Завольский, Д. Неосоветизм выдает себя за русский патриотизм [Электронный ресурс] / Д. Завольский // Деловая газета «Взгляд». – Режим доступа: <https://vz.ru/opinions/2019/8/19/992532.html>.
57. Зиммель, Г. Человек как враг / Г. Зиммель // Социологический журнал. – 1994. – № 2. – С. 114–119.
58. Зиммель, Г. Экскурс о чужаке / Г. Зиммель / Пер. А. Ф. Филиппова // Социологическая теория: история, современность, перспективы. Альманах журнала «Социологическое обозрение». – СПб.: Владимир Даль, 2008. – С. 7–13.
59. Зиновьев, А. Гомо советикус / А. Зиновьев. – М., 1991. – 416 с.
60. Иванов, В. В. Исследования в области славянских древностей / В. В. Иванов, В. Н. Топоров. – М.: Наука, 1974. – 334 с.
61. Избранное. «Бросьте, братцы, богов бояться!» Антирелигиозная советская азбука 1933 года [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <https://www.izbrannoe.com/news/eto-interesno/broste-brattsy-bogov-boyatsya-antireligioznaya-sovetskaya-azbuka-1933-goda/>.
62. Информационно-аналитический Центр по изучению общественно-политических процессов на постсоветском пространстве. Туркменистанцы: Дым Отечества нам сладок, но чужбина стала родной. Почему? [Электронный

- ресурс]. – Режим доступа: <https://ia-centr.ru/publications/turkmenistantsy-dym-otechestva-nam-sladok-no-chuzhbina-stala-rodnoy-pochemu/>.
63. Ионова, О. Е. Конструирование социальной реальности в теории координированного управления смыслообразованием / О. Е. Ионова // Вестник МГИМО-Университета. – 2010. – № 4 (13). – С. 130–135.
64. Исхаков, Р. Л. Освещение трудовой миграции в российских средствах массовой информации (образ гастарбайтера в ленте информационных агентств) / Р. Л. Исхаков, А. Н. Старостин, Н. В. Шадрин // Известия Уральского федерального университета. Серия 1: Проблемы образования, науки и культуры. – 2015. – Т. 135. – № 1. – С. 33–49.
65. Каганский, В. Л. Культурный ландшафт и советское обитаемое пространство: Сборник статей / В. Л. Каганский. – М.: Новое литературное обозрение, 2001. – 576 с.
66. Казакова, Л. И. Многоаспектность проблемы «своих» и «чужих» в культурно-историческом процессе / Л. И. Казакова // «Наши» и «чужие» в российском историческом сознании: материалы Междунар. науч. конф. – СПб., 2001. – С. 21–23.
67. Казаринова, Д. Б. Траектории развития постсоветских идентичностей: подходы, модели, тенденции / Д. Б. Казаринова, Н. А. Дунамалян // Политическая наука. – 2022. – № 1. – С. 52–79.
68. Какие наши годы!: Леонид Парфенов откроет окно в прошлое [Электронный ресурс]. – Режим доступа: https://www.vokrug.tv/article/show/kakie_nashi_gody_leonid_parfenov_otkroet_okno_v_proshloe_43410/.
69. Каспэ, И. «Съесть прошлое»: идеология и повседневность гастрономической ностальгии / И. Каспэ // Пути России: культура – общество – человек: Материалы международного симпозиума (25–26 янв. 2008 г.). – 2008. – Т. 15. – С. 205–218.
70. Козлова, Н. Н. Советские люди. Сцены из истории / Н. Н. Козлова. – М.: Издательство «Европа», 2005. – 544 с.

71. Кон, И. С. Социологическая психология / И. С. Кон. – Воронеж, 1999. – 560 с.
72. Копелев, Л. Образ «чужого» в истории и современности / Л. Копелев / Под ред. Я. С. Драбкина. – М., 2002. – 224 с.
73. Коркюф, Ф. Новые социологии / Ф. Коркюф. – М.: Институт экспериментальной социологии; СПб.: Алетейя, 2002. – 172 с.
74. Крадин, Н. Н. Империя хунну. 2-е изд. / Н. Н. Крадин. – М., 2002. – 312 с.
75. Красильникова, М. Б. «Свое» и «чужое» пространство в картине мира русской культуры при переходе от традиционного к нововременному периоду / М. Б. Красильникова // «Свое» и «чужое» в культуре: сб. ст. и материалов всерос. заоч. науч. конф. с междунар. участием «Человек и мир человека». – Барнаул; Рубцовск: Изд-во Алт. Ун-та, 2011. – С. 39–48.
76. Курнаева, Н. А. Свои и Чужие в идентификационных стратегиях интеллигентского дискурса / Н. А. Курнаева, О. В. Рябов // Интеллигенция XXI века: Тенденции и трансформации. – Иваново, 2003. – С. 69–72.
77. Кушкова, А. Советское прошлое сквозь воспоминания о продовольственном дефиците / А. Кушкова // Неприкосновенный запас. – 2009. – № 2 (64). – С. 174–187.
78. Лавров, С. В. О пандемии. Вызовы и задачи [Электронный ресурс] / С. В. Лавров // Китайская газета «Глобал Таймс». – Режим доступа: <https://russiancouncil.ru/analytics-and-comments/comments/statya-o-situatsii-v-mire-v-kontekste-pandemii-koronavirusa-dlya-kitayskoj-gazety-global-tayms/>.
79. Лаптева, М. Л. «Свое» и «Чужое» в когнитивно-дискурсивном пространстве русской фраземики: специальность 10.02.01 «Русский язык»: диссертация на соискание ученой степени кандидата филологических наук / Лаптева Мария Леонидовна. – Астрахань, 2013. – 383 с.
80. Лаптева, М. Л. «Свое» и «чужое» национальной культуры во фразеологическом зеркале русского языка. // Языковая политика и вопросы гуманитарного образования: Сборник научных статей III Международной научно-практической конференции, Пенза, 25–27 октября 2018 года / Под редакцией

- Г. И. Канакиной, М. Г. Лунновой. – Пенза: Пензенский государственный университет, 2018. – С. 63–68.
81. Лаптева, М. Л. Новое «чужое» в русском фразеологическом пространстве / М. Л. Лаптева // Гуманитарные исследования. – 2021. – № 3 (79). – С. 28–32.
82. Латвия объявила Россию спонсором терроризма [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <https://www.reuters.com/world/europe/latvia-designates-russia-state-sponsor-terrorism-over-ukraine-war-2022-08-11/>.
83. Лебедев-Кумач, В. Марш веселых ребят [Электронный ресурс] / В. Лебедев-Кумач. – Режим доступа: <https://www.culture.ru/poems/48210/marsh-veselykh-rebyat>
84. Лебина, Н. Б. Советская повседневность: нормы и аномалии. От военного коммунизма к большому стилю / Н. Б. Лебина. – М.: Новое литературное обозрение, 2015. – 488 с.
85. Левада, Ю. Homo Post-Soveticus / Ю. Левада // Общественные науки и современность. – 2000. – № 6. – С. 5–24.
86. Левинас, Э. Время и Другой. Гуманизм другого человека / Э. Левинас. – СПб.: Высшая религиозно-философ. шк., 1999. – 530 с.
87. Левинас, Э. Тотальность и бесконечное / Э. Левинас. – М.; СПб.: Университетская книга, 2000. – 416 с.
88. Лекторский, В. А. Индивидуальная и коллективная память: старые проблемы и новые вызовы / В. А. Лекторский // Вопросы философии. – 2020. – № 6. – С. 11–17.
89. Лидерман, Ю. Г. В сторону травмы. Как время приобретает качество «пост»? / Ю. Г. Лидерман // Пути России. Будущее как культура: прогнозы, репрезентации, сценарии: доклады участников XVII Международного симпозиума, Москва, 29–30 января 2010 года. – Москва: Редакция журнала «Новое литературное обозрение», 2011. – С. 522–533.
90. Липпман, У. Общественное мнение / У. Липпман. – М.: Институт Фонда «Общественное мнение», 2004. – 384 с.

91. Лисицкий, Э. Культура жилья / Э. Лисицкий // Строительная промышленность. – 1926. – №12. – С. 881.
92. Лотман, Ю. М. Структура художественного текста // Ю. М. Лотман. – СПб.: «Искусство-СПБ», 1998. С. 14–288.
93. Лотман, Ю. М. Внутри мыслящих миров / Ю. М. Лотман. – СПб.: Азбука, 2016. – 445 с.
94. Лысенко, В. Г. Познание чужого как способ к самопознанию (попытка ксенологии) / В. Г. Лысенко // Россия в диалоге культур. – М., 2010. – С. 90–102.
95. Малашенко, А. В. Заметки о пространстве, именуемом постсоветским, и о том, что там делает Россия / А. В. Малашенко // Дружба народов. – 2011. – № 9. – С. 135–152.
96. Маркс, К. Собр. соч. в 50 т. / К. Маркс, Ф. Энгельс. – М.: Гос. издание политической литературы, 1962. – Т. 23. – 907 с.
97. Марченко, Т. Первая волна эмиграции: русская культура за рубежом [Электронный ресурс] / Т. Марченко. – Режим доступа: <https://arzamas.academy/materials/1368>.
98. Массовые протесты в Казахстане [Электронный ресурс]. – <https://www.interfax.ru/chronicle/massovye-protesty-v-kazahstane.html>.
99. Маяковский, В. О дряни. Соч. В 2 т. / В. Маяковский. – М.: Правда, 1988. – Т. 1. – С. 145.
100. Маяковский, В. Разговор с товарищем Лениным. Соч.: В 2 т. / В. Маяковский. – М.: Правда, 1987. – Т. 1. – С. 575.
101. Мид Дж. Г. От жеста к символу / Дж. Г. Мид // Американская социологическая мысль. – М.: Изд-во МГУ, 1994. – С. 215–224.
102. Мид Дж. Г. Разум, Я и Общество / Дж. Г. Мид // Реферативный журнал. Серия 11. Социология. – 1997. – № 4. – С. 162–195.
103. Минобороны РФ объяснило Z и V на военной технике [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <https://www.mk.ru/politics/2022/03/03/minoborony-rf-obyasnilo-z-i-v-na-voennoy-tekhnike.html>.

104. Многоликий Другой. Инвариантность образов Другого/Чужого / А. П. Романова, С. Н. Якушенков, Е. В. Хлыщева [и др.]. – Астрахань: Индивидуальный предприниматель Сорокин Роман Васильевич (Издатель: Сорокин Роман Васильевич), 2018. – 334 с.
105. Моисеев, А. Б. О некоторых теоретических и практических аспектах нравственного воспитания молодежи в современном российском обществе / А. Б. Моисеев // Социально-гуманитарное обозрение. – 2017. – № 1. – С. 45–49.
106. Моммзен, М. Российский политический режим: несоветский авторитаризм и патронажное президентство [Электронный ресурс] / М. Моммзен // Интелрос. – Режим доступа: <http://www.intelros.ru/readroom/nz/nz-74-6-2010/8293-rossijskij-politicheskij-rezhim-neosovetskij-avtoritarizm-i-patronazhnoe-prezidentstvo.html>.
107. Морозова, Е. В. Образ другого в конструировании региональной идентичности (на примере регионов стран Южной Европы) / Е. В. Морозова // Время больших перемен: политика и политики: материалы Всероссийской научной конференции РАПН, Москва, 24–25 ноября 2017 года, Российский университет дружбы народов; Под редакцией О. В. Гаман-Голутвиной, Л. В. Сморгунюва, Л. Н. Тимофеевой. – Москва: Российский университет дружбы народов (РУДН), 2017. – С. 249–251.
108. Морозова, Е. В. Образ Другого во внутривполитическом дискурсе (на примере Страны Басков) / Е. В. Морозова // Каспийский регион: политика, экономика, культура. – 2017. – № 4 (53). – С. 74–80.
109. Морозова, Е. В. Образ другого/чужого в формировании внешнеполитической идентичности (обзор литературы) / Е. В. Морозова // Историческая и социально-образовательная мысль. – 2016. – Т. 8. – № 6–2. – С. 183–186.
110. На своей земле. Почему север Казахстана называют казачьими землями и Как там живут миллионы русских [Электронный ресурс]. – Режим доступа: https://lenta.ru/articles/2022/01/16/north_kz/.
111. На Украине сняли рекламу, где украинка призывает к расправе над русскими [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <https://news.ru/world/na-ukraine-snyali-reklamu-gde-ukrainka-prizyvaet-k-rasprave-nad-russkimi/>.

112. Набоков, В. В. Другие берега. Собр. соч.: В 4 т. / В. В. Набоков. – М.: Правда, 1990. – Т. 4. – 480 с.
113. Независимая газета. Глебова И. И. Верхи и низы: постсоветские метаморфозы. 2007 [Электронный ресурс]. – Режим доступа: https://www.ng.ru/ideas/2007-01-12/11_verhi_nizy.html.
114. Неретина, С. Концепты политической культуры / С. Неретина, А. Огурцов. – М., 2011. – 280 с.
115. Никитин, Г. М. Феноменологическая модель познания социальной реальности в неклассической социальной философии / Г. М. Никитин // Дискуссия. – 2012. – № 1. – С. 20–26.
116. Новые направления в социологической теории / New Directions in Sociological Theory / Общая редакция: Осипов Г. В. Перевод с английского: Л. Г. Ионин. – М.: Прогресс, 1978. – 392 с.
117. Нора, П. Всемирное торжество памяти. Память о войне 60 лет спустя: Россия, Германия, Европа / П. Нора. – М.: Новое литературное обозрение, 2005. – С. 391–403.
118. Нора, П. Проблематика мест памяти // Франция – память / П. Нора, М. Озуф, Ж. де Пюимеж, М. Винок. – СПб.: Изд-во С.-Петербур. Ун-та, 1999. – С. 17–50.
119. Ноэль-Нойман, Э. Общественное мнение. Открытие спирали молчания / Э. Ноэль-Нойман / Пер. с нем., общ. ред. и предисл. Мансурова Н. С. – М.: Прогресс-Академия, Весь мир, 1996. – 352 с.
120. Оболенская, С. В. Германия и немцы глазами русских (XIX в.) / С. В. Оболенская. – М., 2000. – 209 с.
121. Обращение Президента Российской Федерации от 24 февраля 2022 года [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <http://kremlin.ru/events/president/news/67843>.
122. Обыкновенный нацизм, или Как русофобия погубила Украину [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <https://regnum.ru/news/polit/3566008.html>.

123. Омельченко, Е. Смерть молодежной культуры и рождение стиля «молодежный» [Электронный ресурс] / Е. Омельченко. – Режим доступа: <https://m.polit.ru/article/2006/10/26/omelchenko/>.
124. Официальный сайт администрации МО «Город Астрахань». Национально-культурные общества [Электронный ресурс]. Режим доступа: <https://www.astrgorod.ru/content/nacionalno-kulturnye-obshchestva>.
125. Панарин, А. С. Народ без элиты / А. С. Панарин. – М.: Алгоритм; Эксмо, 2006. – 352 с.
126. Пелевин, В. Зомби по-советски / В. Пелевин // Общественные науки и современность. – 1993. – №6. – С. 157-170.
127. Пивоев, В. М. «Свой» против «чужих»: (проблема героя в русской культуре) / В. М. Пивоев. – «Свое» и «чужое» в культуре: сб. науч. ст. Петрозаводск, 2001. – Вып. 2. – С. 14–20.
128. Платон. Софист. Сочинения: в 3 т. / Платон. – М., 1970. – Т. 2. – С. 321–399.
129. Политолог Суздальцев объяснил беспокойство США из-за ввода войск ОДКБ в Казахстан [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <https://www.mk.ru/politics/2022/01/08/politolog-suzdalcev-obyasnil-bespokoystvo-ssha-izza-vvoda-voysk-odkb-v-kazakhstan.html>.
130. Попытка расчеловечить РФ. Мизулина об информационной войне и иноагентах [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <https://radiosputnik.ria.ru/20220714/inoagency-1802570434.html>.
131. Послание Федеральному собранию Российской Федерации. 25 апреля 2005 года [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <http://kremlin.ru/events/president/transcripts/22931>.
132. Почему Россия ссорится с Казахстаном? Интервью Baitassov live [Электронный ресурс]. – Режим доступа: https://www.youtube.com/watch?v=yrW4Rb53RZ0&ab_channel.
133. Прусаускас, А. СНГ как постколониальное пространство / А. Прусаускас // Независимая газета. – 7 февр. 1992.

134. Пресс-выпуск – № 2569. ВЦИОМ [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <http://wciom.ru/index.php?id=236&uid=114806>.
135. Прехтль, П. Интерсубъективность и опыт иного / П. Прехтль // Введение в феноменологию Гуссерля. – Томск: Водолей, 1999. – 96 с.
136. Психология «спирали молчания»: к чему приводит боязнь изоляции [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <https://monocler.ru/spiral—molchaniya/>.
137. Пузанова, Ж. В. Метод неоконченных предложений в исследовании социальных представлений (на примере образа террориста) / Ж. В. Пузанова, А. Г. Тертышникова // Теория и практика общественного развития. – 2015. – № 4. – С. 12–15.
138. Рикер, П. Я сам как Другой / П. Рикер. – М., 2008. – 416 с.
139. Рис, Н. «Русские разговоры»: Культура и речевая повседневность эпохи перестройки / Н. Рис / Пер. с англ. Н. Н. Кулаковой и В. Б. Гулиды. Предисл. И. Утехина. – М.: Новое литературное обозрение, 2005. – 368 с.
140. Рождественский, Р. Пресмыкающимся / Р. Рождественский // Юность. – 1960. – № 10. – С. 69.
141. Роль средств массовой информации и Интернета в предупреждении терроризма: материалы IV-й Всероссийской научно-практической конференции (том 1). – М.: Рос. Гос. унив. нефти и газа им. И. М. Губкина, ОАО «Нефть и бизнес», 2013. – 256 с.
142. Романова, А. П. Феноменология чужого в системе культурной безопасности / А. П. Романова, С. Н. Якушенков, И. В. Лебедева, М. С. Топчиев // Человек, сообщество, управление. – 2011. – № 1. – С. 44–56.
143. Романова, А. П. Чужой как объективная реальность, данная нам в ощущениях и размышлениях / А. П. Романова, С. Н. Якушенков // Вопросы философии. – 2013. – № 2. – С. 49–55.
144. Романова, А. П. Чужой и культурная безопасность / А. П. Романова, Е. В. Хлыщева, С. Н. Якушенков, М. С. Топчиев. – М.: Российская политическая энциклопедия (РОССПЭН), 2013. – 215 с.

145. Романова, А. П. Амбивалентность образа монстра в современной культуре: дихотомия «свой-чужой» // Евразийский союз учёных. – М., 2015. – №3. – С. 52–54.
146. Романова, А. П. Образ Чужого на постсоветском пространстве / А. П. Романова // Каспийский регион: политика, экономика, культура. – 2016. – № 4 (49). – С. 159–166.
147. Романова, А. П. «Советская ностальгия» несоветского цифрового поколения / А. П. Романова, М. М. Федорова // Южно-российский журнал социальных наук. – 2021. – Т. 22. – № 1. – С. 6–18.
148. Рот-Ай, К. Кто на пьедестале, а кто в толпе? Стиляги и идея советской «молодежной культуры» в эпоху «оттепели» [Электронный ресурс] / К. Рот-Ай // Неприкосновенный запас. – 2004. – № 4 (36). – Режим доступа: <https://magazines.gorky.media/nz/2004/4/kto-na-pedestale-a-kto-v-tolpe-stilyagi-i-ideya-sovetskoj-molodezhnoj-kultury-v-epohu-ottepeli.html>.
149. Саввин Д. Фундамент и ядро неосоветизма [Электронный ресурс] / Д. Саввин // Харбин. – Режим доступа: <https://harbin.lv/fundament-i-yadro-neosovetizma>.
150. Савин, С. Д. Культура как фактор динамической стабильности российского общества / С. Д. Савин // Вестн. С.- Петерб. Ун-та. Сер. 12. – 2010. – Вып. 2. – С. 105–112.
151. Сандомирская, И. И. Родина в советских и постсоветских дискурсивных практиках / И. И. Сандомирская // Интеракция. Интервью. Интерпретация. – 2004. – № 2–3. – С. 16–26.
152. Сартр, Ж. П. Бытие и ничто: Опыт феноменологической онтологии / Ж. П. Сартр. – М., 2000. – 639 с.
153. Сейранян, М. Ю. Оппозиция «Свой – чужой» как конфликтоген в политическом дискурсе / М. Ю. Сейранян // Преподаватель XXI век. – 2012. – № 2. – С. 310–314.
154. Серебренникова, А. Н. Диалектное слово с семантикой «свойственности» – «чуждости» (лингвокультурологический аспект): дис. ... канд. филол. наук: 10.02.01 / Анна Николаевна Серебренникова. – Томск, 2005. – 213 с.

155. Слишком нейтральный союзник. Ждет ли Казахстан судьба Украины [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <https://carnegieendowment.org/eurasiainsight/87625>.
156. Словарь иностранных слов / Под редакцией И. В. Лёхина и проф. Ф. Н. Петрова. – М.: ГИИИНС, 1955. – 856 с.
157. Словарь иностранных слов: актуальная лексика, толкования, этимология / Н. С. Арапова, Р. С. Кимягарова и др. – М.: Цитадель, 1999. – 336 с.
158. Советские фарцовщики [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <https://vc.ru/story/52416-sovetskie-farcovshchiki-sozdali-podpolnuyu-kompaniyu-s-oborotom-v-20-mln-rublej-no-byli-rasstrelyany>.
159. Советский энциклопедический словарь / Гл. ред. А. М. Прохоров. – М.: СЭ, 1990. – 1600 с.
160. Советское образование в 1950-х – 1960-х гг. [Электронный ресурс]. – Режим доступа: https://spravochnick.ru/istoriya_rossii/otpepel_i_sovetskaya_kultura_v_konce_1950-h_1960-e_gg/sovetskoe_obrazovanie_v_1950-h_1960-e_gg/.
161. Современное безумие Запада было придумано в СССР [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <https://vz.ru/society/2021/6/16/1104143.html>.
162. СоциоДиггер. – № 19 [Электронный ресурс]. – Режим доступа: https://sociodigger.ru/3d-flip-book/2022vol3-19/?utm_medium=email&utm_source=UniSender&utm_campaign=275469817.
163. Степанов, Ю. С. Константы: словарь русской культуры / Ю. С. Степанов. – Академический проект, 2004. – 992 с.
164. Суздальцев, А. И. Основные политические и социально-экономические проблемы постсоветского пространства / А. И. Суздальцев // В кн.: Мировая политика / Сост.: И. Н. Тимофеев, Т. Махмутов, Е. Алексеенкова; под общ. ред.: С. В. Картунов. – М.: Издательский дом ГУ-ВШЭ, 2007. – С. 396–446.
165. Суздальцев, А. И. Постсоветское пространство: уходящая реальность / А. И. Суздальцев // В кн.: Мир вокруг России: 2017. Контуры недалекого будущего / Под общ. ред.: С. А. Караганов. – М.: Культурная революция, 2007. – С. 122–135.

166. Титков, А. С. Призрак советского человека / А. С. Титков // Социология власти. – 2019. – Т. 31. – № 4. – С. 53-94.
167. Токаев заявил, что в Казахстане присутствуют разные мнения насчет спецоперации России [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <https://tass.ru/mezhdunarodnaya-panorama/14956773>.
168. Токаев назвал причину январских беспорядков в Казахстане [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <https://tass.ru/mezhdunarodnaya-panorama/14956773>.
169. Толковый словарь русского языка начала XXI века. Актуальная лексика / под ред. Г. Н. Складчиковой. – М.: Эксмо, 2006.
170. Толковый словарь русского языка начала XXI века. Языковые изменения / под ред. Г. Н. Складчиковой. – РАН: Фолио-Пресс. СПб, 1998. – 699 с.
171. Топчиев, М. С. Основные векторы конфессиональных отношений российского Прикаспия / М. С. Топчиев // Политематический сетевой электронный научный журнал Кубанского государственного аграрного университета. – 2014. – № 102. – С. 334-345.
172. Тофан, А. В. Методологические подходы к понятию «постсоветское пространство» / А. В. Тофан // Вестник Кыргызско-Российского славянского университета. – 2015. – Т. 15. – № 5. – С. 43- 47.
173. Трубецкой, Н. С. Основы фонологии. Логическая классификация смыслоразличительных оппозиций [Электронный ресурс] / Н. С. Трубецкой. – Режим доступа: http://genhis.philol.msu.ru/printer_130.html.
174. Труфанова, Е. О. Человек и его память в цифровизирующемся мире / Е. О. Труфанова // Вестник Челябинского государственного университета. Сер.: «Философские науки». – 2021. – № 8 (454). – Вып. 61. – С. 30–38.
175. Украинская «фабрика троллей» обучалась польскими инструкторами [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <https://iz.ru/1301382/2022-03-05/ukrainskaia-fabrika-trollei-obuchalas-polskimi-instruktorami>.
176. Утехин, И. В. Очерки коммунального быта. 2-е изд. доп. / И. В. Утехин. – М.: ОГИ, 2004. – 277 с.

177. Федорова, М. М. Поколенческий разрыв и историческая память поколения цифровой эпохи / М. М. Федорова, А. П. Романова // Электронный научно-образовательный журнал «История». – 2020. – Т. 11. – № 9 (95).
178. Фергана. Туркменистан: Какой увидели страну ее бывшие граждане через много лет. [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <https://www.fergananews.com/articles/9309>.
179. Хальбвакс, М. Коллективная и историческая память / М. Хальбвакс // Неприкосновенный запас. – 2005. – № 2–3 (40–41). – С. 8–27.
180. Хантингтон, С. Кто мы? Вызовы американской национальной идентичности / С. Хантингтон. – М.: АСТ, 2004. – 635 с.
181. Хапаева, Д. Очарованные сталинизмом: массовое историческое сознание в преддверии выборов / Д. Хапаева // Неприкосновенный запас. – 2007. – № 5 (55). – С. 48–59.
182. Холова, Л. А. Формы отражения ностальгии по советской эпохе в интернет-пространстве / Л. А. Холова // Ученые записки Крымского федерального университета имени В. И. Вернадского. Философия. Политология. Культурология. – 2020. – Т. 6 (72). – № 1. – С. 86–95.
183. Хрусталева, Н. С. Переживание психической травмы и печали в условиях эмиграции / Н. С. Хрусталева // Вестник Санкт-Петербургского университета. Социология. – 2010. – №1. – С. 253–260.
184. Цветков, Е. В. Научная фантастика как способ конструирования социальной реальности (социально-философские аспекты): специальность 09.00.11 «Социальная философия»: диссертация на соискание ученой степени кандидата философских наук / Евгений Викторович Цветков. – Архангельск, 2009. – 203 с.
185. Черемных, М. Окно РОСТА – № 580 (Плакат, 1920) [Электронный ресурс] / М. Черемных. – Режим доступа: https://artchive.ru/artists/1935~Mikhail_Mikhajlovich_Cheremnykh/works/507103~Na_Vrangelja_Antanta_polna_zloby_Okno_ROSTA_580.
186. Черничкин, Д. А. Анализ онлайн-активности пользователей социальных сетей как реакция на общественно-политические процессы в Республике

- Казахстан / Д. А. Черничкин // *Caspium Securitatis: журнал каспийской безопасности*. – 2022. – Т. 2. – № 1. – С. 75–96.
187. Черничкин, Д. А. Отражение казахстанских событий января 2022 в пространстве онлайн-СМИ (на примере видеохостинга Youtube) / Д. А. Черничкин, Н. В. Алиева // *Каспий и глобальные вызовы: Материалы Международной научно-практической конференции, Астрахань, 23–24 мая 2022 года* / Составители: О. В. Новиченко [и др.]. – Астрахань: ФГБОУ ВО «Астраханский государственный университет», 2022. – С. 702-710.
188. Черняк, Н. А. Нужно ли преодолевать чужое? / Н. А. Черняк // *Вестник Омского университета*. – 2013. – № 3. – С. 17-19.
189. Шалыгина, Д. Л. Образ врага и героя в советских и немецких пропагандистских плакатах периода ВМВ / Д. Л. Шалыгина, В. О. Куликов // *Образ войн и революций в исторической памяти: Материалы международной конференции. Пятигорск, 24–25 апреля 2009 г. Пятигорск, Ставрополь*. – М., 2009. – С. 125–130.
190. Широпаев, А. А. (shiropaev) Неосоветизм [Электронный ресурс] / А. А. Широпаева // LiveJournal. – Режим доступа: <https://shiropaev.livejournal.com/78106.html>.
191. Штихве, Р. Амбивалентность, индифферентность и социология чужого / Р. Штихве / Пер. с нем. Т. С. Головой // *Журнал социологии и социальной антропологии*. – 1998. – Том. 1. – № 1. – С. 41–53.
192. Шютц, А. Смысловая структура повседневного мира: очерки по феноменологической социологии / А. Шютц / Сост. А. Я. Алхасов; Пер. с англ. А. Я. Алхасова, Н. Я. Мазлумяновой; Научн. ред. перевода Г. С. Батыгин. – М.: Институт Фонда «Общественное мнение», 2003. – 336 с.
193. Шютц, А. Формирование понятия и теории в общественных науках / А. Шютц // В кн.: *Американская социологическая мысль*. – М.: МГУ, 1994. – 496 с.

194. Шипун, Ю. Д. «Культура отмены» в России и США: сравнительное исследование / Ю. Д. Шипун // Материалы научного мероприятия «Дни студенческой науки». – Хабаровск, 2021. – С. 257–260.
195. Электронная библиотека книг Президента Туркменистана. Бердымухамедов Г. «Культура – бесценное сокровище народа» [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <https://neutrality.gov.tm/library/ru/reading?src=books%2Fe4a0dc60-5b32-4051-a804-f356da52a8f1>.
196. Эндрюшко, А. А. Интеграция в российское общество мигрантов из Азербайджана и других стран постсоветского пространства: сравнительный анализ / А. А. Эндрюшко // Социологические исследования. – 2020. – № 11. – С. 84-95.
197. Энциклопедический социологический словарь / Под общ. ред. академика РАН Г. В. Осипова. – М., 1995. – 940 с.
198. Эпштейн, М. К истории и значению слова «совок» [Электронный ресурс] / М. Эпштейн // Топос. – 2008. – Режим доступа: <http://www.topos.ru/article/6455>.
- Якимович, А. К. «Свой – чужой» в системах культуры / А. К. Якимович // Вопросы Философии. – 2003. – № 4. – С. 48–60.
199. ArtDocFest. Конкурс «Балтийский фокус». Homo sovieticus [Электронный ресурс]. – Режим доступа: https://artdocfest.com/ru/movie/homo_sovieticus_2020_70/.
200. Cancelling Russian culture is today's moral imperative [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <https://www.indexonensorship.org/2022/06/cancelling-russian-culture-is-todays-moral-imperative/>.
201. Chase, M. The dimensions of nostalgia. The imagined past: history and nostalgia / M. Chase, C. Shaw. – Manchester, 1989. – P. 1-17.
202. Couldry, N. The Mediated Construction of Reality / N. Couldry, A. Hepp. – Cambridge: Polity Press, 2016. – 278 pp.
203. Garage. «Настоящее время, несовершенный вид» [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <https://garagemca.org/ru/exhibition/i-sekretiki-digging-up-soviet-underground-culture-1966-1985-i>.

204. Garage. «Секретики: копание в советском андеграунде. 1966–1985» [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <https://garagemca.org/exhibition/i-spirit-labor-duration-difficulty-and-affect-i>.
205. Garage. Современное советское искусство от «оттепели» до «перестройки» [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <https://garagemca.org/exhibition/i-spirit-labor-duration-difficulty-and-affect-i>.
206. Goldstein, E. «Homo sovieticus» in transition: psychoanalysis and problems of social adjustment / E. Goldstein // *Journal of The American Academy Psychoanalysis*. – 1984. – Vol. 12. – № 1. – P. 115-126.
207. Gombrich, E. H. *Das Arsenal der Karikaturisten* / E. H. Gombrich // *Meditationen über ein Steckenpferd. – Von den Wurzeln und Grenzen der Kunst*, Wien, 1973. – P. 195-216.
208. Goulding, C. An exploratory study of age related vicarious nostalgia and aesthetic consumption / C. Goulding // *Adv. Consum. Res.* – 2002. – Vol. 29. – № 1. – P. 542–546.
209. Hofer, J. *Dissertatio medica de Nostalgia oder Heimweh* / J. Hofer. Basel, 1688.
210. Inside Putin's Russia [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <https://www.pbs.org/newshour/tag/inside-putins-russia>.
211. Kaminski, M. Putin's Neo-Soviet Men [Электронный ресурс] / M. Kaminski // *Wall Street Journal*. – Режим доступа: <https://www.wsj.com/articles/SB10001424052702304256404579451333189423754>.
212. Latvia designates Russia a «state sponsor of terrorism» over Ukraine war [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <https://www.reuters.com/world/europe/latvia-designates-russia-state-sponsor-terrorism-over-ukraine-war-2022-08-11/>.
213. No more Medvedev, Tchaikovsky, or Dostoevsky: the pros and cons of cancelling Russian culture [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <https://bigthink.com/the-present/cancelling-russia-culture-sanctions/>.

214. Putin says West trying to «cancel Russian culture» [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <https://www.aljazeera.com/news/2022/3/25/putin-says-west-trying-to-cancel-russian-culture>.
215. Russia Is Now the World's Most-Sanctioned Nation [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <https://www.swissinfo.ch/eng/bloomberg/russia-is-now-the-worlds-most-sanctioned-nation/47410978>.
216. The Presidential Administration: The Command and Control Nexus of Putin's Russia [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <https://www.marshallcenter.org/en/publications/security-insights/presidential-administration-command-and-control-nexus-putins-russia-0>.
217. Topchiev, M. Transformation of the alien image in the post-soviet space / M. Topchiev, A. Romanova, S. Yakushenkov // 3rd International Multidisciplinary Scientific Conference on Social Sciences and Arts SGEM 2016. – 2016. – Book 3. – Vol. 2. – 949-954 pp.
218. Vignolles, A. A taste of nostalgia: links between nostalgia and food consumption / A. Vignolles, P. Pichon // Qualitative Market Research: An International Journal. – 2014. – Vol. 17. – № 3. – P. 225–238.
219. Vogels, E. A. Americans and «Cancel Culture»: Where Some See Calls for Accountability, Others See Censorship, Punishment / E. A. Vogels, M. Anderson, M. Porteus, C. Baronavski, S. Atske, C. McClain, B. Auxier, A. Perrin, M. Ramshankar // Pew Research Center. – 2021. [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <https://www.pewresearch.org/internet/2021/05/19/americans-and-cancel-culture-where-some-see-calls-for-accountability-others-see-censorship-punishment>.
220. YouTube. Дети пробуют еду из СССР [Электронный ресурс]. – Режим доступа: https://www.youtube.com/watch?v=HXD1tdpP6ao&t=14s&ab_channel=%D0%A0%D0%B5%D1%86%D0%B5%D0%BF%D1%82%D1%8B%20Appetit.
221. YouTube. Почему молодые любят страну, в которой никогда не жили? [Электронный ресурс]. – Режим доступа:

https://www.youtube.com/watch?v=_JHZEQ3YMr0&t=2103s&ab_channel=%D0%A0%D0%B5%D0%B4%D0%B0%D0%BA%D1%86%D0%B8%D1%8F.

222. YouTube. Россия: почему люди хотят назад в СССР | Ностальгия по Союзу, дешевая колбаса и политика Путина [Электронный ресурс]. – Режим доступа: https://www.youtube.com/watch?v=1Ve0PVzppQs&t=3181s&ab_channel=varlamov.

ПРИЛОЖЕНИЯ

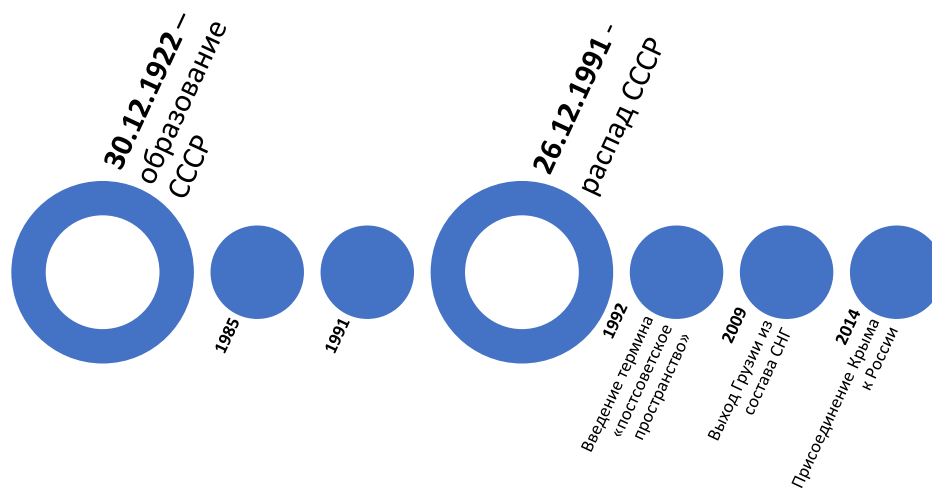


Схема 1. Основные исторические события, формирующие советское и постсоветское пространство

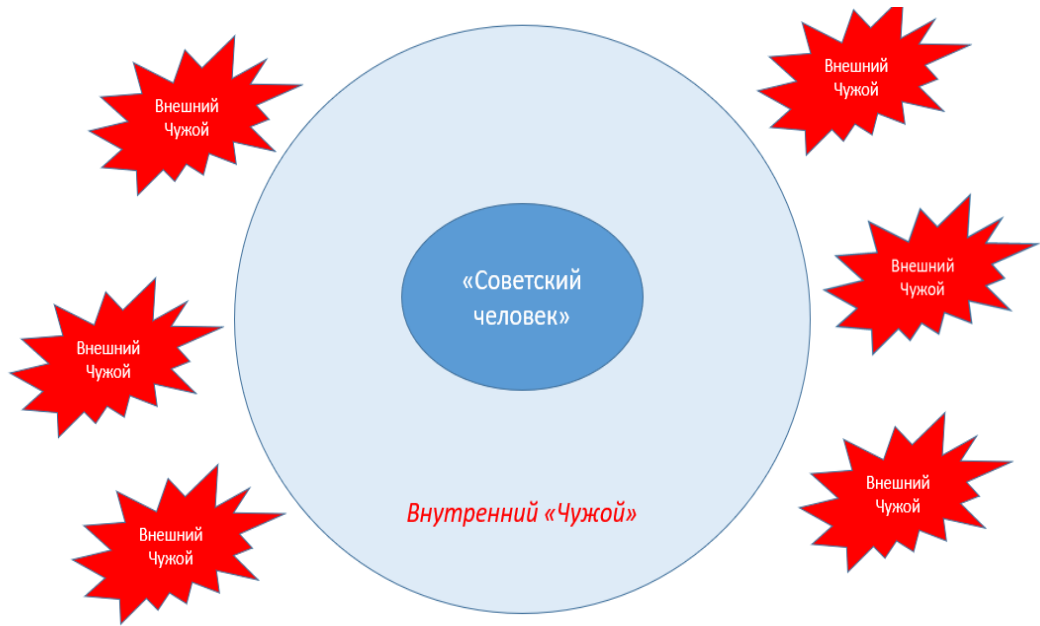
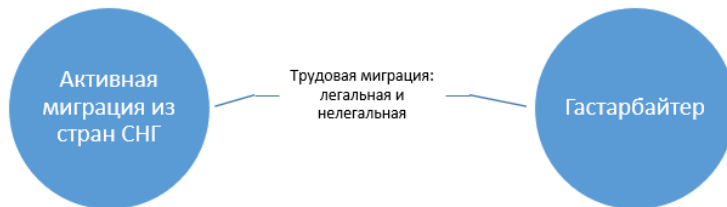


Схема 2. Свои и Чужие в социокультурном пространстве советского человека



Постсоветский Чужой больше не враг народа, он идеологически Другой

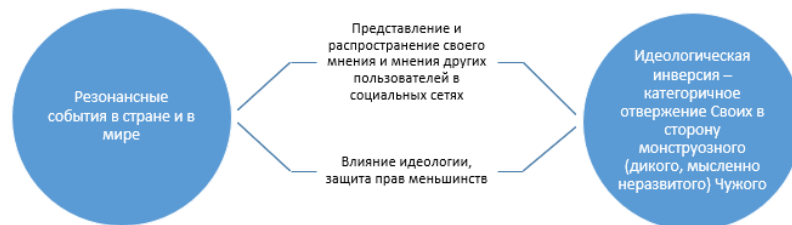


Схема 3 (группа). Формирование образов Чужого на постсоветском пространстве